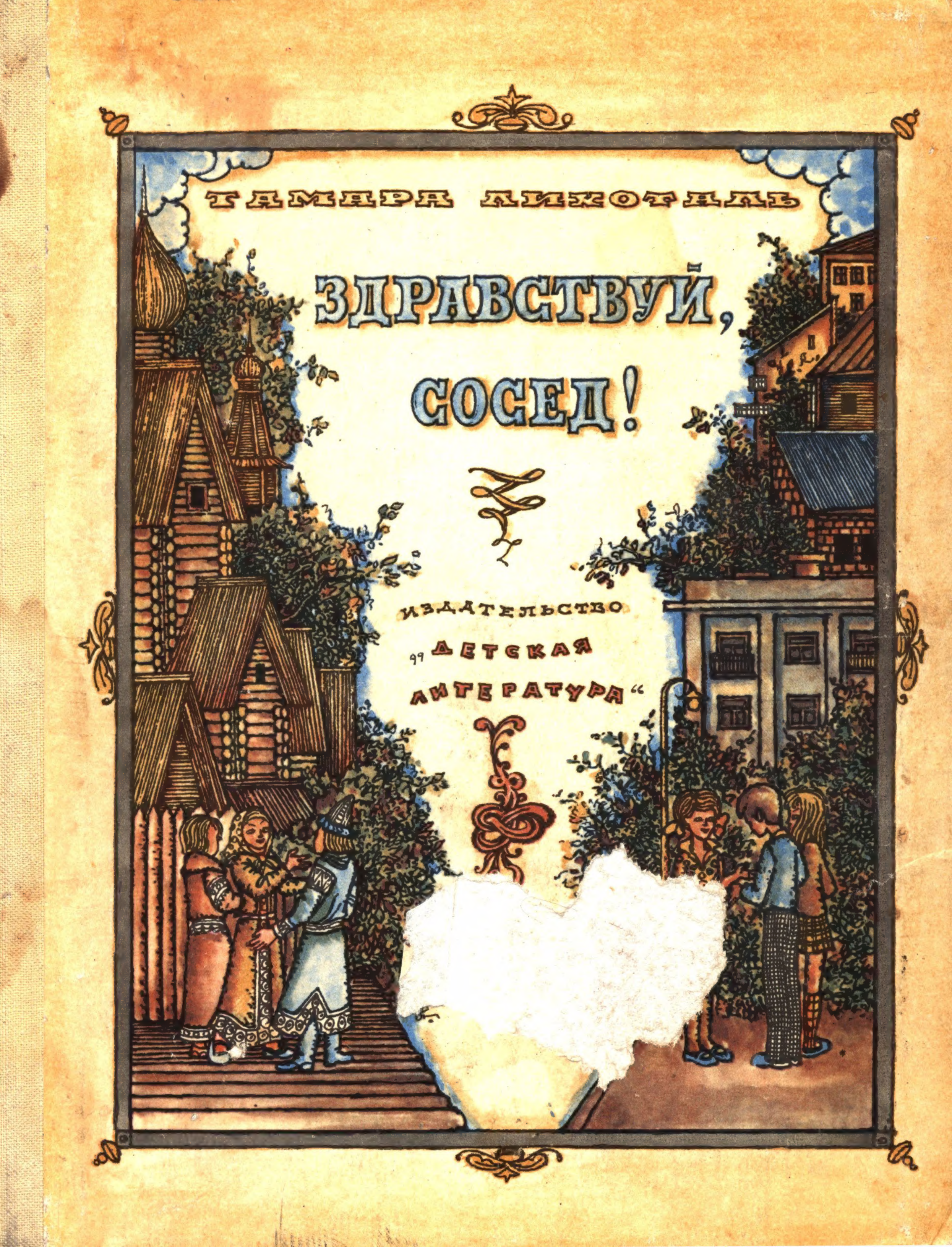
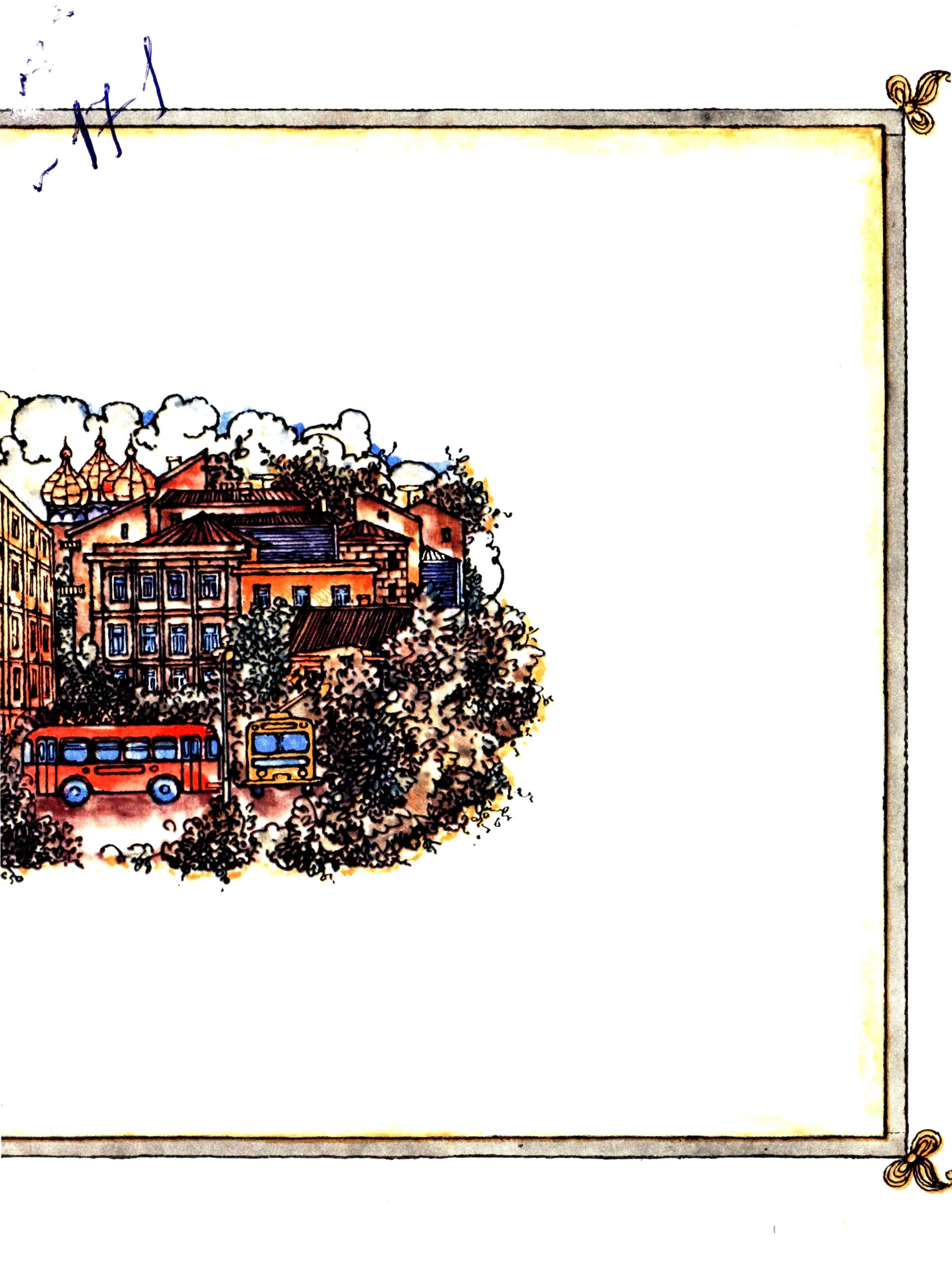

ТАМАРА ЛИХОТАЛЬ
ЗДРАВСТВУЙ,
СОСЕД!
ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА"

ТАМАРА ЛИХОТАЛЬ

ЗДРАВСТВУЙ, СОСЕД!

ПОВЕСТЬ

МОСКВА
"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
•
1977

Р2
Л65

Рисунки А. Добрицына

Лихоталь Т. В.

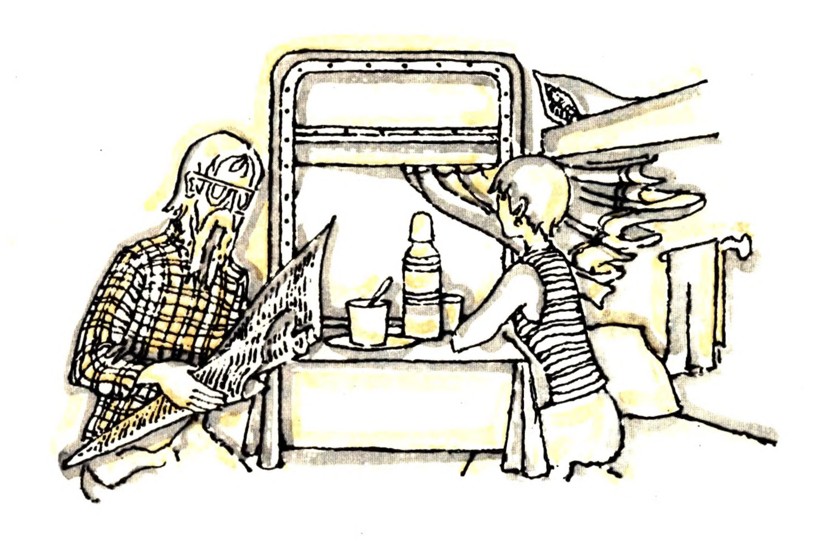
Л65 Здравствуй, сосед! Повесть. Рис. А. Добрицына. М., «Дет. лит.», 1977.

191 с. с ил.

Повесть о детях, юных любителях археологии, о современной жизни Новгорода и его далёком прошлом; современные дети словно преодолевают грань времени и входят в увлекательный мир прошлого.

Р2

Л $\frac{70802-480}{М101(03)77}$ 24Р—77

1. МЫ С АЛЁНОЙ ЕДЕМ В НОВГОРОД

Глава не первая. Поэтому если ты, дорогой читатель, кое-что не поймёшь, не огорчайся и продолжай, пожалуйста, читать дальше

ыло жарко, как в бане, когда плеснут из бадейки на раскалённый камень. Рыжим петушиным хвостом вздымалось над островерхой крышей терема пламя. «По терему прямой наводкой огонь!» — кричал не то Андрюша, не то Пеночкин и целился огромным снежком. Лена и Алёна, крепко взявшись за руки, бежали по улице. Следом дробно стучали по бревенчатой мостовой конские копыта. Это скакал на чёрном как уголь коне Вишена с мечом и большим красным щитом в руках. И я тоже скакала следом за ним. Меня бросало из стороны в сторону, и я чувствовала, сейчас вышвырнет из седла, хваталась за конскую гриву и никак не могла ухватиться.

Это был сон. И пожар и скачка — всё это мне приснилось. Я поняла это сразу, как только проснулась. Я даже подумала: «Странно, я проснулась, и мне уже

ничего не снится, а над головой почему-то белеет в сумраке низкий свод, и по-прежнему слышится стук копыт, и качает так, словно скачка продолжается». И только теперь я проснулась по-настоящему и сообразила, что лежу на верхней полке под самым потолком, вагон покачивает на ходу, где-то внизу постукивают колёса.

Постукивали колёса, покачивалась вагонная полка. А я лежала и думала. О чём? И сама не знаю. О Новгороде, о том, как всё хорошо получилось, о Наталье Ивановне и её письме. Я считала, что она и не помнит меня, написала безо всякой надежды. И вдруг: «Приезжай, Леночка! Будем тебе очень рады! О жилье не беспокойся. И на раскопках, конечно же, сможешь поработать... Дмитрий Николаевич просит передать тебе самый сердечный привет». Значит, он уже приехал, Дмитрий Николаевич. Так с тех пор и приезжает он в Новгород почти каждое лето. Сведения о Дмитрии Николаевиче, хоть и поступают регулярно, но идут ко мне путём долгим и сложным. «По линии круговой передачи через бабушек»,— как шутит наш Серёжа. Действительно, как говорится, нарочно не придумаешь. Из Ленинграда от Анны Егоровны — бабушки Дмитрия Николаевича — на Украину к моей бабушке, а оттуда — в Москву, ко мне.

Интересно, какой он теперь, Дмитрий Николаевич? Наверное, солидный, может, даже важный. А я вижу перед собой лохматого молодого человека в очках. Сидит на крыльце. Огромные кеды на самой нижней ступеньке, а коленки наверху — такой долговязый. И мы с ним беседуем:

«Я только сегодня приехал из Ленинграда. Буду здесь всё лето работать. И это очень приятно — в новом городе встретить хороших людей».

«Хорошие люди — это он про меня»,— думаю я, ведь никаких других людей поблизости нет.

«А тебя зовут Леночка!»

«Да-а, а откуда вы знаете?» — удивляюсь я.

«Секрет,— отвечает он серьёзно и добавляет: — А ме-

ня зовут Дима. Дмитрий Николаевич!» — быстро поправляется он. Но это он зря старался.

Всё равно теперь я буду упрямо называть его Димой. Серёжа будет звать его почтительно по имени-отчеству, а я — Димой, как стала называть при первом знакомстве ещё до прихода мамы. Мама потом говорила, что это нехорошо, что называть Димой взрослого человека невежливо. Но я отвечала: «Он молодой и не обижается».

А называла я Дмитрия Николаевича просто Димой ещё и в пику Серёже, чтобы доказать ему, что мы с Дмитрием Николаевичем тоже друзья, и ещё неизвестно, кто из нас с ним крепче дружит.

Сколько же лет прошло с тех пор? Десять? Нет, пожалуй, уже одиннадцать. Ну да, я тогда перешла в четвёртый. Серёжа заканчивал девятый. И бабушка в то лето гостила у нас. А переехали к бабушке мы уже потом, когда Серёжа окончил школу.

Итак, завтра утром я буду в Новгороде. Вот здорово!

Я протянула руку, подняла повыше оконную шторку, и в окне будто засветился молочный фонарь. Свет был не лунный, когда с переливом серебрится чернота, а ровный белёсый свет северной ночи. А я и позабыла, что в Новгороде в эту пору такие светлые ночи.

Моих вчерашних попутчиц уже не было. Я не слыхала, как они собирались и выносили вещи. Четвёртый наш пассажир тоже, наверное, ничего не слышал — он и сейчас крепко спал на своей нижней полке подо мной. Он, как и я, ехал в Новгород. В командировку. Так он сказал, едва мы разместились в купе.

— А я — на каникулы,— сказала я.

— Студентка? Это замечательно! Студенческие годы — время больших ожиданий!

— Я уже скоро окончу. Один курс остался.

— Замечательно! — повторил он.

Это был приветливый и очень вежливый старичок. Когда поезд отошёл от Москвы и проводница принесла чай, он вытащил из чемоданчика ещё тёплые пирожки с зелёным луком и принялся нас угощать, сказав:

— Будем знакомы! — и назвал своё имя-отчество.

Я тоже сказала:

— Лена.

А он:

— Елена... А как вас по батюшке? Елена Александровна? Очень приятно!

И потом весь вечер он так и называл меня. А обеих наших спутниц не спросил: «Как по батюшке», а обращался к ним просто: «милая Мариночка» или «милая Ирочка». Понятно почему: это были ещё совсем молоденькие девчонки-первокурсницы.

Почему-то всегда первокурсники больше всего любят рассказывать разные истории про институтских преподавателей и студентов. Вот и эти девчонки жевали пирожки с луком и щебетали:

— ...Представляете, взял он зачётку, но двойки не поставил. Заглянул в неё и сказал грустным-грустным голосом: «Вы не студент, а Чебурашка!» Правда, смешно? — хохотала «милая Мариночка».

— А у нас в институте одна четверокурсница с истфака на практике давала урок,— стала рассказывать «милая Ирочка»,— так она, знаете, что наговорила ребятам...

Как сказала она «с истфака на практике», у меня сразу же по спине поползли мурашки. Девчонки-то из моего института! А об уроке, который я давала на практике, говорили потом не только на историческом факультете. Хорошо ещё, что они не знают меня в лицо. Народу в институте много. Всех не запомнишь. И всё же... Говорить им, что ли, больше не о чем!

— А вот я слыхала про одного профессора, так у него на экзаменах, знаете, как все дрожат,— сказала я.— Ребята даже прозвали его Иваном Грозным.

— А-а, Иван Грозный! Знаем! Знаем! — в один голос закричали девчонки.— Он в университете лекции читает.— И, позабыв про злополучную практику неудачливой четверокурсницы, наперебой стали рассказывать разные истории — теперь уже про Ивана Грозного.

Про этого Ивана Грозного я слышала ещё тогда, когда Дмитрий Николаевич жил у нас на Серёжином чердаке. «Товарищи, завтра приезжает Иван Грозный!», «Интерес-

но, что скажет Иван Грозный!», «Дима, вас хотел видеть Иван Грозный!» — говорили все какими-то торжественными голосами. А недавно я прочитала его статью про книгу Дмитрия Николаевича. Очень хорошая книга! Сам Иван Грозный, или, точнее говоря, известный археолог профессор Ядров, написал про неё: «Интересная, хотя и спорная». А ещё написал: «Хотелось бы, чтобы предположения, высказанные молодым учёным, были подтверждены вещественными доказательствами».

Кто знает, может быть, именно теперь удастся Дмитрию Николаевичу найти эти «вещественные доказательства». Хорошо бы, если бы они нашлись с моей помощью! А что тут особенного? Вдруг да повезёт именно мне! Ведь в нашем деле «Его Величество Случай» силен, как нигде. Но «Случай приходит тогда, когда есть кому выйти ему навстречу». Это, кажется, тоже сказал Иван Грозный. Не знаю, придёт ли этот «Случай» теперь или ещё задержится в пути на неопределённый срок, но встретить его есть кому. Дмитрий Николаевич идёт ему навстречу уже много лет.

«Копают они,— пишет Наталья Ивановна,— по-прежнему на Добрынинской». Дом наш, наверное, давно снесли. Но он по-прежнему у меня перед глазами — наш старый домик. Три окошка внизу и одно маленькое наверху, на Серёжином чердаке... Автомат с газированной водой возле булочной... Расчерченный классиками тротуар... Высокий дощатый забор, ограждавший стройку... И улица наша теперь выглядит, наверное, по-другому. Стала длинней, дотянулась до самого Волхова. Ещё до моего отъезда рядом с Наткиным домом стали строить второй жилой дом. За ним должен был быть кинотеатр — на том самом месте, где некогда жил Вишена.

Я вдруг поймала себя на том, что думаю не только о встрече с Дмитрием Николаевичем, с Натальей Ивановной, с ребятами, но и о встрече с Вишеной. Неужели дорога в Новгород — причина тому, чтобы всё это ожило: Вишена... Алёна... Бревенчатая улица Добрыни... Вся эта история, в которой так сплелись и фантазия и быль.

За оконным стеклом на выцветшем белёсом небе

чётко темнеют островерхие макушки ёлок. Еловый частокол высится словно неприступная крепостная стена. Днём и то чего не передумаешь вот так, глядя в окошко, а ночью и вовсе...

Я знаю: за этой зубчатой стеной леса прячутся сёла и посёлки, рассекая лесные заросли, бегут шоссейные дороги, тянутся просеки с линиями электропередач, дымят заводские трубы... Наверное, на всей земле осталось совсем немного не обжитых человеком мест, нехоженых троп. Но сейчас, когда, почти вплотную прижимаясь к окошку, встают на полотне белой ночи сплошной громадой тёмные леса, кажется, что всё здесь осталось таким же нетронутым, древним, как во времена Вишены и Алёны. Я опустила шторку и попыталась заснуть. Но сон не шёл.

Мне представилось, что Алёна, так же как теперь я, возвращается в наш с ней родной город из столицы. «Могло ли так быть? — подумала я по старой привычке и сама себе ответила: — Ну конечно, могло!» Мало ли почему могла Алёна уехать из Новгорода. Может быть, во время пожара сгорел их дом, и они перебрались куда-нибудь к родне. А может, пришлось им уехать и по другой причине. Ведь после всего, что случилось, её отцу Фоме небезопасно было оставаться в городе. Вишена не зря предупреждал, что боярин Ратибор замыслил недоброе. И когда восстание было подавлено, пришлось Фоме бросить и свой домик на улице Добрыни, и кузню у Зверина монастыря и искать пристанища в каком-нибудь другом городе. Впрочем, такой замечательный мастер, как Фома, мог найти работу везде — даже в столице.

Сколько лет я не вспоминала о них и вдруг — опять. Только — удивительное дело — теперь и Алёна и Вишена представлялись мне не такими, как тогда. Они выросли так же, как и я. И Вишена уже не вихрастый мальчишка, а высокий, не по годам серьёзный юноша, и Алёна — не маленькая девчонка, а взрослая девушка. Итак, я еду в Новгород, чтобы повидать старых друзей, поработать на

раскопках. А Алёна? Это я придумала быстро: Алёна возвращается в Новгород потому, что получила письмо от Вишены. По-видимому, очень хорошее было это письмо! Я представила себе, как она держит в руках листок берёсты, который переслал ей Вишена с каким-нибудь знакомым гребцом. Почты тогда ведь не было, и письма чаще всего посылали с оказией — по случаю: едут, например, мастера, подрядившиеся на стройку, или купеческая ладья везёт товар на торг в столицу. Читает Алёна письмо, потихоньку шевеля губами, и лицо у неё такое радостное. И вот уже уложены в плетёную корзинку вещи. Алёна простилась с отцом и отправилась... Нет, не на вокзал за билетом, как я. Моя Алёна ехала бы в Новгород не на поезде, не в автобусе и даже не в возке. По летнему бездорожью добиралась бы она не посуху, а по воде. Плыла бы в ладье.

Мне на мою поездку в Новгород требуется несколько часов. Алёна добиралась бы долго, не один день. Железнодорожный путь от Москвы до Новгорода идёт на северо-запад. Речной дорогой вроде бы тоже надо так плыть. Но река не рельсы, проложенные человеком туда, куда ему нужно. Река течёт, как хочет. Иной раз, чтобы попасть на север, нужно сначала плыть на юг, сделать крюк, как петляет капризная речка. Зато потом она свернёт и поможет тебе добраться в нужном направлении.

Сначала Алёна поплыла бы по Москве-реке. Потом... Карты у меня с собой, разумеется, не было, и меня вдруг взяло сомнение: может, вовсе и не по Москве-реке надо плыть, а по Клязьме. Нет, кажется, Клязьма течёт не на запад от Москвы, а на восток. Ну, значит, по Рузе или по какой-нибудь другой реке. Разве мало их протекает неподалёку от нашей столицы. Правда, многие из них похожи теперь скорей на ручейки. По ним давно уже не плавают суда. Скользят порой разве только лодки любителей-рыболовов или весёлые байдарки туристов. Но тогда, когда путешествовала Алёна, речки были намного полноводней, глубже, шире. И плыла бы моя Алёна до самого волока Ламского. Ну, а дальше водного пути нет. Выгружайся, ставь ладьи на катки, волоки их по земле до

следующей речки, которая соблаговолит тебе подсобить. Знаменит был в своё время этот волок Ламский, и память о нём до сих пор сохранил в своём названии небольшой старинный город Волоколамск. Перетащили корабельщики ладью через Ламский волок до самой Шексны. Усадила я свою Алёну снова на ладью, помахала рукой: «Счастливого пути!» И вдруг... Стоп! Почему? Да потому, что не могла моя Алёна ехать оттуда, откуда ехала я. Она, наверное, и не слыхала про маленькое, никому не известное село под названием Москва. Если Алёна возвращалась в Новгород из столицы, то ехала она не из Москвы, а из славного города Киева.

От Киева до Новгорода дорога известная — по знаменитому пути из варяг в греки. С ранней весны, как только освободится ото льда Днепр, и до поздней осени у киевских причалов толпится множество кораблей — и свои, и чужеземные. Одни пришли с юга из Константинополя, другие — с севера, из земель норвежцев, шведов, датчан. Вышла Алёна к причалам, глянула: красота-то какая! Весь Днепр расцвечен парусами — и белыми, и алыми, и синими. Поспрашивала людей, и вскоре указали ей ладью одного купца, которая отправлялась в Новгород.

Ладья готова к отплытию. Весело трепещет на ветру белый парус. На нём сияет жёлтый круг солнца с расходящимися во все стороны лучами.

«Поспешай, красавица! — кричат Алёне с ладьи.— Сейчас будем убирать сходни!»

Кто-то протягивает ей руку, кто-то подхватывает её корзинку со скарбом. Раздаётся команда кормчего. Гребцы дружно налегают на вёсла, и вот уже исчезает в тумане златоглавый город Киев.

За окном по-прежнему тянулись леса. Но теперь они не казались такими тёмными. Может быть, потому, что это был не еловый частокол, поднимавшийся сплошной стеной, а сосновый бор, состоявший из прямых, точно колонны, сосен. А может, просто потому, что взошло сол-

нце и за позолоченными стволами прозрачно голубела даль.

И опять стала я думать об Алёне. Мне представилось, как вот таким же солнечным утром вошла ладья в широкое русло Волхова. Плывут навстречу купола Софии, рубленные из вековых дубов башни детинца, Великий мост, повисший над свинцовой ширью Волхова. Тут же почти от самых причалов начинается улица Добрыни. Алёна торопливо шагает по бревенчатой мостовой вверх по склону. С детства памятные места! Вот здесь, на углу, когда-то стояла лавка Власия. Неподалёку — избушка старой Сыроеды. Жива ли она ещё? По-прежнему ли ходит в лес за лечебными травами? А вот здесь, на другой стороне, жила Алёна. Напротив стоял маленький домик сапожника Горазда, отца Вишены. Алёна отворила калитку и вошла во двор...

Негромко стукнув дверью, в купе заглянула проводница:

— Пора вставать! Скоро будет чай.

— Спасибо,— поблагодарила я.— Сейчас пойду умываться.

— А ваши ночью сошли,— добавила проводница.

Когда я возвратилась в купе, мой сосед уже тоже успел подняться и с вафельным полотенцем, перекинутым через плечо, и мыльницей в руках стоял в дверях.

— Доброе утро! Доброе утро, Елена Александровна! — радостно отвечал он на моё приветствие.— Сейчас мы с вами будем чаёвничать.

И я опять подумала, какой он приветливый и вежливый — этот старичок со светлыми синими глазами под белыми щёточками бровей. Мне хотелось сделать для него что-нибудь хорошее. Я подумала: у меня в Новгороде вон сколько знакомых: и Дмитрий Николаевич, и Наталья Ивановна, и ребята, а у него, может, никого нет — ведь он говорил, что едет в командировку. И, когда мы с ним пили чай, я сказала:

— Знаете что, Иван Георгиевич? Приходите в пятницу

в шесть часов вечера на Добрынинскую улицу, туда, где стоит высокий забор из досок. Вы его сразу увидите.

Светлые синие глаза Ивана Георгиевича весело блеснули под белыми щёточками бровей.

— В пятницу? На Добрынинскую? К высокому забору? А что там будет в пятницу за высоким забором?

— Вот придёте и узнаете,— сказала я.— Правда, приходите! Не пожалеете!

— Благодарю вас, Елена Александровна! Я с удовольствием воспользуюсь вашим любезным приглашением,— отвечал он, и мне показалось, что он обрадовался.

Прочитав начало, ты, наверное, думаешь: «Да-а, не очень пока понятно, что происходит. Ну, Лена, или Елена Александровна, как её называл вежливый старичок, сосед по купе, ясно кто. Она студентка и, по-видимому, не очень преуспевающая в науках. Чуть не завалила практику в своём педагогическом институте и теперь едет на каникулы в Новгород. А остальные? Другая Лена, которая бежала по улице с Алёной, и Вишена, и Андрюша, и Пеночкин, и Серёжа, на чердаке у которого почему-то жил тот самый Дмитрий Николаевич, который теперь ищет какие-то «вещественные доказательства»? И Наталья Ивановна, приславшая Лене письмо? Даже имён всех сразу не запомнишь...»

Согласна — разобраться во всём этом трудно. Но я предупреждала, что это глава не первая. Теперь постараюсь познакомить тебя со всеми по порядку, а может быть, и не по порядку, а так, как это было на самом деле.

2. ЛЕНА

Глава про меня, а может быть, и не про меня

Елена Александровна — это я. Ты сам слышал, что меня так называл тот милый старичок в поезде. И не только он. Честное слово! Тогда, когда я давала урок на практике,— тоже. Целых сорок пять минут. Только об

этом уроке лучше не вспоминать. Лучше расскажу про Лену.

Лена — это тоже я. Впрочем, может, это не совсем так. Ведь с тех пор прошло одиннадцать лет, и, конечно, та девочка, которую тогда называли Леной или Леночкой, а иногда и Ленкой, пожалуй, мало похожа на меня сегодняшнюю. Мне и в самом деле кажется, что Лена той поры — это совсем не я, а просто хорошо знакомая мне девочка. Я вижу эту девочку как бы со стороны и могу рассказать о ней объективно, то есть беспристрастно, непредвзято, справедливо.

Вот она; Лена, на многочисленных фотографиях. Круглое лицо. Две метёлочки вместо косичек. Большие капроновые банты. Свитер в полосочку — самый любимый, и джинсы — тоже любимые.

Лена с кошкой. Стоит, держит кошку в руках и улыбается. Зато у кошки вид не то сонный, не то сердитый. Наверное, спала кошка, уютно свернувшись клубком, а её разбудили и заставили сниматься. Кому это понравится? Фотография вообще-то хорошая. Только волосы у Лены на ней не светлые, как на самом деле, а тёмные. И кошка не серая, а почти что чёрная. Серёжа сказал: «Не то освещение».

Лена с Наткой. Обе сидят, поджав ноги, на диване. Они любят так сидеть и разговаривать. И эта фотография хорошая. Только вместо лиц у девочек какие-то расплывчатые пятна. «Из-за плохого фокуса»,— сказал Серёжа. Про какой фокус он говорил, Лена тогда не поняла, но зато она прекрасно поняла, что Серёжа ещё не умеет снимать — ведь фотоаппарат ему подарили совсем недавно. А ещё Серёжа говорил: «Археолог обязательно должен быть хорошим фотографом!» Вот он и старался. Потому и фотографий той поры так много.

Вот Лена с бабушкой. Бабушка сидит в кухне на табуретке, а Лена стоит рядом. Бабушкина рука обнимает Лену. Бабушкины глаза смотрят на Лену. Обе — и бабушка и Лена — улыбаются. Сразу видно, что очень рады. Ещё бы! Ведь бабушка в тот день приехала к ним в гости.

А на этой фотографии все вместе — и Лена, и Андрюша, и Пеночкин, и ребята из КИСа, и их руководительница Ирина Александровна. Они гурьбой стоят на высоком холме возле маленькой древней церквушки. Ветер с Волхова треплет шарфик Ирины Александровны и волосы ребят. Волхова на фотографии не видно — он внизу под холмом. Если бы Серёжа сфотографировал их чуть пораньше, пока они ещё не поднялись на холм, то виден был бы и Волхов, и маленький прогулочный теплоходик, который привёз их сюда, на Рюриково городище.

Есть ещё два снимка. Это снимал не Серёжа, а совсем другой человек. И на фотографиях этих вовсе не Лена. На одной — палочка, похожая на гвоздь, только не железная, а костяная. Один конец её заострён, как у карандаша, на другом вырезана голова рыбы. На втором снимке — игрушка. Если посмотреть внимательно, можно разглядеть, что это вылепленная из глины птичка с отбитым хвостом. И костяная палочка, и неказистая птичка имеют самое прямое отношение к девочке с метёлочками вместо косичек по имени Лена.

Про Лену, которую можно увидеть на Серёжиных фотографиях, говорят:

Учительница Нинель Викторовна: «Может хорошо учиться, когда хочет». (И сердится, когда Лена учится не очень хорошо.)

Мама: «Леночка очень рассеянна». (И не разрешает Лене зажигать керосинку, когда Лена остаётся дома одна.)

Серёжа: «Мам, скажи ей, чтобы она не приставала». (И смотрит по телевизору футбол, когда Лена хочет смотреть мультфильм или другую передачу для детей.)

Бабушка: «Ах ты моя ясочка! Умница ты моя!» (И непременно хочет чем-нибудь Лену накормить.)

Папа: «Ну, что ещё сегодня выдумал наш сорванец?» (И весело улыбается.)

Натка: «Лена — моя самая лучшая подруга!» (И кричит под окнами: «Ле-на, вы-хо-ди гу-лять!» или: «Я с ней не вожусь!» И стоит возле своего парадного такая сердитая, что даже бант на её голове топорщится, как уши у разгневанного слона.)

Андрюша: «Лена не отличница, но всё равно начитанная». (И возвращается домой из школы вместе с Леной и Наткой.)

Пеночкин: «Петрушка в красном колпаке! Лена — мена — перемена!» — и прочие разные глупости.

3. АЛЁНА

Глава в какой-то степени тоже про меня. Потому что это я придумала Алёну, когда была Леной

Алёниных фотографий нет. Но это не беда, потому что Алёна с Леной похожи друг на дружку, будто сёстры-близнецы. Только у Алёны вместо метёлочек с большими капроновыми бантами толстенная золотистая коса. Ну и одета Алёна, конечно, ни в какие не в джинсы. На ней просторная, как рубаха, кофточка и длинный, чуть ли не до пят, сарафан. Но самое интересное — это то, что Алёна очень часто и думает и поступает так, как подумала и поступила бы на её месте Лена.

4. ВИШЕНА

И эта глава немного про Лену, потому что Вишену тоже придумала Лена. Ещё даже раньше, чем Алёну

Представь себе мальчишку: глаза озорные, белые волосы — хоть сто раз намажь их конопляным маслом, всё равно торчат вихрами. Длинная рубаха из грубого полотна подпоясана красным плетёным пояском, к которому с боку прикреплён узенький кожаный чехольчик. На ногах большие отцовские сапоги. А похож он... Вот какое странное дело: похож этот вихрастый мальчишка с озорными глазами иногда на Андрюшу, а иногда — на Пеночкина. Ты ещё их не знаешь — ни того, ни другого. Познакомишься с ними, и сам увидишь, когда на кого из них похож Вишена.

5. ДОМА И В ШКОЛЕ

Рассказ первый

Вишена проснулся, но вставать ему не хотелось. Мальчишкам никогда не хочется вставать по утрам. Наверное, поэтому они чаще, чем девочки, опаздывают в школу. Так, по крайней мере, кажется Лене.

Так вот, вместо того, чтобы вставать, Вишена натянул по самые уши овчину, которой укрывался, и прикрыл глаза — пусть мать подумает, что он спит. Только разве от матери утаишься? Вроде и не глядит, а всё видит.

— Поднимайся,— сказала,— сынок. Встанешь раньше — шагнёшь дальше.

Топится печь, и в избе дымно. Правда, дым вьётся вверху под самой кровлей, а внизу на лавке — ничего, дышать можно. Вишена лежал и сквозь ресницы смотрел, как уползает в высокое, под самой стрехой, оконце дым. Скоро его и вовсе вытянет, и останется в избе тепло и хлебный дух. Тут Вишена опять услышал мамин голос:

— Кто пораньше встаёт, тот грибы берёт. А сонливый да ленивый идут после за крапивой.

Мать Вишены Ульяна всегда так складно говорит. Плетёт слова одно к другому, будто кружево. Хочешь не хочешь, а запомнишь. Вставать и в самом деле пора.

Вишена отбросил овчину и, не сходя с лавки, сунул ноги в сапоги. Мог бы в один сапог и обе ноги сунуть. Сапоги были широкие — отцовские.

Едва Вишена толкнул наружную дверь, его сразу охватило свежим ветром. По утрам от Волхова всегда тянет прохладой, даже в самый жаркий день. Вставало солнце. Оно уже выкатилось из-за леса — чистое и светлое, будто его с утра омыло волховской водой. Ветер растрепал в небе мглистые ночные облака, и теперь они плывут друг за дружкой в синеве, как паруса по Волхову. Весело возятся в земле куры. А в голубятне воркуют голуби.

Голубятня — подарок дяди Викулы, маминого брата. Дядя Викула плотник. Придёт в гости — за поясом топор.

Дядя Викула на своём веку немало построил, или, как он сам говорит, срубил домов. Как-то шли они вместе по городу. Дядя Викула приостановился, кивнул головой:

«Гляди, племяш, вот мой дом!»

Вишене понравился дом дяди Викулы. Весело глядит он оконцами, украшенными резными наличниками. Над крыльцом тоже вьётся деревянное кружево. Кровля островерхая. А над ней вытесан гривастый конёк.

На другой улице опять:

«И это, племяш, мой дом!»

Отец Вишены Горазд над дядей Викулой посмеивается:

«У тебя домов, как у зайца теремов. На каждой улице по дому, а жить негде».

«Правда,— подумал Вишена.— И у самого дяди Викулы худая избёнка, и у них дом неказист собой». И спросил:

«Дядя Викула, а почему ты не срубишь дом ни себе, ни нам?»

Дядя Викула усмехнулся, погладил Вишену по вихрам и пообещал:

«Срублю, племяш, не тужи!»

А пока построил он голубятню для Вишениных голубей. Ну и голубятня! Настоящий теремок! Не хуже, чем терем боярина Ратибора. Только у Ратибора терем большой, а у Вишениных голубей — маленький. И кровля не позолочена, как у боярских хором. Но всё равно такой голубятни нет больше ни у кого на всей их улице Добрыни. Одно только плохо: стоит голубятня над хлевушком, в котором живёт поросёнок. До того вредный! Вишена прозвал его Визгуном. Выйдешь утром, слышно, как он похрюкивает у себя в закуте.

Вишена подходит к хлевушку тихо-тихо. Но только ступит на первую перекладину приставной лесенки, Визгун как заверещит! Ну будто его кипятком ошпарили. И бух-бух — колотит в стену хлевушка. Стихнет, прислушиваясь,— не ушёл ли Вишена, а потом опять: бух-бух изо всей силы. И снова визжит истошным голосом на всю улицу. Верещит поросёнок, а попадает Вишене. Зато сейчас вредная животина пусть хоть зайдётся от визга! Вишене не страшно: только что мать с коромыслом через

плечо ушла со двора. И отца с утра нет дома. Ушёл вместе со Жданом за кожами. Значит, и ругать Вишену некому.

Голуби в своём теремке доклёвывали пшено. Наверное, Ждан бросил им. Открыть бы сейчас дверцу, выпустить на волю птиц и смотреть, как в синем небе будет кружить голубиная стая... Хорошо бы, да нельзя. Отец узнает, рассердится. Дело ли — с утра пораньше гонять голубей?

Вишена, конечно, ещё бы полюбовался на голубей, но тут воротилась мать. Вишена мигом спрыгнул с лесенки. Подбежал к кадке, ополоснул лицо, утёрся висевшим на колышке расшитым полотенцем и побежал в дом. На столе уже стояла приготовленная матерью еда: корчажка молока и нарезанный крупными ломтями хлеб — мягкий, пахучий, только что испечённый. Хлеб — он всего вкуснее свежий. Ещё горячие караваи возвышаются на лавке, прикрытые чистым полотенцем. Потом мать уберёт хлеб в короб. И будет он там лежать, черствея, пока не подберут его весь до куска. Вишена обычно ждёт не дождётся дня, когда будут печь хлеб, а мать напечёт и вздыхает: свежего-то больше съедят, чем чёрствого.

Мать поторапливала:

— Опоздаешь на ученье!

Вишена быстро покончил с едой, надел чистую рубаху, привязал к поясу чехольчик с писалом, взял доску для письма и сбежал с крылечка.

Несмотря на ранний час, улица Добрыни уже проснулась. Над избами вились дымы. Перекликались голосистые петухи, лаяли собаки. Из чистенького домика, стоявшего на другой стороне улицы, вышел отец Алёны, кузнец Фома. Вишена поклонился ему и хотел было спросить про Алёну, но раздумал. И так ясно, что Алёна давно уже ушла. Она никогда не опаздывает в школу. Фома кивнул Вишене и зашагал неторопливыми широкими шагами. Обычно он уходит ещё раньше и возвращается домой только к вечеру. Даже обедать не приходит. Кузня его находится далеко — за городским валом. Не нашагаешься туда-обратно.

Вишена бежал по улице, и отцовские сапоги громко бухали по бревенчатой мостовой. Возле усадьбы боярина Ратибора он замедлил шаги. Заглянул в щель между досками высокого забора. На просторном боярском дворе полным ходом шла работа. Работал, конечно, не сам боярин. Конюхи старательно чистили коней. Маленькая горбатая ключница, размахивая руками, что-то кричала сердитым голосом женщинам, таскавшим муку и овощи из амбара на кухню. Вишена посмотрел на высокое крыльцо боярского терема — может, Борис сейчас выйдет. Но Борис, как и Алёна, наверное, уже ушёл со своим холопом. Бориса утром в школу провожает холоп. А в полдень приходит забирать его домой. Вишена двинулся дальше. В это время отворились ворота, и с боярского двора вышли, неся большую плетеную корзину, горшечник Данила с сыном Глебом, приятелем Вишены. В другой руке у Данилы была лопата. Наверное, идут на берег Волхова — копать глину. Вишена поздоровался. Данила кивнул головой, а Глеб помахал рукой и завистливо посмотрел вслед Вишене.

Вишена быстро добежал до лавки Власия, где улица Добрыни пересекалась с Проезжей. Улица Добрыни дальше вела вниз к Волхову. Но Вишене нужно было не на Волхов, а в детинец. Вот уже видны его высокие бревенчатые стены с надворотными башнями. А за ними возвышаются купола Софийского собора.

Вишене кажется, что это стоят великаны волоты в шлемах. Пятеро — в простых, а шестой, словно князь,— в золотом. Потому что только один купол Софийского храма позолочен, а пять остальных покрыты свинцовыми плитами — тёмными, как вода в Волхове. А про волотов рассказывают старые люди, будто и в самом деле в давние времена жило в Новгороде такое племя богатырей-великанов. И поле, что простирается за городским валом, до сих пор называют Волотовым полем.

На Проезжей улице всегда людно. Толпами движутся богомольцы. Шагают, громко переговариваясь на непонятном языке, иноземцы — купцы и корабельщики. Приплыли с товарами на торг, всё распродали и теперь идут

поглядеть на Софию, слух о которой дошёл и до их далёких земель.

Вишена свернул с мощёной дороги и по тропинке, вьющейся между зарослями бузины и черёмухи, побежал к небольшому бревенчатому домику, где размещалась школа. Ещё издали он увидел Бориса. Расстегнув отороченный мехом красный кафтанчик и сдвинув на затылок круглую бархатную шапку, Борис гонялся за юрким Васильком. Борис на ходу размахивал руками, будто закидывал аркан, а Василёк скакал, брыкая ногами и вскидывая голову.

— Чур, я конь! — закричал Вишена, подбегая к ним.

Но поиграть им не пришлось. В конце дубовой аллеи показался высокий худой монах в чёрной рясе.

— Отец Илларион! — крикнул кто-то из ребят, и, разом бросив играть, мальчишки и девчонки побежали навстречу учителю.

Проворный Василёк подбежал первым и, поздоровавшись, взял из рук учителя пачку берёстовых листков. Зато Вишене досталась книга. Прежде, чем взять её от учителя, Вишена поднял вверх руки, показывая, что они чисто вымыты. Вслед за отцом Илларионом ребята вошли в домик.

Когда все расселись на скамьях вокруг большого дубового стола, отец Илларион опустился на скамью и раскрыл книгу.

«Будет читать!» — обрадовался Вишена. Больше всего любит он, когда учитель читает или рассказывает разные удивительные истории. Однажды прочитал им отец Илларион про юношу. По приказу злого царя этого юношу бросили на съедение львам. Никому из ребят никогда не приходилось видеть живого льва. Даже в Зверином монастыре нет такого зверя. Там, правда, и монастыря никакого нет — дремучий лес, болота с замшелыми кочками да ещё избушка, в которой живут княжеские ловчие. Туда ездит на охоту сам князь со своими приближёнными боярами. Свалят лося или затравят волка. А иной раз и живьём возьмут зверя или звериных детёнышей. Посадят в клетку. Там и живут они под присмот-

ром ловчих на потеху князю и его гостям. Поэтому и прозвали те места Звериным монастырём. Как раз на опушке этого леса стоит кузня Алёниного отца Фомы. Вишена не раз ходил туда вместе с Алёной. Видел и князя с другими охотниками, скакавших в лес на быстрых конях с копьями и рогатинами, со сворой лающих псов. Видел и зверей в княжеском зверинце — и медведя, и волка, и лису. А льва не видел.

«Львы очень лютые звери»,— сказал отец Илларион, когда читал им про того юношу.

«Лютее волка?» — спрашивали ребята.

«Лютее,— отвечал отец Илларион.— От одного его рыка можно упасть замертво. А на вид он до того велик и страшен...»

«Больше медведя?» — шёпотом спросил кто-то из ребят.

«Больше, больше!» — отвечал отец Илларион.

«Больше коня?»

«Больше быка?» — спрашивали мальчишки. А девчонки визжали от страха и крестились.

Но боялись они зря. Львы не тронули юношу и даже стали ему верно служить.

«Этот юноша был святой»,— сказал отец Илларион.

Вишена хотел было спросить его, что это значит — святой. Но отец Илларион стал уже рассказывать про другого юношу — ещё более удивительную историю. Его бросили в раскалённую печь, но он не сгорел, а вышел из огня живым и невредимым. И Вишена подумал, что святые — это, наверное, волшебники, такие же, как и те, про которых рассказывается в сказках. Одно время он даже решил стать святым. Плохо ли уметь творить всякие чудеса! Но потом учитель сказал, что святые всё время молятся и постятся. Один из них и вовсе ничего не ел, кроме лесных ягод и акрид. Акриды — это кузнечики, объяснил ребятам отец Илларион. И тогда Вишена раздумал становиться святым. Он не любит ни молитвы читать, ни поститься. А уж есть кузнечиков ни за что не станет!

Сегодня учитель читал о смелом воине Фёдоре и змие с огненной пастью. Свирепое чудище потребовало от

жителей одного города, чтобы они выдавали ему на съедение каждый раз двенадцать девиц. Горько плакали отцы и матери несчастных. Услыхал про их беду молодой юноша по имени Фёдор. Взял своё острое копьё, вскочил на верного коня...

Вишена, конечно, рад, что Фёдор победил змия. Жаль только, что всё так быстро кончилось. Вишена готов слушать и слушать до самого вечера. Ребята, тихо сидевшие, пока учитель читал, словно очнулись, завозились, зашумели.

— Я бы тоже так его, копьём — раз, мечом — два! — размахивает руками Борис.

— А он бы тебя тоже — раз — и в огненную пасть! — Василёк скалит зубы и тянет к Борису скрюченные пальцы, будто когти.

— Тише, дети! — говорит учитель.— Вот посмотрите.— И показывает книгу.

Все разом вскакивают, потому что каждому хочется поскорей увидеть. До чего же красивая книга!

Будто маленькие ворота, раскрываются серебряные створки. На золотистом листе пергамента под заглавной строкой, написанной красной краской, чёрными рядами, будто войско, стоят ровные, чёткие буквы. А по краям — картинки.

— Молодой юноша — это и есть Фёдор,— показывает учитель.

И чудище тут же нарисовано. И правда страшное. Змеиная его спина, будто кольчужной бронёй, покрыта чешуёй с острыми шипами. Из разверзстой пасти — то ли пламя бьёт, то ли высунулся кроваво-красный язык...

Учитель закрыл книгу. Затворились маленькие серебряные ворота, за которыми, будто в сказочном тереме, остались и храбрый воин Фёдор и спасённая им девица, и поверженное чудище.

Отец Илларион отпустил учеников погулять. Ребята быстро высыпали наружу.

Тут же возле школьного домика расселись на траве девчонки с девчонками, мальчишки с мальчишками. Повытаскивали из туесков и корзинок еду: кто пирог с

рыбой, капустой, морковью, горохом, кто медовый пряник или ковригу, кто просто ломоть хлеба.

Вишена сегодня не взял с собой ничего. Заторопился и позабыл. И теперь, вспомнив каравай, с утра испечённый матерью, сам себя обругал ротозеем. Но ругай не ругай — от этого сытым не станешь. В сторонке от других ребят стояла и сестрёнка Глеба Оля.

Пожалуй, в те времена, о которых идёт речь в рассказах про Вишену, Алёну и их друзей, не было принято говорить: «Оля». Старинное русское имя Ольга. Но ты не забывай, что и Вишену, и Алёну, и всех их друзей придумала Лена. И мы с тобой будем называть сестрёнку Глеба просто Олей. А с сестрой Бориса Кукшей и вовсе смешная история получилась. Вернее, с её именем... Но об этом ты узнаешь в своё время. А сейчас, видишь, Глебова сестрёнка Оля, худенькая девочка в стареньком, залатанном сарафане, отошла от расположившихся на траве подружек. Догадываешься почему? У нее тоже нет с собой корзинки с едой.

— Оля, иди сюда! — позвала Алёна, самая смелая и ловкая девчонка, по мнению Вишены, на их улице, да, пожалуй, и во всей школе.

Алёна уже расстелила на траве чистую холстину и разложила на ней пирог, разломив его пополам.

— Иди скорей! — поторапливала она Олю и тут вдруг заметила Вишену. И, конечно же, сразу догадалась, почему он не сидит со всеми. Тогда она и Вишену позвала.

Пирог теперь надо было разделить уже не на две, а на три части. На три у Алёны не получилось, потому что из двух кусков гораздо легче сделать четыре, чем три. Каждому досталось по куску пирога, да ещё один остался лежать на холстине.

— Вкусный пирог! — похвалил Вишена.

— Сама пекла, — сказала Алёна.

Подбежал Василёк и закричал:

— Чур, я конь! У тебя с чем? — спросил он, поглядывая на пирог в руках у Вишены.

— С капустой, — ответил Вишена, — только это не у меня, а у Алёнки. Она сама пекла.

— А у меня с морковью был,— вздохнул Василёк.— Только я уже всё съел.

— Вот возьми,— сказала Алёна и отдала Васильку оставшийся кусок пирога.

Проворный Василёк не заставил себя упрашивать. Проглотил и этот кусок быстрей, чем Вишена, Алёна и Оля. Не успел доесть — заторопил Вишену:

— Ну пошли, а то скоро отец Илларион назад позовёт.

— И меня возьмите! — попросила Алёна.

— Так мы же в коней играем,— сказал Василёк.

— Ну и что же? Думаешь, я не сумею? Я ещё быстрей тебя бегаю!

— Всё равно мы девчонок не принимаем,— заважничал Василёк.— Это не ваше дело — ловить коней. Дикие кони, они знаешь какие? Так забрыкают, что полетишь кувырком! — И Василёк забрыкал ногами во все стороны.

— Сам ты полетишь кувырком! — сердито сказала Алёна.— Небось и не ездил никогда верхом. У вас и коней-то нету.

— У тебя, что ли, есть? — ехидно спросил Василёк.— Вот у Бориса есть! Я был у него. У них во дворе конюшня. А в ней — кони. И верховые, и те, которых запрягают в возок! — Расхвастался, будто это его кони.

И Алёна, и Вишена, и Оля без Василька знают, какие кони на конюшне у Бориса. Не у самого Бориса, конечно, а у его отца, боярина Ратибора.

— Ну пошли,— потянул Василёк Вишену за рукав.

Но Вишена не пошёл, не хотел обижать Алёну. Это ведь обидно, если двое идут играть, а третьего с собой не берут. Алёну же и вовсе обижать нехорошо. И не потому, что она всех пирогом угостила. Просто понимал Вишена: Алёна и бегает не хуже любого мальчишки и вообще... А противный Василёк отбежал в сторону и закричал писклявым голосом:

— Тили-тили-тесто! Жених и невеста!

Вишена, конечно, тотчас же бросился за Васильком, чтобы наподдать ему как следует. Но Василёк убежал куда-то далеко и затаился за кустами.

«Ладно, пусть сидит там,— решил Вишена.— А то пойдёшь его искать и не услышишь, как отец Илларион будет звать».

И правда, едва Вишена вернулся, отец Илларион вышел на крыльцо звать ребят. Тут Василёк вылез из кустов и боком-боком прошмыгнул мимо Вишены к крыльцу.

6. У КОЛОДЦА

Рассказ второй

Мама велела: «Принеси воды, Алёнушка». Алёна потихоньку, чтобы не заметила мама, достала из ларя мамин платок, в сенях накинула его на голову, взяла стоявшее в углу коромысло, подцепила деревянные ведёрки, пошла к колодцу.

У колодца весело. Соберутся девицы со всей улицы Добрыни — и Василина, и Мирослава, и Зорька... Стоят беседуют. И девчонки поменьше тут же вертятся, прислушиваются к девичьим разговорам.

«Мне Никола пряслице подарил»,— похвалится Мирослава, гордо поглядывая на девиц. А гордится она потому, что всем понятно: если парень дарит девице пряслице, значит, люба ему эта девица.

«Это какой же Никола? Тот, который простым гребцом на ладье плавает? Я бы у такого и не взяла пряслица,— подденет Мирославу Василина.— Мне вот Пётр пряслице подарил. Его батюшка купец. И Пётр тоже будет купцом. Он и теперь уже батюшке в лавке помогает».

«Купец! Ха-ха-ха! Да у батюшки этого Петра одна худая лавчонка. А сыновей трое. Вот и будут старшие братья в лавке сидеть, а твой Пётр с лотком ходить, пироги продавать»,— в свою очередь не упустит случая уколоть Василину Мирослава.

«Хватит вам друг дружку корить»,— скажет Зорька.

Девицы перестанут спорить, обе разом повернутся к Зорьке:

«А тебе дарил кто-нибудь пряслице?»

«Подарил мне пряслице один молодец»,— весело отвечает Зорька.

«Кто? Ну, скажи! Кто?»

«А вот и не скажу,— смеётся Зорька.— Пряслице могу показать. Он мне долго пряслице присматривал. Искал, чтобы было написано: «Зорька».

Алёна видела: на пряслицах часто пишутся имена. Это для того, чтобы не перепутали девицы, где чьё пряслице, когда собираются на посиделки. Иной раз пряслица так и продают с написанными на них именами.

«Мой молодец весь торг обошёл,— рассказывает Зорька,— да вот беда: и «Василина» есть, и «Мирослава», и «Мария», и «Елена», и «Ольга», и всякие другие имена, а вот «Зорьки» — нет. Купил он такое пряслице, на котором и вовсе никакого имени не было. Купил и сам написал: «Зорька».

Девицы опять давай к ней приставать, а Зорька только хохочет-заливается.

Зорька весёлая и добрая. Девицам невдомёк, а вот Алёна знает, кто Зорьке пряслице подарил. Ждан, брат Вишены. Это Алёне сказала Оля, Зорька ведь Олина сестра — Оли и Глеба.

А ещё хвастают девицы нарядами. Так уж заведено у них на улице Добрыни: идут девицы по воду, непременно наденут, что есть получше. Вот и сегодня разоделись. Алёна глазастая, всё примечает. У Мирославы на лбу повязка парчовая, по бокам серебряные височные кольца. У Василины синий сарафан из тонкого сукна, ожерелье из жёлтых стеклянных бусин и браслет на руке — тоже стеклянный. Так что Алёна не зря мамин платок надела — не будничный, а тот, которым мама покрывает голову по праздникам. Алёна нарочно то так поворачивается, то эдак, чтобы увидели девицы красных птиц, вытканных на кайме. Но девицы на Алёну и внимания не обращают.

Поглядела Василина на Мирославину повязку с височными кольцами, похвалила — и повязка хороша, и кольца красивые, тут же и сама похвалилась:

— И мне такие матушка купит!

Поглядела Мирослава на Василинины бусы с браслетом, одобрила и тут же молвила, будто невзначай:

— Мне батюшка ещё лучше подарит!

А тут как раз и Кукша, сестра Борискина, появилась. Опять в обнове! Только недавно стояла у ворот в расшитом золотом сарафане, а теперь на ней алая телогрея рытого бархата. Вокруг шеи — ожерелье, не простое — золотое. На руке браслет накладного серебра с цветной перегородчатой эмалью. На перстах — перстни с дорогими камнями.

Поглядели на Кукшу Мирослава с Василиной, ничего не сказали, только вздохнули завистливо. А что тут скажешь? Ни Мирославин батюшка, ни Василинина матушка не купят им таких нарядов. Вот и остаётся им глазеть на Кукшу и вздыхать.

Постояли бы небось, повздыхали и разошлись. Но в

это время видят: Зорька идёт. В который раз она сегодня к колодцу с вёдрами туда-обратно топает. Поглядели все трое на Зорьку и давай смеяться:

— На Зорьке-то рубаха какова! А?

— Из холстины!

— На пугале огородном и то лучше!

Опустила Зорька глаза, отвернулась. Чтоб не видно было, как из глаз слёзы капают, и самой чтоб не видеть растянутых в улыбке ртов. Ещё уши бы заткнуть, чтоб не слышать, как хохочут девицы, потешаются. Хорошо им смеяться. У Василининой матушки на торгу своя лавка. И сидит там Василинина матушка, толстая, как кадь, серебро считает. А у Мирославиного батюшки ладья. Он на ней и в Ладогу плавает, и в Киев. Вот и привозит любимой дочке гостинцы. А про Кукшу и говорить нечего. У отца Кукши, боярина Ратибора, всего полно. И сидит Кукша в своей светёлке да наряды перебирает. То один из ларя вытащит, то другой примерит. Или раскроет ларцы, в которых сверкают золотые с драгоценными каменьями перстни и браслеты, гривны и ожерелья. Больше-то ведь Кукше делать нечего. Всё за неё холопки делают. Она и сейчас налегке явилась, просто так пришла, посудачить да нарядами своими похвастаться. Стараясь не глядеть на смеющихся девиц, тянет Зорька из колодца тяжёлые вёдра и не замечает, как плещет через край холодная колодезная вода на её рваные поршни. Слушает Алёна, как насмехаются девицы, и жаль ей Зорьку. А девицы своё:

— А поршни у неё! Ну и поршни! Им в обед сто лет! Ха-ха-ха!

— Глядите, да они рты разинули! Хи-хи-хи!

— Это они каши просят! Есть хотят! Хе-хе-хе!

Рассердилась Алёна на глупых девиц и говорит:

— Всё равно Зорька самая красивая! И коса у неё толще и длинней. А у вас и вовсе скоро все волосы повылезут, и будете вы как жабы!

— Ах ты такая-сякая! — закричали девицы.— Сама от горшка два вершка, а туда же! Нарядилась в мамкин платок и думает, что большая. Ну-ка ступай отсюда!

Но Алёна не обратила на девиц внимания. Вытянула вёдра. Зорька помогла ей надеть их на коромысло. И пошла Алёна. Пригибается под тяжестью, но идти старается ровно. А потом ещё обернулась и показала девицам язык. Так, во всяком случае, сделала бы сама Лена.

7. СЕРЁЖА

Глава, из которой ты узнаешь, что значит иметь старшего брата

«Когда Серёжи нет дома, керосинку не зажигай!»

«Купаться на Волхов без Серёжи ни в коем случае!»

«В кино? Можно, если тебя проводит Серёжа — там надо переходить площадь!» — так говорит мама.

Насчёт керосинки Лена не спорит. Очень надо ей зажигать керосинку. На Волхов, по правде говоря, она и сама больше любит ходить с Серёжей. Когда идёт одна с девчонками, бултыхается в мутной воде возле берега, где по пояс. А с Серёжей заплывает подальше. Не до самых буйков, но всё равно далеко, где ей с головкой. Серёжа ведь не даст утонуть своей младшей сестре. Насчёт кино Лена тоже не спорит. Если показывают какой-нибудь интересный фильм, они обычно ходят вместе с Нинель Викторовной всем классом. Но всё равно бывает очень обидно, потому что несправедливо.

И не только дома. В школе Нинель Викторовна протянет Ленину тетрадку, исчёрканную красным карандашом, и начнёт, вздыхая:

«Вот когда у меня учился Серёжа...»

Можно подумать,что у Лены не брат, а ангел с крылышками!

А на улице ещё хуже.

Как-то зимой Лена с Наткой возвращались из школы. Только недавно выпал снег. Лежит незатоптанный, пушистый. Идут они по улице, разговаривают. Вдруг — бац! Снежок. Натке прямо по спине. За ним — другой, третий... Оглянулась Лена и видит: мальчишки. Залегли под забором, налепили снежков. Орут:

«Батарея, к бою!»

А один очень зловредный мальчишка, по фамилии Пеночкин, командует:

«По Петрушке в красном колпаке огонь!» (Это про Лену, потому, что у неё красная шапочка с помпонами.) Лена с Наткой уже хотели повернуть назад и вдруг услышали, один мальчишка говорит:

«Ладно, пропустим их. Эта в красном колпаке — сестра Серёги Малявина». И мальчишки сразу же перестали кидать снежки. Значит, если бы Лена была не Серёжина сестра, а была бы сама по себе, в неё можно и снежками кидать и Петрушкой в красном колпаке обзывать?

Лена сидела у стола и вспоминала всё самое обидное, что только могла вспомнить. На столе стояла грязная посуда и вишнёвый компот. Один стакан — Серёжин. А Серёжа ушёл. Быстро съел первое и второе, про компот сказал: «В твою пользу!» — и торопливо перекинул через плечо спортивную сумку. Было слышно, как он протопал вниз с крыльца. В окошко было видно, как он прошагал к калитке. Потом Серёжина голова с белым чубом промелькнула над штакетинами забора и исчезла.

В другое время Лена не отказалась бы от компота. Вишнёвый компот — её самый любимый. Серёжа это знает. Но сегодня Лена компот есть не стала. Сидела и сердито думала: «Пусть не подлизывается!» Ты бы, наверное, тоже рассердился, если бы хотел плыть на катере, а тебе бы вместо этого предлагали: «Ешь компот!» А на катере, видите ли, нельзя: «Мы едем не на прогулку, а в экспедицию!» Когда Серёжа говорит «мы» — это значит КИС. Интересно получается: «мы», то есть они — КИС, поплывут на катере по Волхову на озеро Ильмень, а Лена, мало того что сиди дома, ещё и посуду мой. А очередь сегодня, между прочим, Серёжина. Мама в подобных случаях говорила: «Ну как тебе не стыдно! Разве трудно вымыть две тарелки? Ведь ты уже большая девочка!» Как посуду мыть, так Лена — большая, а как в КИС ходить — маленькая. «Ты же знаешь, что в КИС принимают только с пятого класса, да и то не всех, а тех, кто по-настоящему интересуется историей родного

края!» Это говорил Серёжа. А Лена и возразить ничего не могла. Она ведь тогда ещё ничего не знала ни о Вишене, ни об улице Добрыни. Пожалуй, и про КИС она тоже мало что знала. Просто слышала: КИС да КИС. То в школе вдруг появится выставка: «КИС рисует». Рисовал КИС неплохо. Лене нравились его рисунки. Посмотришь на них и сразу узнаёшь знакомые места: вот зубчатые стены детинца, вот памятник Александру Невскому, вот мост через Волхов, вот рыбачьи суда на озере Ильмень... То в школе какая-то толчея, шум. Это тоже КИС. Если ребята одеты по-походному — значит, отправляются вместе со своей учительницей, Ириной Александровной, на раскопки; если обычно — значит, у них здесь какие-нибудь дела. Спорят, разговаривают. И всегда у них так весело. КИС, конечно, никакого отношения к кошкам не имеет. А впрочем... Однажды к ним домой прибежал мальчишка. К Серёже часто кто-нибудь прибегает. А этот прибежал и кричит:

«Задание выполнено! Вот полный список. Были лошади, коровы, овцы, свиньи и собаки. А кошек не было».

«Где это не было кошек?» — спросила Лена.

«В древнем Новгороде,— отвечал мальчишка.— Они появились только в семнадцатом веке».

«А где же они раньше были?»

«Ну, в Египте. Там их даже считали священными животными». Лене это не понравилось.

«Почему это где-то в Египте были, а у нас не было?»

«Не знаю»,— признался мальчишка.

А Серёжа знал:

«Кошка — зверь родом из южных краёв. Там, в странах с тёплым климатом — Египте, Греции, Риме, — и стали они домашними животными ещё в очень давние времена. А на Русь попали всего каких-нибудь триста или четыреста лет назад».

Лена потом всё допытывалась у Серёжи:

«Так ни одной кошки и не было?»

«Ну, может, кто-нибудь и привозил их из Константинополя, как диковинку. А так, чтобы почти в каждом доме,— не было».

«А кто же мышей ловил?»

«Наверное, ежи и ужи».

Лена долго ещё вспоминала этот разговор и думала: «Хорошо всё-таки, что кто-то догадался привезти кошек!» Представить себе только, что вместо их пушистого Барсика на диване сидит ёж или у́ж. Брр!..

Почему ей сейчас вспомнились эти кошки, Лена и сама не знала. Посидела ещё немного, вздохнула и принялась убирать со стола посуду. Поставила друг на дружку тарелки и только собралась отнести их на кухню, как в дверь кто-то тихонько постучал. Лена крикнула:

— Войдите!

И тут же вспомнила, что мама сколько раз предупреждала: «Когда останешься одна, без Серёжи, запирай дверь и не пускай в дом никого чужих!» Но Лена забыла запереть дверь и теперь вот крикнула: «Войдите!»

8. ЗАГОВОРНОЕ СЛОВО

Рассказ третий

Когда Алёна была маленькой, она любила смотреть, как мама прядёт пряжу. Прялка у мамы красивая: точёная, резная, вся расписная — и донце, на котором пряхе сидеть, и высокая круглая ножка, и широкая, похожая на лопатку лопасна, где на зубчатом венчике висит лохматая кудель. Глядишь на прялку и не наглядишься. По жёлтому полю вьётся диковинное лазоревое дерево с цветками-завитками, а на ветвях сидят сказочные птицы. Сами чёрные, крылья алые, хвосты синие. Подвинет мама лавку поближе к печке, вставит в светец лучину и сядет прясть. Сорвался с лучины уголёк, упал в бадейку с водой, зашипел. За ним — другой. Уже и лучина вся догорела, надо новую вставлять в светец. А мама всё прядёт. Алёна тоже свой маленький стулец к печке подвинет. Сидит и смотрит. Быстро мелькают проворные мамины пальцы. Отщипнут толику кудели, ссучат в нить, намотают на веретено. Да так ловко! Кажется, всё само собой идёт, и нить сама себя прядёт, и веретено

само вверх-вниз скачет. А пряхе остаётся только посиживать да песни петь.

Песен мама знает много. До сих пор помнит Алёна смешные весёлые потешки, которые пела мама про козу-дерезу, про сороку-воровку, про белого зайца, который бегал в лес драть лыко. Но теперь Алёна подросла, и нравятся ей другие песни. А больше всего одна — про девицу-красавицу, что живёт в золотом тереме и гуляет в зелёном саду. Пришёл молодец и стал загадывать девице загадки.

— Что краше свету, чаще лесу, что без крыльев, без умолку, без ответу, без горя? — поёт Алёна и сама отвечает тоненьким голоском — песней мудрой девицы: — Краше свету — красно солнце... Чаще лесу — часты звёзды... Что без крыльев — белы снеги... Без умолку — течёт речка... Без ответу — скот рогатый... Что без горя — горюч камень...

Однажды ушла мама из дому. А Алёна взобралась на лавку, села за прялку на донце, как мама садится, ноги с лавки свесила. Всё хорошо, только до кудели ей не дотянуться. Ножка у прялки высокая, а Алёна — маленькая. Воротилась мама, увидела и говорит:

— Ах ты, пряха моя ненаглядная! Надобно тебе прялку купить, раз охота есть!

Вскоре пошли они с мамой на торг присмотреть Алёне прялку. Пришли в деревянный ряд, у Алёны глаза разбежались. Сколько прялок! И на каждой картинки писаны. И цветы, как на маминой, и птицы, и кони, и диковинные звери. Долго выбирала Алёна и выбрала самую красивую, на которой меж цветков-лепестков скачут друг за дружкой три коня — гривы по ветру. А главное, прялка маленькая, как раз для Алёны.

Мама хотела ещё кой-чего на торгу купить, а Алёна её домой тянет. Не терпится ей за прялку сесть. Наконец воротились домой. Мама приладила кудель.

— Ну садись, доченька!

Села Алёна. Хорошо. Вот она, кудель,— близко. Не надо руки высоко тянуть. Отщипывай понемногу и сучи нить. Только почему-то, когда смотрела Алёна на маму,

всё по-другому было. И пряжа шла, и веретено бегало. А когда сама за прялку села, всё не так. Нить не идёт, веретено ни с места. Алёна в слёзы:

— Негожую прялку купили! Пойдём другую купим!

А мама посмеивается:

— Это не прялка виновата. Это пряха — неумеха.

В это время пришла бабка Сыроеда, принесла маме настой из трав от кашля.

Если кто заболеет, всегда зовут бабку Сыроеду. Сыроеда, если её, конечно, попросят как следует, не отказывает. Придёт в дом к больному и сразу — к печке. Брызнет водой из ковшика на уголёк, что-то пошепчет. А потом и лечить начнёт. Если больной животом мается, Сыроеда подойдёт к забору, где на кольях сушатся вымытые хозяйкой горшки, возьмёт горшок, в котором кашу варят,— он поменьше, чем тот, в котором щи,— сунет его пустым в печь и опять пошепчет. А когда нагреется горшок, приставит его к животу болящего. От тепла весь живот внутрь горшка и втянет, и боль уймётся. Знает Сыроеда и всякие травы — какая раны заживляет, какая от головной боли, какая от жару. Как только сойдёт снег, Сыроеда по целым дням в лесу пропадает. Сборы у бабки Сыроеды недолги. Захватит с собой ломоть хлеба, сольцой притрусит и пошла. «Лес,— говорит,— накормит!» И правда. Где грибок сорвёт, где стебелёк с листком отщипнёт, где корешок выкопает. Пожуёт, попьёт водицы из лесного ручья, ягодами закусит — вот и сыта. Потому и зовут её Сыроедой.

Увидала бабка Сыроеда, что Алёна в слезах, и спрашивает:

— Какая такая у тебя беда?

Алёна ей всё рассказала. Прялку, говорит, негожую купили. Послушала Сыроеда, сочувственно покивала головой. А потом сказала:

— Прялку твою можно научить прясть.

— А как её научить? — спрашивает Алёна.

— А я такое слово заговорное знаю.

Обрадовалась Алёна. Кто-кто, а бабка Сыроеда знает заговорные слова. Умеет она, как сказывают люди, и со

зверями по-звериному речь вести и с птицами по-птичьи кикать. Сколько раз просились бабы и девицы вместе с Сыроедой в лес идти. Но Сыроеда никогда никого не берёт. «Не даются,— говорит,— травы, если скопом идти. Сникнут, спрячутся и не увидишь их». А люди считают, что просто не хочет она, чтобы кто-нибудь услышал тайные слова, которые она нашёптывает, когда травы берёт. А вот Алёне согласилась бабка Сыроеда открыть такое слово. Наклонилась и прошептала:

— Кипит — перекипает. Горит — перегорает. А ты сиди, пряжу пряди... Запомнила, Алёнушка? Ну теперь садись, побыстрей за дело принимайся. Только помни, прялка твоя не скоро прясть научится. А ты своё знай — нить тяни, кудель не бросай, не то пропадёт заговорное слово.

«Ну,— думает Алёна,— теперь-то я справлюсь с негожей прялкой!»

Нелегко щипать кудель. Отщипнёшь больше — нить толстая, отщипнёшь меньше — тонкая, как паутина, того и гляди, порвётся. Не пряжа, а горе одно. Так и хочется Алёне всё бросить. Но помнит она наказ бабки Сыроеды: «Смотри не бросай кудель!» Шепчет заговорное слово, а сама всё прядёт и прядёт. Так и выучила прялку и сама выучилась.

9. МЕНА, МЕНА, ПЕРЕМЕНА

Рассказ четвёртый

Шёл дождь. И день, и другой, и третий. Тучи ползли медленно и низко. Казалось, вот-вот зацепятся брюхом за острые вершины крестов на куполах Софии.

От намокших ребячьих одёжек поднимался сырой дух. Ребята шмыгали носами. Учитель то и дело кашлял, и его высокий лоб, выступавший из-под длинных с проседью волос, покрывался испариной, словно на нём тоже оседала туманная морось. Вишена знает: грудь учителя пробита половецкой стрелой. Впрочем, тогда, когда это случилось, учитель ещё не был учителем, а был воином

и гребцом на ладье. Плавал из Новгорода в далёкий Царьград, греческий город. Чего только не повидал он на своём веку. И до сих пор, когда начинает он рассказывать о былых плаваниях, о схватках с погаными степняками, подстерегающими путников на дорогах, его бледное лицо вспыхивает румянцем и горячо сверкают глубоко запавшие глаза. Но, спохватившись, отец Илларион вдруг умолкнет на полуслове и осенит себя крестом.

Весна стояла дождливая. Все дни, будто рядно-дерюга, из которого простолюдины шьют себе кафтаны, висело серое небо. И вдруг в прорехе промелькнула голубизна. Серое рядно рвалось всё больше, расползалось клочьями, а голубое растекалось, растекалось, пока не залило всю небесную ширь.

Отец Илларион вышел на крыльцо, постоял, щурясь с непривычки от яркого солнца. Поглядел на чистое синее небо, на деревья в светлой зелени. Подумал: «Вот и лето неприметно подошло»,— и отпустил ребят погулять.

Едва выбежав наружу, Василёк закричал:

— Мена, мена, перемена!

И вот уже мальчишки собрались неподалёку от школьного крыльца. Земля здесь твёрдая, точно такая же, как и на площадке возле школы, где учится Лена,— утоптана ребячьими ногами. Не расползается даже в самый сильный дождь.

— Что у тебя?

— А у тебя?

Вытаскивай, клади на землю. Не бойся: никто ничего не тронет. Таков закон, которого не нарушают даже самые большие забияки. Можно только меняться.

У кого — железный гвоздь.

У кого — черепки.

У кого — прозрачные блёстки слюды.

У кого — балясина, затейливая завитушка от оконного наличника.

Тут, как на большом новгородском торжище, не зевай. Новгород — город торговый. Учись. Может, станешь купцом. И будет у тебя лавка с красным товаром в гостином

ряду. И будет твоя ладья под белыми парусами плыть в дальние земли.

— Давай с тобой меняться!

— Давай! А у тебя что?

— Черепки! Во какие! Облитые!

— А на что меняешь?

— На твоё писало.

Это меняются Василёк с Борисом. Ох и хитрый Василёк! Все на безделки меняются, а он... То приставал к Вишене на его чехольчик для писала меняться. У Вишены чехольчик не шитый из ткани, как у других ребят, а кожаный. Отец смастерил из обрезков. А мать вышила цветной шерстью, как вышивает поршни. Вишена не стал меняться с Васильком, так Василёк теперь Бориса уговаривает — на его писало. Писало у Бориса доброе. Из рыбьей кости. На конце у него и правда вырезана рыбья голова. Эту кость привозят с Дышучего моря, где даже летом плавают громадные льдины, где живут страшные безголовые люди. Редко кому удаётся туда доплыть. Потому и ценится так дорого рыбья кость. И вот это дорогое писало и уговаривал Василёк Бориса поменять на черепки. Разложил их на ладошке и похваляется, что таких красивых черепков Борису ни у кого не выменять. А писало, мол, Борису жалеть нечего. Скажет дома, что потерял, отец ему другое купит — ещё лучше этого. Борис развесил уши. Ещё немного, и выманит у него хитрый Василёк писало с диковинной рыбой. Черепки! Да этих черепков полным-полно на Гончарном конце, где живут и работают в своих мастерских гончары. Там, как побежишь босиком, ступай да оглядывайся — не то ногу порежешь. Нет, Вишена не допустит обмана, проучит Василька.

Увлечённый меной, Василёк не заметил Вишены. Вишена подошёл и как стукнет по Васильковой ладошке. Все черепки разлетелись. А потом схватил Бориса за руку, и они вместе пустились бежать от Василька. Далеко убежали — чуть не опоздали на ученье.

Отец Илларион сказал:

— Сейчас будем писать.

Ребята положили на стол дощечки для письма, вынули из чехольчиков писала.

Дощечку Вишене ещё прошлый год купил отец. Выструганная из можжевелового дерева, она до сих пор хранила горьковатый запах хвои. На одной её стороне вырезаны «Аз, буки», а другая залита воском. «Аз, буки» — это не только две эти буквы — «аз» да «буки», как раньше думал Вишена. На самом же деле это и «веди» и «глагол» и «добро» — словом, все сорок три буквы славянской грамоты, от первой и до последней. Но называть их, каждую в отдельности, очень долго. Вот и говорят просто «аз, буки».

Учить «аз, буки» — дело долгое. Надо посмотреть на букву, вырезанную на доске, потом перевернуть доску вверх той стороной, которая залита воском. Проведёшь остриём писала, и на доске проляжет чёткая черта. А если что не так получится, заровняй воск другим концом писала и пиши снова.

У Вишены самая простая дощечка. А бывают и получше, как, например, у Бориса. Борискина доска скреплена из двух половинок продетыми в дырочки тесёмками. Раскроешь такую дощечку: на одной половине — «аз, буки», а другая залита воском. Когда пишешь, не надо каждый раз переворачивать дощечку, чтобы взглянуть на букву,— все «аз, буки» и так перед глазами. Но Вишена и на своей дощечке неплохо научился писать. Буквы у него получаются ровные, красивые — не хуже тех, что вырезаны на дощечке.

Но сегодня Вишене не пришлось писать на дощечке. Отец Илларион взял лежавшие стопкой листки берёсты и первый листок протянул Вишене. На берёсте писать трудно. Хорошо, если правильно процарапаешь писалом букву. А если ошибся, сколько ни заглаживай, всё равно видно. А на телятине писать и вовсе трудно. Телятина не берёста — она дорогая. Делают её из кожи молодых телят или ягнят. Кожи очищают, отбеливают, потом натягивают на деревянные рамы и долго выскабливают. Потом сушат и опять чистят и трут, пока не получатся тонкие гладкие листки. Отец говорит, что легче сшить сапоги, чем вы-

делать телятину. Учитель называет эти листки греческим словом «пергамент», потому что сначала стали их делать в городе Пергаме, а потом и в других городах научились — и у греков, и на Руси. Пишут на пергаменте чернилами. Ошибёшься — всё пропало. Но ничего, Вишена потом и на пергаменте выучится писать. А пока надо постараться без ошибок написать на берёсте.

На листке рукой учителя было написано: «Не держи на душе зла». Ладно, Вишена не будет больше злиться на Василька. Только пусть Василёк не жульничает. Вишена достал из чехольчика писало и стал срисовывать буквы, стараясь выводить их так же красиво, как было у отца Иллариона. Он уже почти закончил работу, когда его толкнул Василёк и потихоньку, чтобы не увидел учитель, показал Вишене свою берёсту. На ней тоже была такая же надпись, как и у Вишены. А под надписью... под надписью было нарисовано чудище. Рогатое, хвостатое — пострашней того змия, которого пронзил копьём смелый юноша Фёдор. Да ещё написано: «Се Вишена».

Вишена посмотрел на чудище и на своём листке стал быстро — уже безо всякого старания — процарапывать буквы, бормоча про себя: «Ша», «и» будет «ши». Только что писать после буквы «ша»,— призадумался он,— палочку с точкой наверху, как пишется простое «і» или «ижицу», похожую на два столбика с перекладиной наискосок?» В другое время он бы непременно спросил учителя, но ведь не спросишь отца Иллариона, как правильно написать: «Шишел, вышел, вон пошёл!» Впрочем, ведь и Василёк тоже не знает, как надо, так что неважно — правильно напишет Вишена или с ошибкой. Но Вишена не успел дописать до конца. Василёк раз — и схватил Вишенину берёсту. И пошло: вырывают листок друг у дружки, толкаются, ну точь-в-точь как Пеночкин с Андрюшей в тот раз, когда Нинель Викторовна выставила обоих из класса. Вишена, конечно, наподдал бы Васильку как следует, но тут через головы мальчишек протянулся чёрный рукав рясы, и злополучная берёста очутилась в руках учителя.

Вишена слушал сердитый голос отца Иллариона и всё

ниже опускал голову. Правильно говорит учитель. Это в старые времена можно было жить без грамоты. Но с тех пор, как Великий князь Владимир повелел впервые на Руси собрать детей на школьное ученье, немало веку прошло. Все уразумели теперь пользу грамоты. А их Новгород славится тем, что не только бояре и купцы учат своих детей, но и простые люди. Пусть зовут их плотниками — это ничего. Плотницкое мастерство не позор, а достоинство. Почётен любой труд. Пусть плотник, пусть кузнец, пусть гончар или швец — это не в укор человеку. А вот не выучиться грамоте — это для новгородца позор. Отец Илларион закашлялся и долго не мог с собой совладать. Шумно дышал, утирая рукавом рясы проступивший на лбу пот. А потом, отдышавшись, отпустил всех по домам.

Мальчишки и девчонки, радуясь, что ученье кончилось раньше срока, похватали свои дощечки, засунули в чехольчики писала и, теснясь и толкаясь в дверях, заторопились кто куда. Отец Илларион, выпроводив ребят, повесил на дверь замок и спустился с крыльца. И Вишена и Василёк низко поклонились ему, но учитель и не взглянул на них. Пошёл по дорожке между кустами, сутуля плечи под чёрной рясой.

10. ЭТО ОЧЕНЬ ПРИЯТНО — ВСТРЕТИТЬ ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ!

Глава, которую можно считать первой, потому что в этот день приехал Дмитрий Николаевич, но всё-таки не первая

Лена крикнула «Войдите!», и дверь отворилась.

На пороге стоял незнакомый человек. Молодой. С тёмными взлохмаченными волосами. В очках и в полосатой рубашке с закатанными рукавами.

— Здравствуйте! — сказал он.

Лена молчала — думала, как быть дальше.

— А дома кто-нибудь есть? — спросил человек.

— Есть,— ответила Лена наконец.— Дома есть я. Разве вы не видите?

— Извини! — сказал человек, провёл ладонью по лохматым волосам и посмотрел на Лену сверху вниз, потому что был длинный.— Гм... Если дома никого больше нет, я подожду во дворе,— проговорил он и, помолчав, добавил: — С твоего разрешения, разумеется.— Повернулся и вышел.

Лене понравилось, что он такой вежливый,— извинился и попросил разрешения. С крыльца он не сошёл — Лена бы услышала, если бы он спускался по ступенькам. Наверное, стоял там за дверью. Лена могла теперь закрыть дверь на крючок. Но она не стала запираться. Человек этот хоть и чужой, но никакой не вор и не хулиган. Лена была в этом уверена. Немного подождав, она подошла к двери, тихонько приоткрыла её и посмотрела в щёлку. Человек сидел на ступеньках спиной к ней. Лена вышла на крыльцо и села рядом с ним. Человек повернул голову и посмотрел на неё, но ничего не сказал. И тут Лена вспомнила, что не ответила ему, когда он поздоровался. Тогда ей было не до церемоний. Но теперь она подумала, что вела себя не очень-то вежливо и сказала:

— Здравствуйте!

Человек снова повернул голову и снова посмотрел на неё. Но первый раз он посмотрел просто так и быстро отвернулся, а теперь смотрел сквозь очки долго и внимательно. И наконец тоже сказал:

— Здравствуй! — и даже наклонил немного свою лохматую голову.

— Вы уже один раз здоровались,— напомнила Лена.

— В самом деле? — удивился он.

Они сидели на крыльце и молчали, и Лене надоело так сидеть. И посуду, вспомнила она, надо помыть. И вообще, сколько же можно сидеть и молчать? Наверное, он пришёл к Серёже. Серёжу всегда кто-нибудь ищет — и в школе, и дома. Вечно он всем нужен. И каждый непременно спрашивает Лену, где Серёжа, и скоро ли он придёт. Этот лохматый, правда, не спраши-

вал, должно быть, стеснялся. «Он, наверное, застенчивый»,— решила Лена и сама сказала:

— Серёжа уехал. В экспедицию. И когда вернётся — неизвестно.

— Серёжа? — удивился странный гость.— Почему ты думаешь, что я пришёл именно к Серёже?

— Потому что к нему все приходят,— сказала Лена.

— Вот как? Любопытная личность! А кто он такой — этот Серёжа?

Лене не понравилось, что он назвал Серёжу любопытной личностью. Хоть она и злится сейчас на Серёжу, но в обиду его не даст.

— Кто такой Серёжа? Он знаете кто? Бессменный староста!

— Бессменный староста? Вот это да! — сказал лохматый. А потом подумал и спросил: — А где он староста? У вас в классе?

— В каком ещё классе?! Он бессменный староста КИСа! — сказала Лена.

— Бессменный староста КИСа! — повторил лохматый, как попугай.— Ясно!

Но на самом деле ему ничего не было ясно. Лена это отлично видела. Ей хотелось, чтобы гость всё-таки понял, какой у неё брат и как его все любят и уважают.

— Его выбрали единогласно! — сказала она.

— Неужели? Да это просто великолепно!

Не знаю, как относишься к таким вещам ты, дорогой читатель, что же касается Лены, то ей не очень нравилось, когда человек начинает говорить таким голосом: «Это великолепно! Это прекрасно! Это замечательно!» И она решила ничего больше не рассказывать про Серёжу этому чудно́му гостю, который неизвестно к кому пришёл и непонятно зачем сидит у них на крыльце.

И всё-таки он Лене чем-то нравился. Даже жалко его было немного. Сидит на крыльце и ждёт непонятно кого.

В этот раз молчать надоело гостю, и он спросил:

— Ты в каком классе учишься?

— Ни в каком,— сказала Лена.

— Как так? — удивился он.— Ты разве не ходишь в школу?

«Всё-таки он какой-то странный»,— подумала Лена и сказала:

— А зачем туда ходить? Ведь занятия кончились.

— Ах, да! — спохватился он.— Я и забыл, что у младших классов уже каникулы.

— Значит, вы не к Серёже пришли? — спросила Лена.

— Нет. Я жду Татьяну Сергеевну.

— Это моя мама,— сказала Лена.

— Я так и подумал,— ответил он.

А Лена подумала, что всё-таки как-то нехорошо получилось. Значит, этот лохматый не просто чужой, он пришёл к ним в гости. А она не пригласила его в дом. Правда, он сам вышел за дверь, но она не предложила ему остаться и подождать в комнате... И вот сидит, бедняга, на крыльце. Мама придёт ещё не скоро. Она после работы заходит в магазины.

— Хотите подождать маму в комнате? — спросила Лена очень вежливо.

— Спасибо. Я тут подожду.

«Наверное, он всё-таки обиделся! Лично я обиделась бы, если бы я пришла к кому-нибудь в гости, а меня бы не пустили дальше порога»,— подумала Лена.

Когда гости приходят к ним в дом, мама всех угощает чаем. Наверное, и этого лохматого надо бы... Но мама не очень любит, когда Лена одна, без Серёжи, зажигает керосинку. Потому что Лена рассеянная. «Только в крайнем случае»,— говорит она. «Может, это и есть крайний случай? — раздумывала Лена.— Пойти, что ли, зажечь керосинку и поставить чайник?» И тут она вспомнила, чем можно угостить этого чудно́го гостя.

— Хотите компоту? — спросила она.

— Спасибо. Не надо,— отказался он. Наверное, всё-таки обиделся.

— Вишнёвый. Очень вкусный! — стала уговаривать Лена.

— Верю. Только ты сама ешь.

— А я уже ела. Это Серёжин.

— Бессменного старосты КИСа? — спросил он.

Запомнил, значит.

— Да.

— А он, этот староста, не обидится, если... если я съем его компот?

— Нет,— успокоила Лена гостя,— теперь это уже не его компот. Он оставил его в мою пользу.

— Вот как? Чрезвычайно любопытная личность! — Он снова сказал «любопытная личность». Но теперь сказал как-то по-другому. Не обидно.— Ты знаешь, мне в самом деле захотелось с ним познакомиться.

— Это можно. Посидите у нас подольше. Он приедет,— посоветовала Лена.

— Спасибо.

— Вам ведь не скучно ждать?

— Нет, нет,— поспешно ответил он,— мы так хорошо беседуем. Я очень рад знакомству. Тем более, что я только сегодня приехал.

Вот тут-то и сказал Дмитрий Николаевич, что очень приятно в новом городе встретить хороших людей. А ещё сказал, что его зовут Димой. Лене сразу стало всё очень понятно.

— Я знаю, кто вы! — закричала она.— Вы Дима, внук Анны Егоровны! Да?

— Ну вот видишь. Теперь мы окончательно познакомились.

— Вы будете у нас жить! На чердаке вместе с Серёжей,— сказала Лена.

— Вот как? — удивился Дмитрий Николаевич.— Я об этом ничего не знаю.

— А я знаю. Так мама с папой решили. Они сказали: «Зачем ему жить в гостинице? Там неуютно. А у нас на чердаке комната». Серёжа там всё лето живёт. Вы не думайте, на чердаке очень хорошо. Туда надо забираться по лестнице с другой стороны дома. Пойдёмте, я вам покажу.

Так Лена познакомилась с Дмитрием Николаевичем. И хотя имя Вишены она услышала гораздо позже, день приезда в Новгород Дмитрия Николаевича можно считать

и днём знакомства Лены с Вишеной, и вообще началом всей этой истории, хотя началась она на самом деле позднее.

11. ПТИЧКА-НЕВЕЛИЧКА

Рассказ пятый

Все ребята разошлись. Только Вишена с Васильком стояли возле школы. Да ещё Борис не уходил — ждал своего холопа. Вдруг Василёк сказал:

— Пошли на торг!

— Пошли,— откликнулся Вишена.

Совсем недавно тянули они из рук друг у дружки берёсты, чуть не подрались. Но сейчас они уже не помнили об этом.

— И я с вами! — сказал Борис и подумал: как хорошо, что отец Илларион отпустил их пораньше. Холоп придёт за ним, как всегда, в полдень. Пусть тогда поищет его. Борис уже будет на торжище. А то ведь так его ни за что не отпустят.

Большой новгородский торг размещается на другом берегу Волхова. Потому и зовут ту сторону Торговой. Чтобы попасть туда, надо пройти по длинному мосту, перекинутому через Волхов. Начинается он прямо от главных ворот детинца.

До чего же интересно смотреть на реку с моста! Мальчишки застыли посреди моста, уткнувшись носами в перила. Спорят, кто плывёт, откуда и куда. Вот в синей дали показался парус. Вишена первый его разглядел и отгадал, кто плывёт, тоже первый. Это рыбачий насад с Ильменя. Наловили рыбаки рыбы и везут на торг. Насад, или, как говорят по-другому, набойная ладья, называется так потому, что насажены, набиты, высокие борта. Это чтобы не захлёстывало через край, когда разгуляется волна. На Ильмене ого-го какие волны бывают! Ждан рассказывал, случается, так завертит, закрутит ладью, унесёт от берегов. Днём и то иной раз

неведомо куда, в какую сторону плыть. А ночью и вовсе не найдёшь пути. Поэтому в непогоду в церкви на Перуновом холме зажигают огни. И горят они всю ночь, указывая путь корабельщикам.

Вишена поглядел в другую сторону и увидел большую ладью с высоким, круто поднятым носом. На нём возвышалась вырезанная из дерева дева с птичьими крыльями. Ладья шла не с юга, не от Ильменя, как рыбачий насад, а с севера, с Варяжского моря.

— Варяг! — закричал Вишена.

— Нет, это вовсе и не варяг! — заспорил Василёк.— Это немец!

— Нет, варяг!

— Нет, немец! Давай об заклад биться. На твой чехольчик! — предлагает Василёк.— А Борис — видок. Он разнимет.

— Так,— соглашается Борис,— разниму.— И кричит: — Только, чур, мне давать, а с меня не брать!

Теперь жульничать никто не станет. Потому что есть видок. Он подтвердит, кто на что спорил. Василёк торопит Вишену:

— Ну давай на твой чехольчик. Ага, не хочешь! Испугался? Может, ты, Борис, побьёшься? На писало!

Борис раздумывает. А Вишена вглядывается в подплывающий корабль. Вот он уже проходит под мостом. Хорошо видны гребцы на вёслах — по пять человек с каждого борта, крытый домик на корме — для хозяина-купца или для кормчего. Видны сложенные на палубе тюки, парусные снасти, вёдра и прочая утварь.

Лавируя между встречными ладьями и лодками, корабль идёт полным ходом. Значит, не в первый раз пришёл он сюда, и путь ему хорошо знаком, и причал известен. На новгородских пристанях причалов много. Особенно на Торговой стороне. Интересно, куда пристанет этот? Он уже вышел из-под моста, миновал самый ближний Ивановский причал. Ну, это понятно. Там пристают только корабли «Ивановской сотни». Кто такая «Ивановская сотня», известно каждому новгородскому мальчишке. Ещё бы не знать о ней! У неё в городе и

свои лавки, и свой причал, и своя церковь. «Ивановская сотня» — это сто самых богатых новгородских купцов-вощаников, торгующих воском для свечей. Добывают этот воск, а с воском, конечно, и мёд, в ближних и дальних лесах множество бортников-древолазов. Добычу привозят в Новгород, а отсюда уже на своих судах отправляются купцы на север и на юг. Чуть ли не по всему свету ходят корабли «Ивановской сотни».

Мальчишки замолчали, не сводя глаз с корабля. Вдруг Василёк запрыгал и закричал:

— Немец! Немец! А что я говорил!

И правда, корабль был немецкий. У иноземных купцов тоже есть в Новгороде свои причалы. Варяжский корабль пошёл бы к Гаральдову, а этот, сбавив ход, стал сворачивать к Немецкому.

Ребята двинулись дальше. Едва сошли с моста, как сразу же оказались на торгу. Ну и теснота тут! На Софийской стороне тоже людно, особенно в детинце. Но там не спеша идут в Софию богомольцы или так просто гуляют люди, любуясь храмом и хоромами епископа. А тут крики, шум, зазывные голоса торговцев.

На мальчишек вдруг пахнуло густым хлебным духом.

— Пироги! Горячие пироги! — Сквозь толпу протискивался разносчик с большим плетёным коробом на ремне. Под чистым рядном — ржаные пироги. С одного бока рядно чуть сдвинулось, и выглядывает запечённая корочка. Мальчишки сразу почувствовали, что здорово проголодались. Василёк жадно потянул носом.

— Купим? — и, сунув руку за пазуху, посмотрел на Вишену.

Но у Вишены за пазухой была только можжевёловая дощечка для писания. Правда, на поясе у него висел отцовский чехольчик с писалом. Вишена забыл про него. Зато Василёк помнил:

— Продай чехольчик. Резану дам.

За резану, маленький кусочек серебра, отрезанный от серебряной, похожей на толстую палочку гривны, можно было купить два больших пирога — горячих, пахучих. Но Вишена упрямо мотнул головой и отвернулся. Отошёл

и разносчик. Только его громкий голос ещё доносился из толпы:

— Пироги! Горячие пироги!

Будто нарочно, шли они один за другим — разносчики со своими лотками. Не успел исчезнуть этот с пирогами, как словно из-под земли появился другой.

— Пряники! Медовые пряники!

Василёк снова сунул руку за пазуху. Но теперь он смотрел на Бориса. Борис не Вишена. Захочет есть и отдаст своё костяное писало задешево. Даже лучше, что появился этот разносчик пряников. Ещё неизвестно, захотелось ли бы Борису ржаных пирогов. А медовый пряник каждый захочет.

Но и в этот раз ничего не получилось у Василька. Не потому, конечно, что Борис решил отказаться от пряника.

— Эй, иди сюда! — окликнул он коробейника.— Покажи-ка свои пряники! Печатные?

— Печатные, печатные,— заторопился юркий, чисто одетый продавец.— Берите, отроки. Сколько вам? По одному? По паре?

Борис не спеша достал висевший на поясе под кафтанчиком расшитый стеклянными бусинами кошелёчек, вытащил — нет, не какую-то жалкую резану, которую едва разглядишь, до того мелка,— вытащил толстенький, с палец, слиток серебра:

— Давай на всю ногату! — и подставил свою шапку.

Вишена с Васильком опомниться не успели, как в круглой бархатной шапке Бориса оказалась груда пряников.

— Ешь, Вишена. И ты бери,— сказал Борис Васильку.

Мальчишки не заставили себя долго упрашивать, схватили по прянику. До чего же они сладкие, с крепким медовым духом. Так и тают во рту. Но прежде чем надкусить пряник, мальчишки не забывают поглядеть, что на нём нарисовано. Уже насчитали трёх зайцев, двух оленей, двух петухов, птицу с большим клювом да девицу с длинной косой.

Вскоре шапка Бориса опустела. Мальчишки снова протискиваются сквозь толпу. Впереди Василёк. Он знает,

куда вести. Ведь у его отца на торгу тоже своя лавка.

Вдруг среди общего гомона прорезался тонкий заливистый свист. Где-то совсем рядом. То звенит едва-едва, то зальётся соловьиной трелью. Поглядели, а там... Всё кругом горит, сверкает яркими красками. Будто и в самом деле на истоптанной множеством ног земле присели сказочные жар-птицы. Это расположились со своим товаром гончары. Миски и плошки, горшки и корчажки, кувшины и чашки... Обливные! Расписные! А ещё увидели: у самого прохода сидит старик. А перед ним на разостланной тряпице стоят глиняные игрушки — птички и погремушки. Потрясёшь погремушку — загремит. А птички... Грудки — жёлтые, крылья — красные, хвосты — синие. На спине — дырочка. Не простые это птички. Поднесёшь её к губам, как этот старик, она и подаст голос.

Василёк взял птичку и засвистел. Громко — хоть уши зажимай. За ним Борис попробовал. Тоже хорошо получалось у него. Протянул руку и Вишена. Но старик строго сказал:

— Не покупаете, так и трогать незачем. Ишь нашлись свистуны! Даром свистеть каждый захочет!

Борис вытащил свой кошелёчек. Он был пустой. Пожалел Борис, что всё отдал за пряники, но делать было нечего. Пришлось положить птичку на место. Вишена только вздохнул — у него-то и вовсе ничего не было. Зато Василёк... Василёк был доволен. Хорошо, что он не растратился. И пряников поел вволю, и птичка у него будет. Он спросил у старика, сколько стоит птичка, и не спеша расплатился.

Теперь Вишена и Борис не боялись отстать от Василька. Если Василька не было видно в толпе, то уж слышно, где он находится, было отлично.

А Василёк всё шёл и шёл дальше. На прилавках ткани — и грубый холст, из которого шьют одежду смерды, и тонкие мягкие сукна, и нарядный шёлк. Но мальчишкам всё одно. Они бы, не останавливаясь, прошли дальше, но их внимание привлёк громкий спор. Ссорились толстый купец и немолодая, богато одетая поку-

пательница. Женщина долго выбирала и разглядывала ткань. Продавец терпеливо то раскидывал её по прилавку, то поднимал, перевесив через руку. Поворачивал то в тень, то к солнцу. Расхваливал: такой ткани на всём торгу не сыщешь. Покупательница твердила своё: есть ещё и получше. Наконец сторговались. Купец взял локоть — гладко обструганную планку, которой обычно отмеряли ткань. Намотал раз, два... Отхватил ножницами отмеренное: «Носи на здоровье!» Вдруг голос из толпы:

— А локоть у купца меньше, чем положено!

Что тут началось!

Купец:

— Локоть и есть локоть. По ивановскому меряный.

Покупательница:

— Меня не обманешь! Я сама купецкая жена!

А зевака из толпы:

— Веди его к Ивану! Там разберёмся.

— К Ивану! — подхватила толпа.— Пошли к Ивану.

— К какому это Ивану они хотят его вести? — спросил Вишена.

— К Ивану на Опоках,— ответил Василёк.

— Так ведь это же церковь! — удивился Вишена.

Между тем купец, громко ругаясь, свернул ткань, перекинул через плечо, схватил свой локоть и зашагал, окружённый толпой, куда-то на другой конец торга.

— Пойдём? — спросил Вишена.

И все трое двинулись вместе с толпой. Так и шли — кричащий купец со своей тканью на плече, сердитая купеческая жена, зеваки и Вишена с Борисом. А впереди бежал Василёк и свистел заливисто в свою свистульку.

В церковной пристройке было тихо и пусто. Продавец позвал кого-то. Ему ответили. Высоко подняв над головой деревянный локоть, продавец прошёл дальше в глубь помещения. Вишена не сразу разглядел, что он делает. А купец подошёл к человеку, который только что откликнулся ему из темноты, и что-то взял у него из рук. Присмотревшись, Вишена с удивлением увидел, что это был такой же локоть, как и тот, что держал в руках купец.

— Вот смотри: равные — что мой, что ивановский! — показал купец покупательнице.

Та молчала, не спорила больше. А продавец продолжал кричать, что он честный купец и не позволит позорить своё имя. Толпа зевак вокруг зашумела. Только что они ругали купца, грозились, что несдобровать ему. Теперь же стали на сторону продавца и ругали притихшую женщину: нечего, мол, возводить на человека напраслину.

Вишена и Борис удивлялись, зачем в церкви локоть. А Василёк давно знал. Эта церковь принадлежит той же «Ивановской сотне» — купцам-вощаникам, что и причал. В церковных подвалах хранят они свои товары. Здесь же хранится и локоть — мера, по которой отмеряют материю, и весы с гирями. И каждый может прийти сюда и проверить свою или чужую меру, заплатив при этом церковному служителю. Здесь же собираются торговые люди решать разные дела. А иногда в церкви устраивают пиры, на которые приглашаются и купцы, и богатые горожане, и знатные гости. И отец Василька тоже хранит здесь свои товары.

Только вышли из церкви, Василёк опять засвистел в свистульку. Хорошо свистел, заливисто. Вишена не выдержал — попросил:

— Дай посвистеть.

— А ты и не сумеешь,— отмахнулся Василёк, не отнимая ото рта свистульку.

— Да ещё получше тебя сумею! — сказал Вишена.

— А чего же не купил себе свистульку? Купил бы и свистел.

— А на что я куплю? — мрачно проговорил Вишена. И до того захотелось ему посвистеть! Только когда у него будет свистулька? Ни отец, ни мать не дадут ему даже резаны на такое баловство.

— Это не простая свистулька,— похвалялся Василёк.— У неё знаешь что внутри? Да откуда тебе знать! Вот слышишь? — Он поднёс свистульку к Вишениному лицу и поболтал ею в воздухе.

Внутри птички что-то слабо тарахтело.

— Горошина сухая,— сказал Василёк.— Потому и свистит она переливчато. Значит, не простая свистулька, а переливчатая. Ну, хочешь посвистеть? — вдруг спросил он.

— Хочу! — обрадовался Вишена.

— Давай меняться!

— Меняться? На что?

— На твой чехольчик. Не хочешь?

— Хочу,— сказал Вишена. Отстегнул от пояса чехольчик и вместе с писалом отдал его Васильку. А у него в руках оказалась яркая глиняная птичка с дырочкой на спине и с горошиной внутри.

Вот и ряд, где торгуют мягкой рухлядью. Так на Руси называют меха. На прилавках и на врытых в землю колах лежат и висят шкуры. Сияет дымчатой голубизной мех зимней белки, свисают, болтая лапами и пышными хвостами, черно-бурые лисы, чёрным серебром отливают шкуры бобра, мягко золотится мех соболя, как снег, белеет горностай... Но Вишена, занятый птичкой-свистулькой, ничего этого не замечал.

Отец Василька, важный купчина с густой бородой, беседовал с двумя иноземцами в богатых одеждах.

— Немцы. Торговые гости из Ганзы, — шепнул Василёк и пояснил: — Ганза — это у них вроде как наша «Ивановская сотня». За мехами приехали.

Гости, наверное, уже сторговались с Васильковым отцом, потому что три других чужеземца в одеждах попроще отсчитывали шкурки по десяткам и аккуратно укладывали их в большие бочки.

— А почему они мех в бочки кладут? — спросил Борис.

Васильков отец поклонился Борису и ответил:

— Гостям нашим путь предстоит далёкий. Ладью может волной захлестнуть.

Когда бочка заполнялась доверху, её закрывали и откатывали в сторону. Стоявшие наготове дюжие молодцы из работных людей подхватывали её и с криком «Берегись!» катили по деревянной мостовой к причалу — грузить на ладью.

Купец подозвал сына, сказал гостям:

— Наследник, — и стал рассказывать, что вот ещё

немного подрастёт сын и вместе с ним будет ездить за мехами. Ездить приходится далеко, в глухие лесные края, куда и дорог-то настоящих нет. Но зато много зверя бьют там охотники, и мех — вот он до чего хорош.

Немцы кивали головами, смешно выговаривая непривычные слова, соглашались:

— Карош мех, карош! — А потом наполовину по-русски, наполовину по-своему лопотали, поглядывая на Василька: — Дер кнабе. Сын. Карошо!

Ещё не весь мех был уложен в бочки, но отец Василька сказал, что уже поздно и пора закрывать лавку. Остальное догрузят завтра. Немцы опять закивали головами. Удивлялись, до чего долог здесь в Новгороде, на севере, летний день. Иной раз, вот как сейчас, и забудешь, что уже наступил вечер. Да и ночью так светло — не уснёшь. Тут заговорил ещё один гость, до этого времени молча сидевший в стороне. Это был италийский купец. Он тоже немного умел говорить по-русски. Ему уже не раз приходилось бывать на Руси, сказал он. Но раньше он доходил только до Киева. А вот в Новгород приплыл впервые. Он, как и немцы, удивлялся светлым северным ночам. Говорил, у них в Италии ночи тёмные, как чёрный бархат. И звёзды смотрятся по-другому. И деревья иные, и дома не из дерева, как в Новгороде, а из камня. Хвалил Новгород — красивый и чистый город. Улицы вымощены — не то, что в иных европейских столицах, где едва выйдешь со двора, потонешь по колено в грязи. Италиец ещё что-то продолжал рассказывать про города и земли, где случалось ему побывать, но Вишена и Борис, попрощавшись, вышли из лавки. Василёк же остался дожидаться отца, чтобы вместе с ним идти домой.

Торг уже опустел. Только сторожа ходили по площади и поглядывали, не забрался ли вор в какой-нибудь церковный подвал, где хранят свои товары купцы.

На мосту тоже было пусто, и, наверное, поэтому он показался теперь Вишене гораздо более длинным. Сверху висело белёсое небо, а внизу свинцово темнела вода.

Борис, шагавший рядом с Вишеной, тяжело вздохнул. «Наверное, подумал о том, что попадёт дома»,— догадал-

ся Вишена и тоже вздохнул. Вспомнился ему весь сегодняшний день, все неприятности. И учителя в школе Вишена разгневал, и писало позабыл вынуть, так и отдал его Васильку вместе с чехольчиком. Теперь пожалел он и писало и чехольчик. Правда, весёлая птица-свистулька была, вот она, у него в руке. Вишена разжал пальцы, поглядел на птичку. Всё-таки славная эта птичка-невеличка, голосистый соловей с дырочкой на спине и горошиной внутри. Вишена поднёс птичку к губам, и она заливисто засвистела. Наверное, Алёна и услышала этот свист. Когда Вишена подходил к дому, Алёна выбежала на улицу и закричала:

— Вишена! Вишена! Это ты? — Голос у неё был радостный.

Вишена сказал:

— Смотри, какая у меня птичка. Хочешь посвистеть?

Но Алёна не стала свистеть, даже не глянула на птичку, а смотрела на Вишену, словно видела его впервые.

— Это ты? — повторила она.— Живой! Беги скорей домой. Мать твоя все глаза выплакала. Сказали, какой-то отрок утонул сегодня в Волхове.

Едва Вишена толкнул калитку, с крыльца сбежала мать:

— Сыночек! Ненаглядный мой! Живой! Сберегла тебя пресвятая богородица! Вызволила из беды, вынула из воды! — и кинулась обнимать Вишену.

— Да не тонул я вовсе! Мы на торг ходили.

Тут мать перестала обнимать Вишену и запричитала:

— Что же это ты, окаянный, делаешь? Я все глаза проплакала, душой изболелась, а ты... — и, продолжая громко ругать Вишену, отвесила ему несколько тумаков, а потом, увидев у него в руке птичку-свистульку, схватила её и в сердцах закинула в росшие на огороде лопухи. Да ещё пригрозила напоследок: — Ты у меня пореви! Вот ужо воротится отец. Он тебе задаст!

Так кончился для новгородского мальчика Вишены этот долгий летний день.

12. СТОЯ УСНЕ, А ЛБА НЕ РАСТЕПЕ

Рассказ шестой

Сегодня, как и всегда по воскресеньям, отец Илларион повёл ребят в Софийский собор слушать утреннюю службу.

Высоко возносится София над городом своими шестью куполами. Подойдёшь к ней близко, удивишься: громадный каменный храм стоит на земле легко, будто сам тянется ввысь к небу.

Внутри горят множеством огней светильники, празднично сияют золотые и серебряные кресты, сосуды, одеяния священников. Так торжественно здесь, что, входя, все невольно снимают шапки, чинно становятся друг возле друга, говорят вполголоса.

Бояре в нарядных кафтанах важно проходят через толпу, не спеша поднимаются по витой, как домик улитки, лестнице на полати — широкие галереи, расположенные на втором этаже. Внизу же, где молится простой народ, тесно. Ребята кое-как протиснулись вперёд, встали друг за дружкой.

Сначала священник читал молитву, потом началось пение. Слова были ребятам непонятные. Стоять и слушать было скучно. Вишена от нечего делать разглядывал стену. На ней красками написан старик с густой бородой в долгополом кафтане. Но это если глядеть издали. Тогда всё увидишь: и суровое худое лицо старика, и его длинную высокую фигуру. Но Вишена стоит у самой стены. И как ни вскидывает он голову, ему не видно ни лица старика, ни бороды, только тощие босые ноги да край его голубой одежды. А внизу кто-то нацарапал на стене буквы. Царапал, наверное, таким же писалом, как и то, что висит на поясе у Вишены. По-видимому, он думал, что в письменном виде его молитва дойдёт до бога вернее, чем из уст. Вишена пригляделся и разобрал надпись: «Помоги, господи, рабу твоему». Надпись шла косо по стене, сползая вниз. Тот, кто писал, был неважным грамотеем. Имени своего он не написал. Считал,

верно, что бог догадается, кто и о чём его просит. Зато другой кто-то рядом нацарапал не только своё имя, но и адрес. Правда, обращался он не к богу с молитвой, а к людям с очень даже земным предложением. Он сообщал, что продаёт дом, и улицу назвал, где живёт: «Редятина, а спросить Гаврилу». Этот, наверное, считал, что не один богомолец, стоя тут, прочитает его объявление о продаже дома и таким образом скорей сыщется покупатель. А третий и вовсе... Наверное, он был порядочным шутником. Сообщал он о себе вот что: «Якиме стоя усне, а лба о камень не растепе». Стоял, значит, и уснул вместо того, чтобы разбивать в поклонах лоб о камень. Вот тебе и «не растепе». Давясь от смеха, Вишена толкнул Бориса и показал ему на стену. Но Борис не понял, что показывает ему Вишена. Поглазел-поглазел и сам толкнул Вишену. Вишена тоже не остался в долгу. Отец Илларион хоть и далеко стоял, но заметил их возню, погрозил. Пришлось обоим стать смирно.

Когда отец Илларион отвернулся, Вишена потихоньку достал писало и тоже начал царапать на стене надпись. Нет, он не обращался с просьбой к богу и не сообщал о том, что хочет что-то продать. Он выцарапывал рядом с шутником Якимом и своё имя. Но дописать ему не пришлось. Вдруг раздался громкий — на всю церковь — визг. Визжала и дёргала плечами стоявшая впереди Василька девчонка. Вишена сразу догадался, в чём дело. И Алёна тоже догадалась. Василёк ещё утром поймал майского жука, засунул его в чехольчик для писала — тот самый, который выменял у Вишены,— а потом позабыл про него. А вот теперь вытащил и... Мальчишки всегда что-нибудь такое придумывают. Например, Пеночкин — самый озорной мальчишка в Ленином классе — недавно принёс кузнечика, посадил его на парту. Кузнечик как прыгнет прямо на сидевшую впереди Натку. Нинель Викторовна долго потом отчитывала Пеночкина.

Отец Илларион тоже, конечно, рассердился. Только он никого не отчитывал. Протолкавшись сквозь народ к своим воспитанникам, он не стал доискиваться, кто виноват. А чтобы неповадно было озорникам баловаться

и визжать в божьем храме, начал раздавать подзатыльники — и Вишене, и Борису, и той девчонке, что подняла визг, и всем прочим, кто попался под руку. А Василёк тихонько стоял в стороне, и на лице его было подобающее месту смирение.

13. «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН!»

Глава, из которой ты узнаешь, что произошло из-за Пеночкина

— Лена-мена-перемена! — закричал Пеночкин.

Просто беда с этим Пеночкиным! Лена с Андрюшей меняются марками. Что в этом плохого? Они дружат, вместе ходят из школы. А Пеночкин... Это он нарисовал на асфальте, где начерчены классики, сердце, пронзённое стрелой, и написал рядом: «Вишня плюс Лена!» Вишня — это Андрюша Вишняков. «Вишня-Черешня!» — дразнит его Пеночкин. Другие ребята тоже называют Вишней. Вообще-то в этом нет ничего обидного. И Лена и Натка тоже иногда говорят: «Вишенка, выйдешь после обеда в лапту играть?» Или: «Вишенка, можно я на твоём велике прокачусь?»

Сегодня, пока не было Андрюши, а были только Лена с Наткой, Пеночкин не задирался. Нарвал у забора, где растёт репейник, колючек, слепил их комом и прижал к животу. Прошёлся, нарочно выпятив пузо, а серый ком, словно какой-то зверёк коготками, уцепился за рубашку да так и повис на животе у Пеночкина. Смешно! Пеночкин всегда что-нибудь такое выдумывает. «Ты, наверное, будешь клоуном, Пеночкин!» — говорит Нинель Викторовна. Нинель Викторовна, когда сердится на кого-нибудь, называет по фамилии. Если всё идёт хорошо, говорит весело и просто: «Ты, Андрюша, уже придумал пример? Правильно! Молодец! Кто ещё хочет ответить? Лена? Пожалуйста!» Ну, а если в классе шум или какой-нибудь беспорядок, голос у Нинель Викторовны совсем другой: «Кто это нам мешает работать? Ну конечно, Пеночкин!», «Перестань жевать промокашку, Пеночкин!»,

«Сядь как следует, Пеночкин!» Все так привыкли, что и на перемене зовут Пеночкина Пеночкин, и даже на улице — Пеночкин. Пеночкин не обижается ни когда зовут его по фамилии, ни когда смеются над его проделками. Вот и сегодня Лена с Наткой смеялись, а он — ничего. Потом вышел Андрюша. Лена отдала ему марки. Андрюша обрадовался:

— Очень хорошие марки! У меня таких нет! — Помолчал и сказал: — Знаешь что? Вот эту зелёненькую с ракетой я возьму сейчас. А ту со спутником оставь пока у себя. Я уезжаю в пионерский лагерь, и ты мне лучше письмо напишешь и наклеишь эту марку. Почта поставит штемпель. На марках обязательно должен быть...

Вот тут-то, как сказал Андрюша про письмо, Пеночкин и начал. И «Лена-мена» кричал, и колючками стал кидаться. Отщипнёт от своего живота колючку и бросает. Кинул в Лену, а попал в Натку. Натка протянула: «Вот скажу про тебя!» Пеночкин только ухмыльнулся. Потому что знает: некому про него говорить. И в самом деле, кому? Нинель Викторовне? Так занятия кончились, сейчас каникулы. Дома у Пеночкина целый день никого нет. А к вечеру, когда мама с папой вернутся с работы, Натка уже давно позабудет, что хотела на него пожаловаться.

Андрюша не обратил на Пеночкина никакого внимания:

— ...на марках должен быть штемпель. Адрес спроси у моей мамы. Или нет, лучше я тебе сам напишу. Марку с ракетой возьму с собой и тоже...

Тут Пеночкин стал кидать колючки в Андрюшу.

— Я к тебе, Пеночкин, первый не приставал, и ты не приставай,— сказал Андрюша голосом, похожим на голос Нинель Викторовны, и в самом деле стал красным, как вишня, но продолжал объяснять Лене: — ...и тоже наклею на конверт. Только ты её не отклеивай сама...

— Вишня-Черешня! — закричал Пеночкин и снова кинул колючку.

— ...не отклеивай сама, а то испортишь зубчики. Пусть так и лежит у тебя с конвертом. Пеночкин! Вот испортишь мою курточку, будешь отвечать!

Но Пеночкин отвечать не боялся. Отодрал колючий ком от своей рубашки да так целиком и запустил в Андрюшу. Андрюша, конечно, мог бы ему дать как следует. Но Андрюша никогда не дерётся — помнит, что Нинель Викторовна драться не велит. А вот Лена не всегда помнит, что говорит Нинель Викторовна. Во всяком случае, в этот раз она забыла и погналась за Пеночкиным. Не догнала, конечно,— Пеночкин быстро бегает.

Андрюша, всё ещё красный, как вишня, взял марку с ракетой и ушёл готовиться к отъезду в пионерский лагерь. И Натка тоже ушла. Лена сказала: «Давай погуляем». А Натка покачала бантом: «Очень надо! Лучше я вышивать пойду.— И добавила: — Мне набор для вышивания купили». Будто Лена не знает про этот набор. Лена ей: «Ну давай пойдём газировку пить». А она опять: «Очень надо». И ушла. Видно, обиделась. Натка всегда, как на кого-нибудь обидится, говорит: «Очень надо» — и уходит домой. Вот так и получилось вдруг: то все были на улице, а то — никого.

Даже сама улица кажется теперь совсем другой. Вот на тротуаре начерчены классики. Была бы Натка, можно было бы поиграть. А так пропрыгала Лена разок по классикам, и больше прыгать ей не захотелось. Вот

высокий забор — такой плотный, что и в щель не заглянешь. Если добежать до угла, за ним можно спрятаться. Но это когда играют в прятки. Сама с собой ведь не станешь играть. Газировку и то одной пить не интересно. За булочной автомат. С тех пор как его поставили здесь, все ребята запасаются трёхкопеечными монетами. Взрослые этого не понимают. Даже мама удивляется: «Ну сколько можно пить воды?» А ребята пьют — и когда хочется пить и когда не хочется.

Поставишь стакан на металлический кружочек, бросишь в щель монету, и сразу же в дно стакана ударит быстрая тугая струйка. Вода холодная. Её надо пить не спеша, маленькими глотками. А самое главное — это правильно отгадать, какой сироп в автомате. Апельсиновый или вишнёвый отгадывают все. И лимонный — тоже. А вот грушевый или кизиловый попробуй отгадай. Они бывают редко. Но сегодня как раз... Лена поднесла стакан к губам и сразу же узнала: кизиловый! Только от кизилового в носу так покалывает иголочками и щекотно в горле, словно там лопаются маленькие пузырьки.

Если бы Пеночкин не стал вредничать, если бы Андрюше не нужно было собираться в пионерский лагерь, если бы Натка не обиделась и не ушла, ребята поиграли бы вместе, как всегда, вместе отправились бы пить газировку. Но тогда, тогда, может быть, Лена так и не узнала бы ни про удивительную улицу Добрыни, ни про искусного мастера-сапожника, шившего такую красивую обувь, ни про его сына Вишену. А теперь она в одиночестве выпила свой стакан газировки и не спеша пошла обратно. Но прежде чем рассказывать о том, что случилось дальше, надо хоть немножко рассказать о Добрынинской улице, на которой живёт Лена. Лена считала: что-что, а свою улицу она знает отлично. Ещё бы! Каждый день здесь ходит, бегает, играет. Точнее говоря, это даже не улица, а, скорей, пол-улицы. Потому что дома на ней стоят только на одной стороне. Вот большой новый дом с балконами, где живут Натка и Андрюша. Там дальше — Пеночкин. А вот этот маленький домик — три окошка внизу и одно наверху. Здесь живёт Лена.

А на другой стороне почти что вдоль всей улицы тянется высокий дощатый забор. За ним поднимают железные шеи подъёмные краны, что-то тарахтит или грохочет, иногда раскрываются ворота и въезжают машины, гружённые какими-то плитами и кирпичом, или выезжают самосвалы с землёй. Вот и сейчас выехал грузовик. Ворота так и остались распахнутыми. Лена, наверное, прошла бы мимо, как проходила всегда. Но сейчас она вдруг увидела на створке ворот табличку: «Посторонним вход воспрещён!» Лена заглянула в ворота. Ничего страшного не увидела. Напротив, она почувствовала, что непременно должна туда войти. И вошла.

14. КТО КЕМ БУДЕТ

Рассказ седьмой

Отец Илларион оглядел ребят:

— Что это Глеба всё нет и нет?

За столом сидела Глебова сестрёнка Оля, но ответил Вишена:

— Глеб отцу помогает, не будет больше ходить.

Отец Илларион сказал с сожалением:

— Привержен к учению сей отрок, но простым людям трудно отпускать своих детей в школу. Радуйтесь, дети, что вам дозволено пить из светлого ручья познаний, и будьте прилежны.

Вишене тоже было жаль, что Глеб перестал ходить в школу. Почему так получается: сын кузнеца приучается к кузнечному ремеслу, сын гончара — к гончарному. У мамы, например, вся родня — плотники. И покойный дед всю жизнь прожил с топором в руках, и дядя Викула плотничает. А в отцовском роду повелось кожевенное дело. Правда, отцовы родственники не мастера, как отец, а простые кожемяки. И живут они не в Новгороде, а в селе на Перыни. Отец рассказывал, Перынь в давние времена называли Перуновым холмом. Потому что на том холме стоял высеченный из дерева огромный идол Перун — главный славянский бог. Село, в котором живут от-

цовы родичи, стоит как раз на этом холме у озера Ильмень. Прошлым летом Вишена с отцом ездил к ним в гости. Не понравилось ему там. Не Перунов холм, конечно, и не озеро Ильмень. Озеро — слов нет как хорошо. Уж на что широк Волхов, особенно в весенний разлив, но Ильмень куда шире. Стоишь на берегу, а другого берега и не видать. Не понравилось Вишене кожевенное дело, которым занимается отцова родня. На пологом ильменском берегу мокнут в долблёных бадьях, а то и просто под прибрежной волной, кожи. И стоит кругом густой, тяжёлый дух. А когда кожи отмокнут, начинают их мять, чистить, сушить. Хорошо, что отец не стал, как его братья, кожемякой, а выучился шить сапоги и ушёл в Новгород! И Вишена ни за что не станет кожемякой! Правда, и сапоги он не хочет шить, как отец или отцов племянник Ждан. Вишена выучится грамоте и пойдёт служить к купцу. И не к такому, как старый Власий, что держит лавку на углу, отмеривая женщинам муку и споря из-за каждой щепоти. Нет, настоящие купцы другие. Их красивые ладьи с высокими носами стоят у новгородских причалов, готовые отправиться в дальний путь. И Вишена поплывёт однажды весною на такой ладье в... Куда он поплывёт на ладье под белыми парусами, Вишена так и не успел придумать, потому что учитель приказал:

— Оставьте доски для писания и станьте парами!

Может быть, отец Илларион сказал как-нибудь по-другому. Но Ленина учительница Нинель Викторовна говорила всегда именно так. И Натка всегда старалась стать рядом с Леной.

— Я с тобой, ладно? — спросила Алёну Оля.

Оля не так давно стала ходить в школу. Сначала ходила Зорька, потом — Глеб, теперь вот она — Оля, а там, глядишь, подрастёт Мстиша... Есть у них ещё и Любава, но она совсем маленькая, качается в люльке, которая висит на крюке посреди избы. Забавная девчонка! Споёшь ей: «Ладушки, ладушки, были мы у бабушки! — а она давай в ладошки хлопать. Спросишь: «Где Оля?» — она и покажет ручкой на Олю. Оля больше всех нянчит Любаву. И дома возится с ней, и на улицу

выйдет — на руках сестрёнка. Её так и зовут Любавина нянька. У них в семье — все друг друга нянчат. Мстишу, которая сейчас, пока дома нет Оли, сидит с Любавой, когда она была маленькой, нянчил Глеб. Олю — Зорька. И Глеба — тоже Зорька. Так уж ей пришлось, потому что она самая старшая. И в школу дети горшечника Данилы ходят по очереди.

Девочки быстро стали в пары, а вот мальчишки... Вишена стал было рядом с Борисом, а тут Василёк. Сложил руки лодочкой, будто нырять собрался, и врезался между ними. Сам стоит теперь посередине, а Вишена с Борисом — по бокам. Ещё и толкается, совсем выпихнул Бориса. Борис рассердился и тоже толкнул Василька. Но Васильку ничего. Он как был, так и остался посередине. А вот Вишену Борис вытолкнул. Вишена тоже рассердился — кому же это охота, чтобы его толкали. Изловчился Вишена и тоже толкнул Василька. Васильку опять ничего. Зато Борис чуть не полетел на пол. Подошёл учитель. Раз — подзатыльник Вишене. Два — подзатыльник Борису. А Васильку опять ничего.

Когда наконец все успокоились, отец Илларион сказал:

— Сейчас пойдём в библиотеку.

— Куда пойдём? — потихоньку переспросила Алёну Оля.

— Не знаю,— пожала плечами Алёна.

Но тут отец Илларион сам стал объяснять:

— «Библиотека» слово греческое. По-русски означает оно «книгохранительница». В греческой земле, откуда пришла к нам на Русь христианская вера, и при многих храмах, и в домах богатых людей имеются библиотеки, в которых хранятся книги, написанные учёными мужами. И в нашем Софийском храме теперь тоже есть книгохранительница.

В Софии пусто — не то что в воскресенье во время службы, и собор кажется ещё более огромным. Ребята вместе с отцом Илларионом поднялись по лестнице, которая вела на верхние галереи. Им ещё никогда не удавалось побывать здесь. Очень интересно смотреть вниз с такой высоты. Светильники погашены, в тёмной

глубине едва заметно мерцают только огоньки свечей. Зато сквозь высокие стрельчатые окна, расположенные почти под куполом, проникают солнечные лучи, и на верхних этих галереях гораздо светлей, чем внизу.

Учитель открыл неприметную в стене низенькую дверь, и ребята очутились в большой светёлке. Здесь за столами сидели переписчики. Перед каждым лежали листы пергамента и остро отточенные гусиные перья, стояли небольшие глиняные узкогорлые чаши и плошки с чистым речным песком. На полках лежало множество книг и свёрнутых в трубки пергаментных свитков. Отец Илларион развернул один свиток.

— Ну, кто хочет прочитать?

Буквы на пергаменте были красивые и чёткие, но прочитать, что написано на свитке, не смогли даже самые старательные ученики.

— Да таких букв и в азбуке нет! — удивлённо протянул Вишена.

— Здесь написано по-гречески. Свиток этот привезли к нам из греческой земли, — объяснил учитель и стал читать, громко выговаривая незнакомые слова.

— Всё равно ничего не понятно! — сказала Алёна, когда отец Илларион умолк.

— Непонятно,— согласился учитель.— Но что здесь написано, вы уже читали. Да, да! — И отец Илларион продолжал уже по-русски: — «...Возле одного города поселилось свирепое чудище и потребовало, чтобы выдавали ему на съедение двенадцать девиц. И вот услыхал про эту беду молодой юноша по имени...»

— Про Фёдора и змия! — закричали ребята.

— Запомнили? — сказал учитель довольно.— Греческий язык не похож на наш, и нам трудно его понимать, но если человек трудолюбив и прилежен, он всего может достигнуть. Вот отец Мефодий,— показал он на старенького монаха, сидевшего возле окошка,— хорошо знает язык греков. Он и перевёл житие святого Фёдора на русский язык.

Отец Мефодий, наверное, и сейчас переводил какую-нибудь книгу с трудного греческого языка. Он задумчиво

глядел на лежавший перед ним наполовину развёрнутый свиток, а потом взял гусиное перо, осторожно опустил его в узконосую глиняную чашу — ребята догадались, что в ней чернила,— и стал что-то писать на пергаментном листе. Написал, захватил щепоть песка и посыпал им листок, чтобы просохли чернила. Занятый своим делом, он даже не слышал, что учитель рассказывает о нём.

— Привозят на Русь книги и из Болгарии,— продолжал отец Илларион.— Болгарские книги читать и понимать легче. Потому что болгары, как и мы,— славяне.

— Я тоже выучусь и буду переводить и переписывать книги,— сказал Вишена.

— Так,— согласился учитель,— доброе это дело — сеять семена познания. Только ведь ты недавно говорил, что хочешь стать купцом и плавать в дальние земли.

— Купцом! — засмеялся Василёк.— А где он возьмёт ладью и товар? Вот я буду купцом. Отец сказал, когда я подрасту, купит ладью. У него большая лавка на торгу. За мехом к нему приплывают и немцы, и шведы, и

италийцы. А тогда мы сами будем к ним возить меха. Ещё дороже будем их продавать. Отец велит, чтобы я старался в ученье. Купцу нельзя без грамоты. Я и греческий выучу, чтобы понимать греков, когда поплыву к ним в Царьград.

— Тихо, тихо,— сказал учитель, останавливая расшумевшихся ребят.— В библиотеке нельзя громко разговаривать. А то отец Алимпий из-за вас ошибётся и испортит пергамент,— кивнул он на другого монаха, сидевшего за ближним столиком.

Отец Алимпий отложил гусиное перо и добродушно сказал:

— Ничего, пусть пошумят. В спорах рождается истина. Так учат древние греки.

— А ты, Борис, кем будешь? — спросил Вишена.

— Я? Боярином! — сказал Борис.

— А я тоже буду книги переписывать,— сказала Алёна.

Тут уж не только Василёк засмеялся, но и все ребята. Девчонка, а туда же. Переписывать книги — разве это женское дело? Но учитель заступился за Алёну и стал рассказывать:

— Есть в Киеве Янчин монастырь. Назван он так потому, что основала его княжеская дочь Янка. С детства была привержена Янка к книжному чтенью. Выучилась не только русской грамоте, но и на многих других языках умела и речь вести, и читать, и писать. Недюжинного ума и большого сердца была девица. Когда выросла, не захотела она жить в княжеском дворце. Велела построить монастырь и сама постриглась в монахини. Но книги любила по-прежнему. Переводила и переписывала их и даже сама писала. Многие учёные мужи и на Руси и в чужих землях дивились Янкиной мудрости. А книги у Янки простые, понятные и учёному и неучёному. В них рассказывается, какими травами лечиться от болезней, как матерям ухаживать за младенцами, чтобы дети росли крепкими и здоровыми.

— Ну вот,— обрадовалась Алёна,— я тоже так буду! Выучусь и стану переписывать книги. А может быть, и сама потом напишу.

— Ой, Алёна,— жалостливо сказала Оля,— ты что же, в монахини пострижёшься? Ой, Алёна,— повторила она,— не ходи в монастырь! Наша Уленька, отцова сестра, как не хотела, как плакала, когда её в монастырь отдавали.

По дороге из школы, повстречала Алёна монашенок и вспомнила про этот разговор. Посмотрела на их чёрные одеяния, на бледные лица под чёрными платками и подумала: «Нет, ни за что не пойду в монахини! В монахини не пойду, а книги всё равно буду переписывать!»

15. САПОГИ И ПАРАСКЕВА-ПЯТНИЦА

Рассказ восьмой

Завтра пятница — день большого торга. Отец со Жданом собираются на торжище. Допоздна горит в светце лучина, роняя в бадейку с водой угольки. Отец дошивает сапоги. Мать тоже не ложится спать. Расшивает цветной шерстью поршни. То красную нитку вденет в иголку, то синюю, то жёлтую. Проворно мелькает в её руках игла, и на чёрной коже расцветают диковинные цветы с алыми и жёлтыми лепестками, вьются, переплетаясь, зелёные стебли. Ждан до блеска натирает суконкой уже готовые пары и ставит их в ряд на лавку. Тут и поршни и сапоги. Поршни нарядные, расшитые по передкам, с длинными ремешками, которые красиво перехватывают ногу крест-накрест до самого колена. Но Вишене всё равно больше нравятся сапоги. Хорошие сапоги шьёт отец! Вот они стоят на лавке. Одни — большие, высокие — хоть купцу, хоть дружиннику впору. Другие — поменьше, низенькие, на каблуках — для боярыни или купчихи, а третьи... Вот это сапожки! Маленькие, складненькие, будто игрушечные — для ребятишек. Ждан их как раз натирает суконкой.

Посмотрел Вишена на сапожки, вздохнул. Вот так всегда: сошьёт отец сапоги и несёт на торг. А что, если попросить его, чтобы эти не продавал никому, а отдал Вишене? Он уже примерял их, когда в доме никого не

было. Ну и сапожки! Не хуже, чем у Бориса! Прошёлся в них Вишена разок-другой. До чего же ладно в них ногам! Век бы не снимать! Снимать всё же пришлось. Услыхал Вишена на крылечке материнские шаги, поспешно скинул сапожки, старательно обтёр рукавом подошвы и поставил на лавку, как стояли.

Но и в этот вечер не решился Вишена попросить отца, чтобы не нёс он сапожки на торг. Потому что отец с матерью принялись считать да пересчитывать, как школяры на ученье:

— Если завтра все три пары продашь... Смотри не продешеви, торгуйся. Сапоги добротные. Если три пары... За большие — гривну.

— Гривну...— вздыхал отец.

— И эти для жёнок — гривна с половиной. Они с узором. Тут и вовсе гляди. Жёнки, они сроду не купят, чтобы не поторговаться,— наставляла мать.— Нарочно будут носы воротить — цену сбивать. А ты держи её.

— Держи! Да как её удержишь? Прошлый раз пришлось отдать себе в убыток. Едва за кожи рассчитался.

Ждан поставил на лавку один ребячий сапожок, принялся за другой. Видно, ему и самому нравятся эти сапожки.

Ждан хороший. Вишена рад, что он стал жить с ними. Это было ещё в позапрошлом году. Вишена помнит, пришёл к ним знакомый рыбак, возивший в Новгород с Ильменя рыбу. Передал отцу: помирает его старший брат, тот, что живёт в селе на Ильмене, зовёт проститься. Отец быстро собрался и поехал в село. Вернулся он вместе со Жданом. С тех пор и живёт Ждан с ними, помогает отцу. Вишена Ждана полюбил. Хоть он уже не мальчишка — взрослый парень, а всё равно — брат.

Раньше Вишена завидовал Глебу. Вон сколько у них народу дома! Правда, у Глеба не братья, а сёстры, но даже с девчонками лучше, чем одному. Вишена только на улице играет с ребятами или в школе, когда отец Илларион отпускает их погулять. А если дождь, или мороз, или вьюга, и все сидят по домам, Вишена один. Скука!

Спросил как-то Вишена у матери, почему у него нет

ни братьев, ни сестёр. Мать, потемнев лицом, сказала:

«Были. Померли. Один от живота, другой от лихорадки — огневицы. А девочка так просто зачахла. Должно быть, сглазили».

Вот почему, оказывается, нет у Вишены ни брата, ни сестры. Родных. Двоюродных-то много. Там, на Ильмене, откуда приехал Ждан.

Задумался Вишена, даже про сапожки забыл. И вдруг опять услышал, как мать с отцом всё считали да пересчитывали. И выходило, что сапоги, вот они ещё не проданы стоят, а всё, что за них получить можно, уже вперёд как бы роздано: торговцу кожей — за товар, соседу Власию, что держит на углу лавку,— за муку, соль, конопляное масло, боярину Ратибору — за то, что живут они на Ратиборовой земле.

— Может, смилостивится Параскева-Пятница, и продашь в этот раз все пары,— сказала мать.

Вишена вспомнил: «Параскева-Пятница — это тоже святая. Больше всего её почитают новгородские торговые люди — купцы. Её именем назвали церковь на торговой площади. И торжище самое большое поэтому в пятницу. А ещё,— вспомнил Вишена,— о Параскеве-Пятнице рассказывал учитель смешное. Оказывается, «Параскева» по-гречески значит «Пятница». И выходит, что святую зовут дважды Пятница, только один раз — по-гречески, а другой — по-русски. Получилось так потому, что переписчик плохо знал греческий язык и спутал.— Вдруг Вишене пришла одна мысль: — А что, если попросить эту дважды Пятницу, пусть велит она какому-нибудь богатому купцу, чтобы купил он завтра у отца весь товар за хорошую цену? Пусть этот купец заберёт сшитые отцом сапоги — все, все! Только маленькие, ребячьи, пусть оставит. Тогда отец принесёт их назад домой и они достанутся Вишене. Ну что ей, трудно, что ли, святой Пятнице?»

С тем и уснул Вишена. На другой день он томился в школе. Думал: «Может, отец уже воротился. Что ему на торгу делать, если он всё быстро продал?»

— У меня будут сапожки получше, чем у Бориса,—

похвастал он Васильку. — В школу в них завтра приду, вот увидишь!

Отца дома не было. Но Вишена не огорчался. Решил: отец, на радостях, наверное, пошёл покупать кожи на новые сапоги.

Вишена наскоро похлебал щей и побежал на улицу играть с ребятами.

По улице Добрыни с некоторых пор ни пройти ни проехать. Привезли и свалили брёвна. Наверное, кто-нибудь собрался строить новый дом. Вот и плотники работают. И дядя Викула среди них. Вишена не заметил его, когда шёл из школы. Зато теперь подбежал, поздоровался.

— Здравствуй, племяш, здравствуй! — весело отвечал дядя Викула, постукивая топором по бревну.

Смотрит Вишена и никак не поймёт, что дядя Викула делает. Плотники обтесали стволы, но вместо того, чтобы ставить, как положено сруб, взяли очищенное, обтёсанное бревно да и раскололи его по всей длине на две половины. Лежит такая половина бревна срезом вверх на земле, а дядя Викула, сидя на ней верхом, долбит вдоль бревна глубокую канавку. С одного конца, где древесный ствол потолще, канавка пошире, с другого, где ствол потоньше, и канавка уже. Другой плотник делает то же самое. Прорубили канавки, а потом сложили обе половинки вместе. Получилась большая деревянная труба.

Вишена позабыл даже, что хотел зайти за кем-нибудь из ребят. Стоит и смотрит, что дальше будет делать дядя Викула с этой чудно́й трубой. Оглянулся и ещё больше удивился: раньше ему показалось, что у забора свалены обыкновенные брёвна, а это, оказывается, тоже такие трубы. Одна, другая, третья... Дядя Викула и его напарник взяли свою трубу и стали прилаживать её к той, что лежала готовая. Да так хитро: одну трубу острым концом вставили в широкое отверстие другой. А ту, другую, таким же образом в третью...

— Добро! — сказал дядя Викула, распрямляя спину, и весело подмигнул Вишене. — Ну вот, племяш, скоро вёдра из колодца таскать будет не надобно. Вода сама потечёт.

— Какая вода? Откуда потечёт? — не понял Вишена.

— По этому жёлобу,— показал дядя Викула на деревянные трубы,— от самого Волхова. Будет на вашей улице водопровод не хуже, чем на Ярославовом дворище.

На Ярославовом дворище Вишена не раз бывал. Так называется площадь на Торговой стороне, где когда-то стоял дворец князя Ярослава Мудрого. Но никакого водопровода Вишена там не видел.

— Так он же не сверху проложен, а в земле, под настилом, чтобы в нём зимой вода не замерзала,— пояснил дядя Викула. Врубил топор в бревно и крикнул своим плотникам: — Солнце на покой уходит! И нам пора!

Вишена побежал к двору боярина Ратибора, заглянул в ворота: может, увидит Глеба. Но Глеба не было. А вот Борис играл во дворе со своим братишкой Демидом. Вишена свистнул. Борис оглянулся на окна терема — не видит ли мать — и махнул Вишене рукой: сейчас, мол, постараюсь выйти. Мать Бориса, боярыня Гордята, не любит, когда сын играет с соседскими ребятами. Вишена не стал дожидаться Бориса у ворот. Решил пока сбегать за Алёной.

На крылечке Алёниного дома сидел уже вернувшийся из своей кузни Фома, рядом с ним дядя Викула и горшечник Данила. Здесь же стоял Ждан и ещё кое-кто из соседей. Они часто собирались по вечерам в маленьком дворике кузнеца потолковать о разных делах, о новостях. Известно, корабельщики и кузнецы всегда знают, что делается на белом свете. Корабельщик ходит на ладье в дальние края. А кузнец хоть и стоит весь день у наковальни, зато вокруг него с утра до вечера толпится народ. Кому меч нужен, кому — серп, или топор, или иной какой инструмент. Кузнец постукивает молотком, а сам слушает, что люди говорят, на ус мотает.

Алёниного отца Фому уважают на улице Добрыни. Посоветоваться к нему приходят или просто просят: «Расскажи, Фома, что от людей слыхал». Вот и в этот раз все внимательно слушали, что говорил Фома. Вишена тоже прислушался.

— На Рюриковом городище про поход толкуют...

«Рюриково городище, как и Зверин монастырь, находится за городским валом, только в другой стороне. Там стоит княжеский дворец»,— вспомнил Вишена. Его хорошо видно, когда плывёшь по Волхову на Перынь. Отец Илларион недавно читал им «Повесть временных лет» — так назвал учёный монах Нестор свою летопись, записки, в которых рассказывается о самых важных событиях, происходивших в каждом году. Написал Нестор и о том, какие племена жили на Руси, и с какими они воевали врагами, и кто первый стал княжить в стольном Киеве и у них в Новгороде. Там и про этого Рюрика было написано.

Рюрик был варяг. Позвали Рюрика на Русь князья славянских племён, живших в то время на Новгородской земле. Позвали будто бы потому, что то и дело ссорились меж собой, никак не могли договориться, кому быть старшим над остальными. А пока они ссорились, на их земли нападали враги, разоряли дома, уводили в плен людей, угоняли скот. Вот и решили князья — пусть приходит Рюрик со своей дружиной и будет за старшего, чтобы никому не было обидно. И стал Рюрик княжить в Новгороде. Только непонятно, почему он своё городище — крепостной городок и дворец — построил не в Новгороде, а далеко, аж за Малым Волховцем. Там и доныне живут князья. «Интересно, кто это на Рюриковом городище собирается идти в поход?» — подумал Вишена.

Но дослушать, что говорил Фома, ему не пришлось. Из дому выбежала Алёна. Борис уже ждал их.

— А мне что купили! — закричал он, увидев ребят, и поднял над головой маленький кожаный мячик.

— В лапту! Давайте в лапту! — закричал Вишена.

Новенький тугой мячик, будто птица, летал над головами, а упав, весело прыгал по бревенчатой мостовой. Ребята, наверное, играли бы до ночи, но пришёл Борисов холоп и сказал, что боярыня велит сыну идти домой. Да и остальным уже было пора по домам.

Отца дома всё ещё не было. Он вернулся, когда уже совсем стемнело. Устало опустил на пол корзину.

— Никак, всё опять назад принёс? — всполошилась мать.

— Не всё, — отвечал отец устало. — Кой-чего продал. Две пары поршней. Да ещё Ратиборов управитель забрал за полцены маленькие сапожки. «Нашему боярчонку, говорит, пригодятся!» А ещё сказал: «И за то благодари. Задолжал, а не платишь. Вот и пойдут сапожки в зачёт. Остальное донесёшь на той неделе».

16. ЧТО НАШЛА СИНЬКОВА

Продолжение предыдущей главы

Сразу же за забором открывалась яма. Лена не поверила бы, что можно выкопать такую яму, если бы не увидела её собственными глазами. Ну и ямища! Огромная! Широченная! А в глубину... Да в неё преспокойно можно опустить дом, и не такой маленький, в каком живёт Лена, а вроде Наткиного — самого большого дома на Добрынинской улице! К яме вела раскатанная машинами колея и уходила вниз по пологому спуску. Лена подошла поближе. Стояла и думала: «Нет, пожалуй, вместе с крышей дом, в котором живёт Натка, в яму не поместится. Крыша, наверное, останется сверху вместе с Наткиным балконом, который находится на третьем этаже. Но два этажа Наткиного дома очень даже просто влезут. И для чего вырыли такую яму?»

Внизу возились женщины в цветных косынках, ребята, наверное, старшеклассники, как и Серёжа. Лена смотрела, смотрела и никак не могла понять, что они делают. Кто сидел на каких-то ящиках, кто на корточках, кто просто на коленках опустился на землю, и — вот чудеса — взрослые люди, словно малыши в песочнице в Наткином дворе, брали горстями землю и, потерев её в ладонях, сыпали тоненькими струйками в большие ящики. Иногда кто-нибудь поднимался и шёл в угол ямы. Там прямо на земле стоял маленький столик. Возле него на табуретке сидела женщина в тёмных брюках и красном свитере. В руках у неё была большая, похожая на классный журнал, книга.

«Может, спуститься вниз? Да, а та надпись на заборе:

«Посторонним вход воспрещён!»? — вспомнила Лена.

И вдруг внизу, в яме, женщина в красном свитере поднялась со своей табуретки и громко закричала:

— Дима! Дмитрий Николаевич! Идите сюда! Посмотрите, что Синькова нашла!

И тут Лена увидела Дмитрия Николаевича. Он шёл быстрыми шагами к столику, где сидела женщина в красном свитере. Наверное, другим тоже стало интересно, что нашла эта Синькова, потому что многие повскакивали со своих мест. Лена мигом забыла про надпись и побежала вниз.

Возле столика стоял уже плотный кружок. Все что-то разглядывали, передавали из рук в руки. Что это было? Какая-нибудь редкая монета? Драгоценности? Клад? Наверное, что-нибудь в этом роде. Потому что все вокруг радовались и говорили, что это большая удача. Не совсем понятно, правда, было, почему поздравляют Дмитрия Николаевича, как будто нашёл всё он, а не Синькова. Сама же Синькова, немолодая, загорелая, худенькая женщина, стояла тут же и рассказывала:

— Когда попалась первая планка, я даже не сообразила, что это такое, да она и была-то не целая — обломок. Хотела отнести Наталье Ивановне, чтобы записала в журнал. Глянула, а её нет на месте, отлучилась куда-то. «Ну, думаю, посею пока ещё немного. Уровень известен. Только недавно замеряли». Взяла горсть, другую, смотрю: опять дерево. Тоже планочка вроде первой, только целая. Пригляделась: по бокам ложбинки, вроде бы пазы. И тут мне стрельнуло: «Батюшки! Да ведь это, наверное, плахи от зольника, в котором кожи обрабатывали!»

И опять все шумно радовались и говорили, что здорово повезло. Мог вместе с домом сгореть и этот зольник. И просто чудо, что он уцелел.

В конце концов, Лене всё же удалось увидеть, что нашла Синькова и из-за чего все шумели и радовались. Получилось всё очень просто. Пока Лена вертелась, стараясь разглядеть ходившую по рукам находку, кто-то тронул её за плечо. Она испуганно оглянулась. Но, на её счастье, это был не кто-то чужой, а Дмитрий Николаевич.

— Это вы? — спросила Лена, будто сама не видела, что перед ней — Дима собственной персоной.

— Как будто я,— весело ответил Дмитрий Николаевич. Он даже не спросил, хочет ли она посмотреть их находку. А сразу сказал, будто Лена просила его об этом: — Сейчас покажу.— И крикнул: — Ребята, передайте, пожалуйста, сюда, на минуту!

Ребята передали, и на Диминой ладони оказались... две перемазанные землёй деревяшки: одна длинненькая с желобками по бокам, а другая и вовсе ерунда из ерунды — дощечка, похожая на крышку пенала.

— Видишь? — торжественным голосом спросил Дмитрий Николаевич.

— Вижу,— сказала Лена вежливо, а сама подумала... Подумала она не очень вежливо — про дурня с писаной торбой. Так говорила бабушка: «Носишься, как тот дурень с писаной торбой», когда хотела сказать, что человек хвалится пустячным делом. Но про дурня с торбой Лена вспомнила зря. Потому что дальше произошло вот что: Дмитрий Николаевич, наверное, не заметил, что деревяшки, найденные Синьковой, не вызвали у Лены никакого восторга. Сам он по-прежнему сиял как именинник.

— Наталь Иванна,— обратился он к женщине в красном свитере (наверное, она была тут начальником. Ведь это она записывала в журнал, кто что нашёл),— Наталь Иванна, я минут на десять в лабораторию. Хочу кое-что показать нашей гостье.— И тут он чуточку подтолкнул Лену вперёд.

Хорошо, что Наталья Ивановна только теперь увидела Лену. Она хоть и не сказала «посторонняя», а просто сказала «девочка», «откуда взялась эта девочка?», но голос у неё был очень строгий.

— Это я её пригласил,— отвечал Дмитрий Николаевич, подмигнул Лене и сказал: — Ну, пошли.

17. ТАЙНЫ МУСОРНОЙ ЯМЫ, ИЛИ КАК ВАЖНО НАЙТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Глава, из которой ты узнаешь, что отличными могут быть не только ответы, но и вопросы

Идти пришлось недалеко. Здесь же в котловане — так, оказывается, называлась эта огромная яма — стоял наскоро сколоченный сарайчик, или сторожка, с двумя маленькими окошками. Дмитрий Николаевич толкнул дверь. Когда глаза немного привыкли к полумраку, Лена огляделась. Посреди стол, несколько табуреток. А вдоль одной из стен тянутся полки. Дмитрий Николаевич снял с полки картонную коробку, в каких обычно продают туфли или ботинки, и поставил её на стол. Лена взобралась на табуретку с коленками, чтобы получше разглядеть, что находится в коробке. Дмитрий Николаевич открыл крышку и вытащил... одну, потом другую, потом третью... Это и в самом деле были туфли, вернее, не туфли — тапки. Но какие! До того старые! До того драные! У одной нет подошвы, у другой — пятки, от третьей всего и осталось — дырявый носок да полбока.

— Ну как, нравится обувь? — спросил Дмитрий Николаевич. Лицо у него было очень довольное. Бережно, будто и в самом деле какое сокровище, он перебирал в руках тапки — и ту что без подошвы, и другую — без носка, и третью — без пятки.

Лена поинтересовалась вежливо:

— Дима, вы их нашли на помойке?

— В некотором роде — да,— сказал Дмитрий Николаевич.— Но это нисколько не умаляет ценности находки. Напрасно ты с таким презрением сказала «на помойке». Ты, по-видимому, имела в виду мусорную яму, куда обычно выбрасывают ненужные, отслужившие свой срок вещи. Должен тебе сказать, что я, впрочем, как и другие археологи, отношусь с большим почтением к мусорным ямам. Ибо мусорная яма — великая хранительница тех крупиц, которые мы добываем в поте лица своего.

Говорил Дмитрий Николаевич торжественно — то ли в шутку, то ли всерьёз, Лена не поняла. Вообще с тех

пор, как Дмитрий Николаевич немного обжился на Серёжином чердаке и перестал стесняться, он оказался человеком весёлым. Иногда они с Серёжей так хохотали у себя наверху, что во всём доме было слышно. И тогда Лена обижалась. Совсем недавно говорил: «Это очень приятно — в новом городе встретить хороших людей». И вот сам сидит и хохочет весь вечер на чердаке, а позвать туда этих людей не догадывается. Но сейчас она не могла обижаться на Дмитрия Николаевича. Он поступил по-дружески.

— Именно в мусорной яме, а не где-нибудь хранит история свои великие и малые тайны. Так что да здравствует мусорная яма! Ну разве плохие поршни? — снова спросил он.— Так называется эта обувь. Думаю, ты не отказалась бы от такой пары.— И он вытащил откуда-то со дна коробки похожую на первую, только маленькую, как раз на Лену, тапочку, которая называлась смешным словом — «поршень». Лена взяла тапочку в руки. Она и вправду была занятная. Весь носок в мелких дырочках, словно его искололи иголкой. Лена недавно видела на чём-то такие дырочки, только где и на чём — не могла вспомнить.

По краям вокруг отверстия, в которое просовывают ногу, маленькие кожаные планочки. А под ними протянут ремешок — тоже кожаный. Дмитрий Николаевич потянул за этот ремешок. Планочки сдвинулись поближе друг к дружке, отверстие уменьшилось.

Дмитрий Николаевич глядел на тапку — любовался.

— Блестящая кожа, аккуратные планочки. Они одновременно и украшают обувь и делают её удобной.

Лена слушала Дмитрия Николаевича, и тапочка нравилась ей всё больше.

— Дима, а можно её примерить?

— Примеряй,— разрешил Дмитрий Николаевич.

Лена, сняв с ноги босоножку, натянула тапочку.

— Как раз! Только вот ремешок длинный.— Ремешок в два конца волочился по полу.

— Его надо обвязать вокруг ноги,— пояснил Дмитрий Николаевич.

— Правда! Ну теперь совсем модная... модный поршень. И на ноге хорошо держится.— Лена поболтала в воздухе ногой.— Даже если будешь быстро бежать, и то не слетит.

Она ещё раз глянула на исколотый дырочками носок и вдруг вспомнила, что напоминают ей эти дырочки. Наткин набор для вышивания — вот что! Там, конечно, никакие не тапки, а платочки и салфетки, которые надо вышить. Кроме платочков, салфеток и ниток, в наборе находилась ещё книжечка, в которой точками были показаны узоры для вышивания.

— Эти тапки были вышиты? — спросила Лена.

— Хороший вопрос! — сказал Дмитрий Николаевич.— Ты абсолютно права. Поршни были украшены вышивкой. Нитки истлели, сохранились только дырочки.

— А почему их так много? — спросила Лена, кивнув на коробку с этой странной обувью.

И Дмитрий Николаевич опять похвалил:

— Молодец! Отличные вопросы задаёшь.

«Интересно,— подумала Лена,— оказывается, отличными могут быть не только ответы, но и вопросы. Вот если бы так считала и Нинель Викторовна! Тогда бы у меня в дневнике стояли одни пятёрки».

18. В ГОСТЯХ У САПОЖНИКА

Глава, которая ещё больше приближает нас к первой

Дмитрий Николаевич продолжал извлекать из коробки всё новые и новые предметы: деревянный гребень, черепки — толстые коричневые, должно быть, от глиняного горшка. Глиняную чашку или кружку. Вот так кружка! Под стать тапочкам. Видно, её разбили, а потом снова склеили по кусочкам. Только не все осколки собрали. Так и осталась кружка с отбитым боком и без ручки. А когда-то была красивая — жёлтая, расписанная синими и красными лепестками. Наверное, всё это нашли в той самой мусорной яме, в которой хранятся большие и малые тайны. Только какие же это тайны — осколки от битой посуды или гребешок с отломанными зубьями? А вот кошелёчек! Почти совсем целый. Вот его Лена, пожалуй, согласна считать тайной, если, конечно, там внутри что-нибудь есть. Кошелёчек, к сожалению, оказался пустым, но Лене он всё равно понравился. Теперь он старый, а был, наверное... Лена очень ясно представила его себе: блестящая гладкая кожа, как на маминой сумке, а по ней — вышивка. Она догадалась об этом, потому что кошелёчек тоже был в дырочках, как и поршни. А кое-где сохранились даже крохотные бусинки.

— Бисер? — спросила Лена и, когда Дмитрий Николаевич кивнул головой, обрадовалась. Значит, это тоже был хороший вопрос.— А это что такое? Палец от старой перчатки, что ли?

— Это не палец, а чехольчик для писала.

«Для какого писала?» — хотела спросить Лена, но не спросила. Потому что в это время Дмитрий Николаевич вытащил из коробки чёрный клубок и, немного приподняв его над головой, бросил на пол. Клубок упруго оттолкнулся от пола и подпрыгнул.

— Мячик! — закричала Лена.

Это и в самом деле был мячик. Почти такой же, каким они с ребятами играли в лапту, только не резиновый, а кожаный.

— Давненько им никто не играл,— проговорил Дмитрий Николаевич, глядя, как Лена подбрасывает и ловит кожаный мячик.

— А кто им играл, Дима? Где вы его нашли?

— В домике сапожника.

— Какого ещё сапожника?

— Ну, того самого, который шил поршни. Он жил неподалёку на улице Добрыни. Если хочешь, можем зайти к нему.

Ну конечно же, Лена хотела. И они пошли на улицу Добрыни. Ты, может быть, думаешь, что для этого Лене с Дмитрием Николаевичем пришлось подняться из котлована и выйти за дощатый забор? Нет-нет, ты путаешь. Там за забором находится Добрынинская улица.

Мы с тобой там бывали. Ты уже знаешь, на ней живёт Лена, и её брат Серёжа, и Натка, и Андрюша, и Пеночкин. Ты с ними тоже уже немного знаком. А на улице Добрыни... Но сначала о самой улице.

Лена с Дмитрием Николаевичем шли по котловану. Всё дно его было изрыто, кое-где торчали коротенькие, похожие на пни столбики, возвышались небольшие груды камней и битого кирпича. А ещё то в одном, то в другом месте виднелись маленькие красные флажки, будто кто-то хотел украсить котлован и повтыкал их в землю. Лена собиралась спросить, для чего они, но Дмитрий Николаевич сказал:

— Ну вот, мы с тобой идём по улице.

Лена только теперь заметила, что идут они с Дмитрием Николаевичем не по земле, а по брёвнам. Брёвна эти гладко обструганы и такие толстенные, что не только Ленины босоножки — даже огромные кеды Дмитрия Николаевича свободно ступают поперёк бревна. Так они и шагали. «Будто по шпалам,— подумала Лена.— Нет, не по шпалам. Шпалы лежат отдельно друг от дружки, еле допрыгнешь с одной на другую, а эти — рядышком, вплотную друг к дружке. Может, это мост? Только почему этот мост лежит на земле?»

— Это не мост, а мостовая старинной улицы Добрыни. Так она называлась когда-то в очень давние времена.

Только смотри не зевай, а то, чего доброго, попадёшь под коня!

Лена хоть и не очень верила тому, что говорил Дмитрий Николаевич, но на всякий случай оглянулась:

— Вы шутите, Дима, да? Нет никаких коней!

— Сейчас — нет,— согласился Дмитрий Николаевич.— А ты представь себе, что мы идём по улице Добрыни не сейчас, не в наше время, а тогда, когда жили здесь те люди...

— Те люди?.. А... которые носили рваные тапочки — поршни?

— Но ведь они тогда не были рваные,— возразил Дмитрий Николаевич.— Мы уже с тобой про это говорили. А вот относительно людей всё совершенно верно. На улице Добрыни жили те самые люди, которые шили и носили поршни, расчёсывались деревянным гребнем и прятали свои деньги в расшитых бисером кошелёчках.

— И варили обед в разбитом горшке, — добавила Лена,— только он ещё тогда не был разбитый.

— Правильно! Улица Добрыни тоже была не такая, какой ты её видишь сейчас. В то время в Новгороде всё строили из дерева — и дома и лавки. Улицы тоже мостили брёвнами. Тротуаров не делали, прокладывали только мостовые. По мостовой и на конях скакали, и пешком ходили, как мы с тобой сейчас идём. Вот и представь себе: по обеим сторонам мостовой тянется высокий частокол. А вот здесь тесовые ворота с перекладиной наверху.

Ворот никаких Лена не увидела, но зато увидела дорожку поуже мостовой, и тоже деревянную, которая под прямым углом отходила от бревенчатой мостовой и вела к торчавшим из земли столбикам. Была она совсем коротенькая. Всего несколько шагов, и дорожка кончилась.

— Ну вот, мы и пришли,— сказал Дмитрий Николаевич.

— Куда пришли?

— В гости к одному из жителей этой улицы, очень интересному человеку — кожевенных дел мастеру, или, как говорят теперь,— сапожнику. Он живёт здесь со своей женой. Здесь же находится и его мастерская.

И правда, к столбику, врытому в землю, была прибита табличка: «Мастерская сапожника». Но никакой мастерской не было, так же как и не было ворот перед входом в этот чудной дом-невидимку.

Лена не знала, что и подумать. Ребята, когда играют, то очень даже часто что-нибудь возьмут да и выдумают. У Лены с Наткой, например, большой ковёр, который лежит у Натки в столовой, считался морем, а тахта — пароходом. А Андрюша с Пеночкиным как-то раз пришли к Лене во двор и на бочке для дождевой воды написали: «Восток-10». А потом воду вылили, сами залезли в бочку, и это был космический корабль. Но чтобы взрослые...

А Дмитрий Николаевич продолжал рассказывать:

— Вот эти столбики, что торчат из-под земли,— видишь их? Это остатки фундамента, на котором лежал пол. Вот здесь, где кончается дорожка, была дверь. Дорожка-то и привела нас к дому. Теперь представь себе этот небольшой домик, размером, ну примерно, с нашу лабораторию.

Домика никакого не было, так же как и ворот. Но когда Дмитрий Николаевич сказал: «Представь себе деревянный домик вроде лаборатории» — Лена будто и в самом деле его увидела. Только спросила:

— А окошек в нём тоже два, как и в лаборатории?

— Нет,— сказал Дмитрий Николаевич,— пожалуй, хватит и одного. Окошко одно, да не такое, как там, а чуть побольше форточки.

— Почему такое маленькое? Большое, широкое — лучше.

— Лучше-то лучше,— согласился Дмитрий Николаевич,— но стекло в те времена было предметом редким и стоило очень дорого. Даже слюда, которую тогда вставляли в окна, была не дёшева. Не думаю, что наш друг-сапожник мог приобрести стёкла для своей избушки. Хозяева победней затягивали окошки в своих домишках плёнкой из бычьего пузыря. Она хоть и не такая прозрачная, как стекло или слюда, но свет всё-таки пропускает. Только она не велика по размеру. Значит, и окошко должно быть небольшое.

— Ну ладно,— согласилась Лена,— пусть будет маленькое. А откуда вы, Дима, знаете про сапожника и его мастерскую? Да ещё и про жену?

— Потому что здесь мы нашли поршни, которые ты видела. Ты же сама спросила: «Почему их так много?» У нас в своё время тоже возник этот вопрос. А когда мы рассмотрели их повнимательнее, то увидели, что это вовсе не старая, изношенная обувь, а новые, порой даже не законченные пары. Их не успели ещё даже дошить. Попадаются и отдельные заготовки и обрезки кожи. Вот и возникла у нас мысль, что в этом доме жил ремесленник, который изготавливал обувь. Но до сегодняшнего дня это была гипотеза — предположение. А вот сегодня одна наша работница...

— Синькова? — догадалась Лена.

— Да, Людмила Петровна Синькова нашла планки от зольника, ну, такого ящика, в котором обрабатывают кожи. Большое количество обуви разного размера, и её отдельные части, и обрезки кожи, да ещё этот зольник, который мог иметь у себя только мастер, занимавшийся кожевенным делом,— всё это, вместе взятое, и явилось доказательством наших предположений. И мы можем с уверенностью сказать, что на этом месте находилась настоящая сапожная мастерская.

Теперь Лене стало понятно, почему сегодня все так радовались. Это как с задачей. Нашли доказательство. Она тоже всегда бывает рада, когда ей удаётся решить трудную задачку. Но, оказывается, доказательства нужны не только в математике.

— Ну вот,— продолжал Дмитрий Николаевич,— поэтому я тебе и сказал, что мы находимся в гостях у очень интересного человека, обувного мастера. Ты уже видела, какую замечательную обувь шил он для взрослых и ребят. Мастер шил, а украшала его изделия вышивкой, по-видимому, его жена.

— Как здорово, Дима, вы всё это доказали! — Лена теперь очень хорошо себе всё представляла. Вот они с Дмитрием Николаевичем идут по бревенчатой мостовой улицы Добрыни. Прошли вдоль высокого частокола,

свернули по деревянной дорожке, ведущей от ворот к подслеповатой избушке. Она совсем маленькая, вот от этого столбика до того. Тесное крылечко в две ступеньки.

Они стучат в дверь:

«Здравствуйте, мы пришли к вам в гости».

Нет, лучше не так, лучше они придут не просто в гости — придут покупать поршни. Мастер откроет им двери и обрадуется:

«Заходите, пожалуйста!»

В избушке сумрачно. В углу виднеется кирпичная печь. Она стоит на том месте, где сейчас возвышается груда битого кирпича. У окошка, затянутого едва пропускающей солнечный свет плёнкой из бычьего пузыря, стоит лавка. На ней сидит мастер и шьёт поршни. А рядом с иглой в руке склонилась над работой его красавица жена. Она в длинном сарафане и вышитой белой кофточке. Лена видела такой наряд на старинной картинке в Серёжиной книге. Встала сапожникова жена рано-рано, расчесала тем деревянным гребнем свои густые светлые волосы, истопила печь, сварила в горшке еду. И сидит вышивает красной, синей, зелёной шерстью узоры, от которых остались теперь на коже только дырочки от иглы.

На другой лавке стоят рядком уже готовые пары — большие и маленькие.

«Выбирайте любые, какие вам больше нравятся!» — предлагает мастер. Лена выберет те, с длинными ремешками вокруг ноги, которые она примеряла в лаборатории. А Дмитрий Николаевич... Лена взглянула на Димины кеды и вспомнила про дядю Стёпу: «Сорок пятого размера надевал он сапоги». В коробках, которые Лена видела в лаборатории, таких больших поршней не было. Бедный Дима! Лене представилось, как стоит он, смотрит на лавку, где выстроились в ряд расшитые цветными узорами пары обуви, и говорит грустным голосом:

«Хороши поршни, да малы!»

«Ничего,— утешает Диму сапожник.— Приходите завтра — сошью для вас поршни, какие нужно!»

Как подумала Лена про всё это, до того ей смешно стало — даже рот ладошкой прикрыла, чтобы не захохотать. А Дмитрий Николаевич, конечно, ни о чём не догадывался — всё расхваливал и сапожника, и его домик, и улицу Добрыни.

— Тебе эта улица может показаться узкой. По нашим понятиям она действительно узковата. Двум легковым машинам и то не разминуться на ней. Но тогда ведь на машинах не ездили. Прокладывали улицы такой ширины, чтобы мог проехать всадник. Говорю я тебе это, чтобы ты не считала улицу Добрыни хуже иных улиц. Напротив, это была очень хорошая улица! Ведь Новгород был в ту пору одним из самых больших и благоустроенных городов Европы. Равнял себя Господин Великий Новгород с самим Киевом — стольным городом Древней Руси...

— Дима,— перебила Лена,— а почему эта улица находится не там, наверху, где наша Добрынинская и другие улицы, а в котловане?

Наверное, это был самый хороший из всех вопросов, которые задавала сегодня Лена, потому что Дмитрий Николаевич посмотрел на неё так, словно перед ним была не Лена, а сам Серёжа, и сказал:

— Я ждал, что ты об этом спросишь!

Но поговорить им больше не удалось. Сзади послышался быстро нарастающий дробный стук, будто копыта по мостовой. Лена оглянулась. Но это был не всадник. Постукивая каблуками по бревенчатому настилу улицы Добрыни, торопливо шагала Наталья Ивановна.

— Дима! Куда вы пропали? — закричала она, подбегая к ним. — Вас хочет видеть Иван Грозный!

19. ЖДАН И ЗОРЬКА

Рассказ девятый

Как только пообедали, Ульяна убрала посуду. Горазд разложил на столе кожу. Глядел, прикидывал. Вишена знает: отец всегда так. «Семь раз отмерь,— скажет,— а один отрежь». Но вот он взял нож. Сейчас пойдёт

быстро: раз, два — и готово! Нож острый. Только дотронься лезвием, режет самую жёсткую кожу. Отковал этот нож отцу кузнец Фома и заточил по-особому.

Рука сжимала нож, а Горазд всё стоял. Смотрел на кожу, а думал о другом. Сказал:

— Про поход-то опять толкуют.

— Про какой поход? — спросил Вишена.

Отец ничего не ответил, а Ждан сказал:

— На суздальцев.

— Если вече приговорит, придётся идти. А может, оно и лучше. Суздальские земли хлебные, богатые.

— И ты пойдёшь? Вот здорово! — обрадовался Вишена.— А коня тебе дадут? И меч?

— Чего это ты надумал? — Ульяна недовольно поглядела на мужа.— На чужой каравай рот не разевай! Ещё убьют, а я останусь одна с Вишеной. Да ещё маленький скоро родится.

— Я тоже с отцом в поход! — закричал Вишена.

— Тебя ещё не хватало! — рассердилась мать.

А Ждан сказал:

— Нам-то что до этих земель? Фома правильно говорит...

— Фома! — перебил Ждана Горазд.— Есть люди и поумней Фомы. Они другое говорят.

Говорил об этом походе сегодня Горазду управитель боярина Ратибора. Горазд зашёл к нему, низко поклонился. Стал просить, не подождёт ли он ещё немного, пока Горазд отдаст долг. Управитель в этот раз был милостив. Не кричал, не грозился выгнать Горазда с семьёй из дому. Выслушал по-доброму, обещал потолковать с боярином. А под конец, перед тем, как Горазду уйти, сказал: «Ничего, скоро все разбогатеем!»

Горазд не понял, о чём он, но на всякий случай кивнул головой. Разбогатеть — кто же этого не хочет? Только как? Вот тогда и заговорил управитель про поход. Напомнил: несколько лет назад, когда суздальцы осадили Новгород, их крепко побили под новгородскими стенами. Тут же на городском торгу и продавали пленных и взятых в бою коней. Многие новгородцы разжились тогда

добром. Вот и теперь те, кто пойдёт в поход, тоже вернутся не с пустыми руками.

«Взять хоть тебя,— говорил управитель,— ты вольный, хороший мастер, а живёшь не лучше, чем какой-нибудь холоп».

«Так, — соглашался Горазд, — плохо живём».

«А будет на что, построишь себе дом, мастерскую. Лавку на торгу поставишь. Один помощник у тебя есть, а там, глядишь, другой через два-три лета подрастёт».

Слушая управителя, Горазд будто видел перед собой и новый собственный дом, и лавку и опять кивал головой:

«Так! Всё так!»

«Племянник твой Ждан,— продолжал управитель,— входит в возраст. Он, слышно, на дочку гончара Данилы заглядывается. Вот и скажи ему: вернётся из похода, сможет жениться. Господин наш боярин Ратибор для вас же старается. Но есть у него и противники. Отрастили брюхо, сидят на печи и греются. Небось и меч разучились держать. Да ещё крикуны вроде кузнеца Фомы. Ты бы велел Ждану подальше держаться от этого смутьяна».

Всё это теперь хмуро вспоминал Горазд. А Вишена думал: «Испугался, наверное, Фома суздальцев, вот и не хочет идти в поход. А ещё кузнец!» Вообще-то кузнецы люди смелые. В печи вон как страшно гудит огонь, вырывается наружу жаркое пламя, и летят во все стороны искры. Того и гляди, зажжёт всё вокруг. Поэтому и не разрешают кузнецам ставить кузни в городе. Вишена, бывало, как войдёт в кузню Фомы, так и застынет у порога — боязно подойти поближе к наковальне, на которой лежит, дыша жаром, огненный ком. Его придерживает зубастыми клещами молодой парень, весь перемазанный углем,— подручный Фомы. А сам Фома без рубахи — только кожаный передник, прожжённый искрами, прикрывает широкую грудь — поднимет тяжёлый молот и стук-стук-стук по наковальне, так что вся кузня наполняется звоном. Видно, как на руках у Фомы от натуги вздымаются мускулы. И лицо у него красное — опалённое жаром. А раскалённый ком под его молотом вытянется в длину, сплющится с боков и извивается на

наковальне огненной змеёй. Фома всё стучит и стучит, словно хочет своим молотом прибить змею. Глядишь, и в самом деле на наковальне вместо змеи лежит тонкая полоса. Фома теперь постукивает тише, дробнее, то с одного краю, то с другого. И вот уже готов клинок для меча, или серп, или гвоздь.

Однажды Фома стучал, стучал, потом отложил свой молот, взял из рук подручного клещи, подцепил ими гвоздь, макнул его в воду, стоявшую в бадье возле наковальни, и, весело подмигнув, протянул Вишене:

«Держи!»

Гвоздь был ещё тёплый, почти горячий, ровный, с остриём на конце, будто маленькая пика. Мальчишки в школе потом всё приставали к Вишене: «Давай меняться!» Чего только не предлагали ему за этот гвоздь — и колечки от кольчуги, и пряник, и живого ежа. Вишена тогда решил, что вырастет и непременно станет кузнецом. Он всегда относился к Фоме с большим почтением, Но сегодня он был согласен с отцом: нечего слушать

Фому. Он хотел было сказать это, но глянул на хмурое лицо отца и не решился.

Горазд быстро и точно провёл остриём ножа по коже. Но даже работа не успокоила его, не отогнала забот.

Ждан сидел у окошка, склонившись над шитьём. Солнце повернуло на закат, и в доме сразу потемнело. Ждан отложил недошитый сапог, поднялся, расправил плечи. Потом подошёл к ларю и достал новую вышитую рубаху.

— Ты куда это собрался? — спросил Горазд и, не дожидаясь ответа, стал сердито выговаривать племяннику: — Дела вон сколько, а у тебя гулянье на уме.

Ульяна заступилась за Ждана:

— Зря ты серчаешь. Ждан парень работящий, не ленивый. Помощник тебе. А что погулять хочется, так его дело — молодое. Девицы на него заглядываются. Когда же ему, если не теперь, гулять?

— Нагуляется ещё! — проворчал Горазд.— А на кого он заглядывается, я знаю. Только нечего ему в ту сторону глядеть. У самого — ни кола ни двора, а она и вовсе в холопках ходит.

— Зря ты Зорьку обижаешь, — сказала Ульяна, — она хорошая девушка. И никакая она не холопка. Данила человек вольный. И мастер хороший. Отработает свой долг.

— Много ты понимаешь! — рассердился Горазд. — «Отработает»! Да разве наработаешь столько? И про эту Данилину дочку я худого не знаю. А говорю только, что не сможет Ждан на ней жениться. А раз так, то и глядеть нечего. Мало ли девиц вокруг? И Мирослава, и Василина, и другие.

— Сердцу не прикажешь,— упрямо сказал Ждан,— оно само выбирает.

— Само? А ты подумал о том, жить где, чем кормиться будете? Или, может, тебя с Зорькой Фома кормить будет?

— А при чём тут Фома? — возразил Ждан.

— Молчи! — стукнул кулаком по столу Горазд.— И слушай, когда тебе дают добрый совет! Не вертись возле этого смутьяна Фомы. Не доведёт это до добра!

Ждан больше не возражал, и Горазд, поворчав ещё

немного, замолчал. Он и сам не понимал, отчего так набросился на племянника. Ульяна права: Ждан безотказный и старательный, скоро и сам станет добрым мастером. И кузнец Фома, когда бы ни обратился к нему Горазд, всегда по-соседски готов помочь. И разве не прав он? Кому нужен этот поход? Из жителей улицы Добрыни — никому. Одному только боярину Ратибору, да, может, ещё купцу Улебу, у которого своя ладья. А остальным — одна беда. Хорошо, ежели живыми вернутся. А то ведь и головы недолго сложить. Что им с суздальцами делить? Свои, родные по крови братья. Это у князей и бояр идёт спор, междоусобицы. У них своя корысть. А отзывается всё на простых людях. Всё верно. Горазд и сам бы ни за что не пошёл бы. Да только как ослушаться, когда живёшь на земле боярина Ратибора?

А Ждан, дошив сапог, потихоньку вышел из дому. Вышитая Зорькой рубашка так и осталась лежать на ларе. Ждан торопливо спустился к Волхову. Здесь у них с Зорькой условлено ждать друг друга. Но Зорьки не было. Не приходила она и вчера. Наверно, не могла неприметно выбраться со двора. Сколько там над ней присмотрщиков. Немало народу живёт на подворье боярина Ратибора, как и Данила, отец Зорьки. И на огороде работают, и за скотиной ходят, и на всех прочих службах. Вольные люди, а живут у боярина так же, как и его холопы. Слово боятся лишнее молвить, шаг ступить. Так примучил, притеснил их боярин. Вот и Зорька прибежит на короткое время и всё с оглядкой, боится, как бы не хватились её. Ждан, бывало, скажет: «Чего боишься? Не рабыня ведь ты. И отец твой вольный. До каких же пор будете терпеть?» Но Зорька и договорить не даст Ждану. В страхе оглянется, не слышал ли кто. Прикроет Ждану рот ладонью, прошепчет: «Молчи! Молчи! У боярина кругом наушники. Как бы хуже не было!» Замолчит Ждан, обнимет Зорьку, погладит по волосам. Промолвит: «Ну ладно, потерпи ещё немного. Поженимся, и уйдёшь с боярского двора». Молвить молвит, а сам помрачнеет. Жениться он готов хоть сегодня. Лучше Зорьки для него никого нету. И красивая, и работящая, и добрая. О такой

жене только мечтать. Но куда её вести, жену? Своего дома нет, дядька его Горазд и тот своего дома не имеет. Избёнка, в которой они ютятся, тоже стоит на земле боярина Ратибора.

Сидит Ждан на берегу, ждёт Зорьку и мечтает: вдруг да он разбогатеет. Не таким богатым будет, как боярин Ратибор или Улеб, отец Мирославы, но всё же хватит у него на то, чтобы купить дом. Нет, прежде всего он сделает вот что: прежде всего пойдёт он к отцу Зорьки Даниле и даст ему столько денег, сколько нужно, чтобы он расплатился с боярином Ратибором. Тогда Данила с семьёй сможет уйти от боярина. А потом Ждан купит дом. Пусть даже не очень большой, но, конечно, побольше того, в котором они сейчас живут. И в том доме смогут все поселиться: и дядька его Горазд с Ульяной и Вишеной, и Данила с Купавой и с ребятами, и, конечно, они с Зорькой. Сыграют весёлую свадьбу, позовут всех родных и друзей. Вот как славно будет! А потом... Что будет потом, Ждан ещё не придумал. Очнулся от своих мечтаний. Тени от кустов доползли уже до самой воды. Подают голос лягушки, звенят комары. А Зорьки всё нету. Вздохнул Ждан. Встал и пошёл к дому.

На улице играли ребята. Упругий мячик весело прыгал по брёвнам мостовой. И Вишена тут, и Алёна, и боярчонок Борис. А Глеба, братишки Зорькиного, как назло, нету. Как же быть Ждану? Как узнать, отчего не пришла Зорька? Пойти к ним? Так у ворот сторож. Спросит, к кому он идёт и зачем. Да если и пропустит он Ждана, всё равно им с Зорькой и поговорить нельзя будет при всех-то соглядатаях да наушниках. И вдруг придумал, что делать. Кликнул Вишену. Тот не сразу услышал, увлечённый игрой.

Алёна считала:

— Первинчики, другинчики, летели голубинчики...

Сначала вышел Борис, потом — Василёк. И водить досталось Вишене с Алёной.

Ждан подошёл поближе и ещё раз позвал. Вишена оглянулся, нехотя подбежал:

— Ты чего?

— Вот что,— сказал Ждан, отводя Вишену в сторонку,— вот что,— повторил он, немного помедля,— сходи ты к дружку своему Глебу.

— Зачем? — спросил Вишена удивлённо.

— Проведать.

— Ну да,— сказал Вишена,— а сторож? Он и так грозился мне уши надрать. «Нечего, говорит, тут ходить всяким».

Ждан подумал.

— Ну тогда ты вот что. Скажи сторожу, что мать прислала к гончару Даниле за горшком.

— За каким горшком? — спросил Вишена.

— Да ни за каким! — сердито сказал Ждан.— Ты просто скажи про горшок.

— Ну, а потом?

— А потом пойдёшь к Глебу.

— А потом?

— Скажешь Глебу, чтобы вышел на время.

— А на что тебе Глеб? — удивился Вишена.

— Да мне не Глеб нужен. Экий ты бестолковый!

Наконец Вишена всё понял:

— Ладно, Ждан. Я сейчас.

Вышел Вишена с Ратиборова двора скоро. Сказал:

— Зорька ревёт сидит. Её боярыня избила. За блюдо.

— За какое ещё блюдо?

— Не знаю за какое. Зорька сама ничего не говорит. Только ревёт, и всё. А Купава сказала, боярыня Гордята взяла Зорьку в дом — в горницах убирать и за столом прислуживать. У боярина сегодня в обед гости были. Вот и велела ключница Зорьке нести в трапезную блюдо с какой-то снедью. А это блюдо... Зорька и сама не знает, как оно из рук у неё выскользнуло. Боярыня разгневалась, все косы ей повыдрала, по щекам отхлестала. Прогнала. «Не в доме тебе, говорит, убирать, а чистить свинарник!» А за блюдо, сказала, пусть отец платит. Оно из какой-то чужедальней земли привезённое, дорогое.

Так и не удалось Ждану в этот день повидать Зорьку.

20. ПИСАЛО С РЫБЬЕЙ ГОЛОВОЙ

Глава, из которой ты узнаешь ещё об одном доказательстве

— А ты, сорванец, молодец! Давно пора заниматься зарядкой на свежем воздухе! — сказал папа, когда Лена в тренировочном костюме вышла на крыльцо. Он поливал цветы. По утрам папа поливает цветы один, потому что Лене некогда, а вечером — вместе с Леной. У них и лейки две — большая и маленькая. Воду для поливки они берут не из крана, потому что цветы не любят холодной воды, а из высокой пузатой бочки, на которой мелом написано: «Восход-10». Обычно Лена с папой работают и разговаривают о разных делах. Но сейчас Лене вовсе не хотелось заводить разговоры, особенно про зарядку. Хоть она и встала сегодня пораньше, и костюм надела, но зарядка была тут ни при чём. Поэтому она долго плескалась у висевшего на колышке умывальника, дожидаясь, пока папа уйдёт в дом. А тут — Серёжа. Выскочил в трусах и майке, положил на крыльцо гантели и — к Лене.

— Ты ещё долго будешь возиться? Могла бы и подождать, пока я умоюсь. Мне — в школу, а ты никуда не спешишь!

— А вот спешу! — сказала Лена.— Может, ещё больше тебя спешу! Спешу! Спешу! Спешу! — запела она, брызнула на Серёжу холодной водой и побежала в дом.

— Куда это ты спешишь? — поинтересовалась мама, когда Лена чуть не налетела на неё в прихожей, но, не дожидаясь ответа, заторопилась в кухню, потому что там что-то громко зашипело на сковородке.

Но мама хоть и торопится всегда, но ничего не забывает ни сказать, ни спросить. Поэтому за завтраком, едва только все сели за стол, она внимательно глянула на Лену в тренировочном костюме и косынке:

— Ты куда это, дочка, собралась?

Лена сказала:

— На раскоп! — Сказала маме, а посмотрела потихоньку на Дмитрия Николаевича.

Мама, конечно, сразу же забеспокоилась:

— На раскоп? Тебя что, Серёжа с собой берёт?

Серёжа продолжал молча жевать, только плечами пожал. Лена сказала:

— Почему это обязательно Серёжа?

— Не выдумывай! — сказала мама. — Ты всегда что-нибудь выдумываешь!

— Я не выдумываю! — сказала Лена и опять посмотрела на Дмитрия Николаевича.

Вчера, когда он убежал в какой-то боярский терем, где его ждал какой-то Иван Грозный, Лену увела Наталья Ивановна. Усадила её на ящике возле своего столика и велела тихо сидеть, а сама села на табуретку и стала что-то писать в большом журнале, похожем на тот, в котором их учительница Нинель Викторовна ставила отметки.

Сначала Лена, как ей и было велено, сидела тихо. Думала про сапожника и его жену, а ещё думала о том, как будут удивляться Натка и Пеночкин, когда Лена им всё расскажет. Вот, оказывается, что делается у них под самым носом, а они и не знают.

Столик Натальи Ивановны стоял на возвышенности. Отсюда хорошо была видна вся улица Добрыни, вымощенная брёвнами. От неё то с одной стороны, то с другой отходили такие же дорожки, как и та, что привела Лену и Дмитрия Николаевича к домику сапожника. Улица была длинная. Пролегала она почти от середины котлована и до самого его конца. Может, она продолжалась ещё дальше, но этого не было видно, потому что там котлован кончался и вверх отвесно поднималась земляная стена. «Странная всё-таки эта улица Добрыни, — размышляла Лена. — Какая-то подземная». Подумать только! Ведь здесь, где сейчас котлован, ещё совсем недавно был пустырь. И Лена с ребятами бегала и играла на нём, и никто из них даже и не догадывался, что где-то внизу, глубоко под землёй, находится такая удивительная улица. Так, наверное, никогда и не узнали бы о ней, если бы не стали рыть котлован под здание будущего кинотеатра. Про кинотеатр Лене сказала Наталья Ивановна. Лена обрадовалась. Ну разве это не замечательно? Выходишь

из дому, и сразу же — только перейти дорогу — пожалуйста, тебе— кино.

— Наталь Иванна, скажите, пожалуйста, зачем эти красные флажки? — как можно вежливей спросила Лена.

Наталья Ивановна нехотя подняла голову от журнала. Наверное, она не любила, чтобы её отрывали от работы. Но всё же ответила:

— Этими флажками обозначены участки, где ведутся археологические раскопки.

Лена ещё раз оглядела котлован. Раскопки, по-видимому, шли в разных местах. Потому что флажки пестрели повсюду. Повсюду возились в земле люди. Но теперь Лена больше не удивлялась, что взрослые, словно ребятишки в песочнице, перебирают и просеивают землю, потому что понимала: эти люди не играют, а ищут разные таинственные вещи, принадлежавшие когда-то тем, кто жил на улице Добрыни.

Особенно много флажков торчало вдоль улицы Добрыни. И людей работало там больше всего. «А где же домик сапожника?» — подумала Лена. Он должен быть в той стороне. Ну конечно, вот тут они с Дмитрием Николаевичем пересекли котлован и вышли к мостовой. Дмитрий Николаевич ещё сказал: «Не ушиби ногу». Ага, кажется, вот он, домик. Странно! Когда они были в гостях у сапожника, там никого не было, а сейчас там возится женщина. Да ведь это же Синькова! Та самая Синькова, которая нашла сегодня самое главное доказательство — ящик-зольник! Значит, она и сейчас ищет что-то в домике сапожника! А что, если...

— Наталь Иванна, можно, я пойду туда? — Лена вскочила с ящика и показала рукой в направлении улицы Добрыни.

— Куда это? — спросила Наталья Ивановна, недовольно подняв голову.

— В домик сапожника! Я не буду мешать! Ну разрешите, пожалуйста!

— Ладно, ступай. Только смотри, больше никуда!

Лена уже не слышала последних напутствий. Она со всех ног бежала по деревянной мостовой улицы Добрыни.

Людмила Петровна Синькова оказалась человеком гораздо более приветливым, чем Наталья Ивановна. Когда Лена с ней поздоровалась, она весело ответила и так же весело спросила:

— Ну, понравились тебе наши находки?

— Очень понравились,— сказала Лена.— И тапки эти...

— Поршни?

— Да, поршни, и кошелёчки, и гребешок сапожниковой жены. Это вы сегодня тот ящик нашли, в котором кожи выделывают?

— Я.

— А сейчас вы что ищете?

— Да пока не знаю, просто просматриваю землю, может, что-нибудь ещё попадётся интересное.

— А можно, я тоже буду искать?

— Ищи,— разрешила Синькова.— Только как бы тебя дома не заругали. И руки перепачкаешь, и платье.

— Нет, меня не заругают дома,— сказала Лена.— Наш Серёжа — это мой брат, — он часто бывает на раскопе. Приходит грязный, но мама его никогда не ругает.

— Хорошая у тебя мама! — сказала Синькова.

— И Серёжа хороший! — сказала Лена.— Он знаете кто? Он бессменный староста КИСа.

— Да неужели? — обрадовалась Синькова.— Я его знаю — твоего брата Серёжу! Он у нас часто бывает со своими ребятами. Они нам хорошо помогают.

— Я тоже буду помогать,— пообещала Лена и добавила: — Я бы давно пришла. Я думала, что раскоп — это где-нибудь далеко, потому что Серёжа одевался всегда, как в поход. А оказывается, это возле нашего дома.

— Может, раньше твой Серёжа ещё куда-нибудь ездил. Ведь археологические раскопки ведутся и в других местах. Но теперь ребята из КИСа у нас работают.

Земля была рыхлая и сухая. Комки рассыпались в руках. Просеянную землю Лена и Синькова высыпали в ящик. Потом приходили большие, с Серёжу, ребята, ставили ящики на носилки и относили в угол котлована, куда спускалась раскатанная колёсами машин дорога. Приезжал грузовик и увозил куда-то ящики с землёй.

Палило солнце. В воздухе носилась мелкая пыль от просеиваемой земли. Лена с Синьковой насыпали больше двух ящиков земли, но ничего интересного не нашли. Лена очень огорчалась, а Синькова утешала её.

— Ты что же думаешь, мы каждые полчаса что-нибудь находим? Иной раз можно не то что целый день копать — неделю и даже месяц — и всё впустую. Здесь мы тоже долго копали без всяких результатов, пока не натолкнулись на улицу Добрыни. Теперь, конечно, дело повеселей пошло. Но всё равно нужно набраться терпения.

И всё-таки Лена нашла! Взяла горсть земли, размяла её в ладонях и почувствовала что-то твёрдое. Посмотрела — костяная палочка размером с коротенький карандаш. Только не круглая, а сплюснутая с боков. С одного края заострённая, а с другого ровная.

— Ой, что я нашла! — закричала Лена. — Людмила Петровна, посмотрите, что я нашла!

Синькова взяла палочку в руки.

— Это, Леночка, писало, костяное писало! Да какое хорошее! Посмотри-ка.— Она кисточкой осторожно очистила палочку от земли, и Лена увидела на тупом конце палочки вырезанную на кости рыбью голову.— Нам ещё такие не встречались. Ты просто везучая! Ну пойдём покажем Наталье Ивановне. Пусть запишет в журнал.

— Писало? Я видела чехольчик. Это для него? Да?

— Да, писала носили в чехольчиках, которые пристёгивали к поясу.

Пока шли к столику Натальи Ивановны, Синькова рассказывала:

— Ещё давно, когда в Новгороде только начали вести раскопки, археологам часто стали попадаться костяные и металлические палочки. Долгое время учёные не могли догадаться, что это такое. И только потом узнали, что такими палочками в старину писали. Писали ими, конечно, не так, как ручкой или карандашом на бумаге. Ведь бумаги тогда не было. На пергаменте выводили буквы при помощи гусиного пера чернилами, добытыми из ореховой коры. Но пергамент был дорогой. И чаще писали на бересте — уже безо всяких чернил. Вот этими заост-

рёнными палочками просто процарапывали буквы на специально заготовленных берестяных листках. Однажды даже нашли тетрадку, сложенную из таких листочков.

— А что там было написано?

— Вот то-то и оно-то, что? Учёные не день, не два думали, пока догадались. Сверху на листке — пословица или какое-то изречение...

— Это когда о чём-нибудь говорят коротко и мудро? Нам Нинель Викторовна — наша учительница — объясняла.

— Хорошо вас учит Нинель Викторовна,— сказала Синькова.— Вот и в этой тетрадке тоже ребёнок, наверное, мальчишка, учился писать. Но вместо урока, который ему был задан, написал, баловник, такое, что и учёные люди долго не могли понять.

— Что же он написал? — опять спросила Лена.

— Про какого-то шишела, который куда-то вышел. Нацарапал, будто курица лапой: «Шишел вышел...» А люди учёные головы ломали, пока догадались, что мальчишка просто озорничал. Наверное, и у вас в классе есть такие озорники?

— Есть,— вздохнула Лена.— Пеночкин, например. Он всегда балуется. И даже колючками кидается. Сегодня и в Натку кидал, и в Андрюшу. Вот Андрюша не балуется на уроках. И учится хорошо. Он отличник. Его фамилия Вишняков. А Пеночкин дразнится: «Вишня-Черешня!»

Наталья Ивановна тоже похвалила находку:

— Какая искусная резьба! Это писало принадлежало, наверное, боярину или богатому купцу. На каком горизонте вы его нашли, Людмила Петровна?

— Всё тот же седьмой ярус. Должно быть, двенадцатый век. Только это не я нашла, а наша новая помощница. Это знаете кто?

— Знаю,— сказала Наталья Ивановна,— приятельница нашего Димы.

— Вот как! Этого я не знала. Зато я знаю, что это Леночка, сестрёнка того парнишки — Серёжи из КИСа. Помните, который недавно нашёл мячик.

— Ну что ж, поздравляю! Так и запишем в журнале находок: «Костяное писало. Резное. С изображением

рыбьей головы. Седьмой ярус. Дом сапожника на улице Добрыни. Двенадцатый век. Нашла школьница Лена...» Как твоя фамилия? Малявина? Значит... «школьница Лена Малявина!..» Алёша, идите сюда! — окликнула она молодого человека в белой рубашке с фотоаппаратом в руках.

Лена этого Лёшу ещё раньше приметила. Все работают, а он повесил свой фотоаппарат на шею, прогуливается взад-вперёд по котловану и посвистывает. Рубашка белая, брюки чистые, и руки землёй не испачканы. Иногда подойдёт к кому-нибудь, постоит, поглядит, снимет аппарат, щёлк-щёлк и опять повесит его на ремешке. Вот и сейчас Лёша подошёл к столу Натальи Ивановны, наклонился, прицелился, нажал кнопку.

— Ваше задание выполнено! — Это он Наталье Ивановне сказал, да так важно, будто и в самом деле невесть что сделал. А потом повернулся к Лене: — Когда отпечатаю снимки, можешь получить на память карточку!

— Чью карточку? — не поняла Лена.

— Твоего писала! — торжественно ответил Лёша.

— Мы всегда фотографируем интересные находки, а иногда и зарисовываем. Лёша наш главный фотограф и художник,— пояснила Наталья Ивановна.

А Лёша подмигнул Лене и, насвистывая мотив какой-то песенки, пошёл по улице Добрыни.

Это было вчера.

Лене очень хотелось похвалиться находкой. И больше всего, конечно, перед Серёжей. Пусть не воображает со своим КИСом. Серёжа уже был дома — у себя на чердаке. Лена прислушалась — тихо. Значит, Серёжа сидел и сосредоточивался. Во всяком случае, так считала мама, потому что говорила: «У Серёжи ответственная четверть, не мешай ему сосредоточиваться».

Лена решила подождать, пока Серёжа слезет с чердака, но тут пришла Натка и закричала под окном:

— Ле-на! Выходи гулять!

А потом Лену едва дозвались домой, и надо было мыть ноги, и ужинать, и ложиться спать. Вот и получилось, что рассказать про писало она смогла только одной Натке да ещё Пеночкину. Но сегодня Лена была рада,

что так случилось. Ей почему-то казалось, Дмитрию Николаевичу это понравилось, что она не хвалится. Теперь, когда мама сказала: «Не выдумывай» — Дмитрий Николаевич отставил стакан с кофе и сказал:

— Не беспокойтесь, Татьяна Сергеевна, Лена пойдёт со мной. Она вчера очень нам помогла. Нашла замечательное костяное писало, вырезанное из моржового клыка, который в то время называли рыбьей костью.

Тут Серёжа перестал жевать и посмотрел на Дмитрия Николаевича. А Дмитрий Николаевич продолжал:

— Эта находка лишний раз подтверждает имеющиеся у нас предположения о торговле, которую вели предприимчивые и смелые новгородские купцы с народами Севера. В эпоху средневековья Европа не имела почти никаких сведений о жизни этих народов. Например, известия той поры о ненцах дошли до нас только от новгородцев.

— Дима,— сказала Лена,— значит, это писало — тоже доказательство?!

— Конечно. И немаловажное! — сказал Дмитрий Николаевич.

А Серёжа так ничего и не сказал. Только посмотрел на Лену, потом на Дмитрия Николаевича, потом опять на Лену, будто видел её первый раз.

21. ДЕТИ САПОЖНИКА

Глава первая

На улице стоял Пеночкин. Стоял и смотрел, как Лена с Дмитрием Николаевичем идут через дорогу к дощатому забору, на котором висит табличка: «Посторонним вход воспрещён!» Лена теперь была не посторонняя и даже нашла замечательное писало с рыбьей головой. «Я бы тоже нашёл»,— сказал вчера Пеночкин, когда узнал об этом. Натка сказала: «Подумаешь, какое-то писало». А Пеночкин сказал: «Я бы тоже нашёл,— и, шмыгнув носом, добавил: — Если бы меня пустили туда».

Теперь, проходя мимо Пеночкина, Лена сказала:

— Привет!

— Привет,— мрачно буркнул Пеночкин.

Пеночкин сам был виноват. Если бы он тогда не дразнился и не кидался колючками, может, они бы вместе попали в тот день на раскоп. И всё-таки... «Всё-таки это нехорошо, когда двое куда-то идут, а третий стоит и завистливо смотрит им вслед»,— подумала Лена. Она оглянулась. Пеночкин всё стоял и смотрел. И тогда Лена сказала:

— Дима, а можно, Пеночкин с нами тоже пойдёт?

— Пеночкин? — переспросил Дмитрий Николаевич.

Лена подумала, сейчас он спросит: «А кто такой этот Пеночкин, как он учится?» Потому что взрослые почему-то всегда спрашивают, «как учится», как будто это самое главное в человеке. Но Дмитрий Николаевич ничего не спросил. Покосился сверху вниз на Лену и разрешил:

— Ладно, пусть идёт.

— Пеночкин! Если хочешь, иди с нами! — крикнула Лена, и Пеночкин радостно заскакал по улице, догоняя их.

В котловане Дмитрий Николаевич сразу же заторопился куда-то по своим делам. Лена опасливо посмотрела туда, где стоял стол Натальи Ивановны, и обрадовалась — Натальи Ивановны не было. И они с Пеночкиным без всяких помех отправились в домик сапожника. Синькова уже сидела на своём месте и просеивала землю. Лена поздоровалась с ней. Пеночкин шмыгнул носом и тоже поздоровался. Синькова посмотрела на Лену и на Пеночкина и сказала:

— Здравствуйте, здравствуйте.— А потом спросила: — Это что же, ещё один помощник явился?

Пеночкин ничего не сказал. А Лена сказала:

— Да!

Пеночкин хоть и хвалился, что найдёт, если его пустят, но не нашёл. А Лена опять нашла. В этот раз она нашла птичку. И вот с этой самой птички всё началось. Так, по крайней мере, мне кажется теперь.

Птичка была неказиста на вид. Вся какая-то облезлая, со всех сторон оббитая, грязно-рыжего цвета. Сделана она была из глины. Это Лена и сама догадалась. Она

держала птичку на чёрной от земли ладошке, и её переполняла такая радость, что хотелось завизжать или запрыгать. Но она не прыгала и не визжала, потому что не знала, можно ли визжать и прыгать на раскопе. Она только ойкнула, и то не очень громко:

— Ой, смотрите!

Синькова и Пеночкин сразу поднялись и стали смотреть. И тут вдруг Лена испугалась, что Пеночкину может не понравиться эта птичка, как сначала ей самой не понравились похожие на старые тапочки замечательные поршни, которые шил сапожник в этом самом домике. Но тут на помощь Лене пришла Синькова. Она взяла птичку из рук Лены и осторожно стала обметать с неё кисточкой землю, а потом сказала:

— В прекрасной сохранности!..

А потом ещё сказала:

— Ну и глазастая девица! Прямо под землёй видит! Быть тебе археологом! Ну, пошли к Наталье Ивановне! Зарегистрируем твою находку.

Так в журнале Натальи Ивановны появилась новая запись.

«Керамика. Детская игрушка. Птичка-свистулька». Что эта глиняная птичка является свистулькой, определил Дмитрий Николаевич. На спине у птички была маленькая дырочка. Лена видела её, но не обратила внимания. А Дмитрий Николаевич обратил. Он поднёс птичку к губам, подул, и птичка тоненько засвистела.

— Если в эту дырочку бросить сухую горошину, птичка будет выводить трель, что твой соловей,— сказал Дмитрий Николаевич. А потом показал две едва приметные цветные полосочки на птичьем хвосте: одну — красную, другую — синюю. Да ещё маленькое синее пятнышко на грудке.

— Наверное, раньше птичка была покрашена? — догадалась Лена.

— Да. Была расписана яркими красками,— подтвердил Дмитрий Николаевич.

— А мне, Дима, можно посвистеть? — спросила Лена.

Дмитрий Николаевич огляделся по сторонам — навер-

ное, смотрел, нет ли поблизости Натальи Ивановны.

— Ладно, свисти. На то и свистулька, чтобы свистеть. Только не очень громко.

Лена посвистела, а потом дала посвистеть Пеночкину.

С этой птички-свистульки всё и началось.

Лена спросила:

— Дима, а у сапожника был мальчик или девочка?

— Какой ещё мальчик? — спросил Дмитрий Николаевич.— И какая девочка?

— Ну, дети сапожника.

— А почему ты думаешь, что у сапожника были дети?

— А игрушки? Что же, сапожник сам свистел в свистульку? И тем кожаным мячиком тоже сам играл?

Лене вдруг очень захотелось, чтобы у сапожника были дети — мальчик и девочка. И в мячик свой кожаный играли, и в птичку-свистульку свистели, и чашку с синими цветочками разбили тоже они. Баловались и уронили.

Лене казалось, что она давно уже знакома с сапожником, и с его женой, и с ребятами. Теперь она бы их непременно узнала, если бы встретила на улице. Особенно мальчишку — такой белобрысый и весёлый.

22. ЛЕШИЙ

Рассказ десятый

Сегодня Алёна, как воротилась из школы, сразу же села за прялку.

Летом кажется: зимы никогда и не будет. И думать не хочется о зиме. Но надо. Не зря говорят: «Запасай сани летом!» Летом стригут овец, и шерсть на торгу дешёвая. Купили Алёна с мамой полмешка шерсти. Напрядут пряжи, а потом будут вязать чулки и рукавицы, тёплые платки на голову. Правда, мама в последнее время часто прихварывает и долго прясть не может. Зато Алёна, Алёна уж постарается.

Наверное, много пряжи напряла бы в этот день Алёна, но едва принялась она за работу, на крыльце послыша-

лись торопливые шаги, и, распахнув двери, в избу влетела Оля. Закричала громким голосом:

— Алёна! Алёна! Идём в лес!

Алёна сердито замахала на Олю руками. Та испуганно прикрыла ладошкой рот, покосилась на Алёнину мать, заворочавшуюся на лавке, и зашептала:

— Пойдёшь? Все идут: и Мирослава, и Василина, и наша Зорька, и Глеб. Сыроеда говорит, уже земляная ягода поспела. Она ещё вчера большой туесок принесла.

Алёна посмотрела на мать. Спит. Ну и хорошо. Пусть поспит подольше. Сон, говорят, болезни прогоняет. А Алёна сходит за земляными ягодами. Может, мать их в охотку поест.

Алёна быстро отыскала в сенях туесок, прихватила и лукошко для грибов. Когда они с Олей вышли, все уже были в сборе. Не было только Вишены с Борисом. И Кукша, конечно, не пошла. Но Кукша с Борисом никогда не ходят ни за ягодами, ни за грибами. А зачем им ходить? Ещё с утра пораньше снарядила Ратиборова ключница в лес холопок. Велела каждой набрать полный кузовок земляных ягод. Утром к завтраку на боярский стол уже подавали земляные ягоды с мёдом и сливками.

А вот Мстиша очень хотела пойти, но её с собой не взяли. Надо же кому-нибудь остаться дома с Любавой.

— До свидания! До свидания! — помахала Оля рукой на прощанье маленькой Любаве, которая, держась за сестрин подол, несмело ступала босыми ножками.

Мстиша любит Любаву, но теперь она, утирая рукавом слёзы, сердито смотрела на сестрёнку. Алёна жалела Мстишу. Конечно же, ей обидно оставаться дома. Любава споткнулась, ушибла ножку и захныкала. Мстиша, осердясь, ещё и наподдала ей. За что и сама получила тумака от Оли.

— Не в последний раз идём. Земляная ягода только начинается, — сказал Глеб Мстише и заторопил: — Ну, пошли поскорей.

Спустились по улице Добрыни к Волхову и пошли берегом. Впереди Глеб, за ним поодаль Мирослава, Василина и Зорька. Когда нету Кукши, и Мирослава и

Василина разговаривают с Зорькой по-доброму. Это они при Кукше выхваляются и важничают. Думают, она тогда с ними дружить станет.

— А Вишена почему в лес не пошёл? — спросила Алёна.

— Нету его дома,— отвечала Оля.— Глеб сказал, они с Бориской убежали купаться на Волхов. Только никому не велел говорить.

— Я бы тоже искупалась сейчас,— сказала Алёна, оглядываясь на серебристую, пронизанную солнцем воду, тихо плескавшуюся у пологого берега.

На Волхове летом приволье. Хочешь, кались на солнце, хочешь, отдыхай в прохладе под ивами. И сейчас уже на берегу полно народу. Полощутся на мелководье ребятишки, носятся друг за дружкой по лугу. У самого края, где лижет берег волна, по колено в воде стоят женщины. Согнув спины, колотят по воде вальками, вздымая тучу брызг. Стирают бельё и вытканные холсты. Бельё, отполоскав в текучей волховской воде, отжимают и складывают в корзины. Потом высушат, раскатают рубелем и каталкой, чтобы было гладкое, ровное. А холсты расстилают тут же на берегу, на траве, чтобы отбелились на солнышке. Новые холсты некрасивые, серые, жёсткие. А если несколько раз их отмочить и отбелить, становятся белыми как снег и мягкими.

Вот уже и вал. А за ним сразу начинается лес.

Шедший впереди Глеб остановился, поджидая остальных. Зорька сказала Алёне и Оле:

— Далеко от меня не отходите.

— Не отойдём,— кивнула Алёна.— И аукаться будем.

— Аукаться — что! — ответила Зорька. — Леший тоже аукается. Тем и заманивает.

— Я страсть как боюсь лешего,— тихо проговорила Оля и испуганно огляделась, будто и впрямь опасалась, не сидит ли где, спрятавшись в ветвях, лесовик. — Вот и бабка Сыроеда недавно рассказывала, как он её заманивал — леший.

— Ох уж эта Сыроеда! — вмешалась в разговор Василина.— Повстречалась она мне как-то на улице, я и спросила: «Ты куда, Сыроеда, идёшь?» А она сердито

так: «На кудыкину гору!» И как начала браниться.

— Ещё бы не бранилась! Разве можно кудыкать? — сказала Мирослава.— Куд услышит, пути не будет.

Ребята помолчали. Это всем известно: если услышит злой кудесник Куд, беды не оберёшься. Если по делу идёшь, дело не сладится. Если в лес, ничего не найдёшь: ни грибов, ни ягод.

— Это Куд. А леший сам первый никогда не трогает,— сказал Глеб.

— Да, не трогает,— возразила Алёна.— Один охотник рассказывал отцу, как его леший целый день по лесу водил. То лисьим хвостом махнёт, то — беличьим. Охотник видит: лиса. Пустит стрелу. Целился метко. Сам видел, что попал. А подошёл к тому месту — ни лисы, ни стрелы. Потом белку увидал. Прицелился. Видит: попал. А подошёл поближе, и опять — ни белки, ни стрелы. Так и воротился ни с чем.

— Это он не со зла,— сказал Глеб.— Просто скучно ему в лесу одному, вот он и забавляется

— Долго вы ещё тут стоять будете, лясы точить? — прикрикнула на ребят Зорька.— От вашего крику не то что звери — и грибы, и ягоды все попрячутся!

— Глеб, мы с тобой,— сказала Оля.

— Нет уж, ступайте с Зорькой,— отмахнулся Глеб.— А то вы у меня всегда из-под носа все грибы таскаете.

— Ладно, пойдём с Зорькой. Только ты далеко не уходи,— попросила Оля, оглядываясь всё так же боязливо.

Алёне тоже было боязно. Да и кто не испугается в лесу! Может, и в самом деле леший прячется где-нибудь поблизости. Ты его не видишь, а он тебя очень даже хорошо видит.

— Ау, Зорька! — позвала Алёна, хотя прекрасно видела Зорьку.

Та, наклонясь, собирала ягоды совсем рядом. Заглянула Алёна в Зорькин кузовок, подивилась: только пришли вроде, а в кузовке у Зорьки уже дна не видно. Всё покрыто ягодами — не то что у Алёны. Надо и самой поскорей собирать. Вон их полно, ягод, вокруг. Многие ещё не поспели. Один бочок краснеется, а другой зелё-

ный. Но и спелых немало. Их и искать не надо. Сами просятся в туесок. Бери и клади.

Тихо в лесу. Слышно только, как стучит дятел да аукаются девицы:

— Ау, Алёна. Где ты?

— Я тут! Идите сюда! Тут ягод полно!

— И у нас полно! Мы с Зорькой уже полтуеска набрали! Иди к нам!

Собирает Алёна ягоды, а у самой из головы не идёт рассказ бабки Сыроеды.

Искала Сыроеда корень — копытень, который, отварив в козьем молоке, надо давать младенцам от боли в животе. Не любит копытень людского глаза, не любит и света солнечного.

«Но я-то знаю, где его искать,— хвалилась бабка Сыроеда,— у меня места приметные. А тут нет и нет. Словно кто-то до меня прошёл и вырыл весь корень». Вот и забрела бабка Сыроеда в самую чащобу, в густой орешник. Заглянула под куст, заглянула под другой и увидела: вот он, миленький! Сверху три круглых листочка на копытца похожие, а корень в земле. Только собралась она выкопать корешок, в соседнем бору кто-то как заколотит дубиной по древесным стволам, как закричит на весь лес дурным голосом, как захохочет. Ну кто это мог быть? Не иначе как леший. Это для него любимая забава. И корень он сюда под орешник спрятал. Он так всегда. Если хочет кого заманить, нарочно грибов накидает, ягод понасыплет. Пока собираешь их, совсем закрутишься, позабудешь, в какую сторону шёл. А то ещё кусты и деревья с места на место перетаскает. Это ему раз плюнуть. Заплутаешь, вот тут-то он и начнёт...

Подумала Алёна про лешего и ещё больше испугалась.

— Ау,— закричала она,— Оля! Зорька! Где вы?

Вдруг сверху шишка — бац, прямо на Алёну упала. Подняла Алёна голову, посмотрела. А на сосне белка. Не иначе как она в Алёну шишкой кинула. Рассердилась, наверное, что Алёна кричит тут под её деревом. За кустами ветка хрустнула. У Алёны сердце в пятки ушло. А что, если там медведь? Он тоже любит, говорят,

лакомиться ягодами. Схватит и унесёт в свою берлогу. Так и будешь жить у него, как та девица Маша, про которую в сказке рассказывают.

— Алёна! Алёна! Иди к нам! — откликнулись Зорька с Ольгой в два голоса.

Алёна подхватила туесок, хотела бежать, да вдруг замерла. А что, если это вовсе не Зорька с Ольгой, а леший? Нарочно кричит людскими голосами — вглубь заманивает. Пойдёшь на голос, а там кусты колючие лапами цепляют за подол, чавкает под кочками чёрными губами топь... Огляделась вокруг и совсем обмерла: вот он, леший! На голове мохнатая шапка. Глаза выпучил и размахивает во все стороны костлявыми руками. Алёна туесок выронила, ягоды рассыпала. А тут над самым ухом:

— Алёна! Ты что, Алёна?

Смотрит — а это Глеб. Взял Алёну за руку и закричал:

— Ау, Зорька, Оля! Вот она, Алёна!

Алёна ему:

— Не кричи. Тут леший.

— Где?

— Да вот, — пролепетала Алёна. Посмотрела: нету лешего. Стоит сучковатое дерево и машет ветвями.

Глеб стал смеяться: мол, никакого лешего и не было — просто померещилось Алёне от страха. А Зорька с Олей и Мирослава с Василиной поверили.

23. ССОРА

Рассказ одиннадцатый

Придумал всё Василёк:

— Пошли на Козью Бородку.

Наверное, какой-нибудь весёлый шутник назвал так дальний угол торговой площади, где продают скот. Козья Бородка подаёт свой особый голос — мычит, блеет, визжит, крякает. Но мальчишки не смотрят ни на коров, ни на овец, ни на коз. Даже на голубей не дали поглядеть Вишене Василёк с Борисом. Торопились в конный ряд.

Ряд — только так называется. На самом деле это широкая площадь, на которой и продают коней.

— Нет, не эти, — сказал Василёк.

И правда, здесь у края понуро стоят усталые крестьянские лошади. Грустно косят глазами, будто хотят сказать: «Ну ладно, запрягай. Так и быть, потащу и дальше нелёгкий воз».

— Вот они, там, — показывает Василёк рукой.

Но и Вишена, и Борис уже и без Василька их увидели. Тонконогие, быстрые, горячие красавцы. Никогда не будут они тащить за собой ни плуг, ни воз. У них иная судьба. Суждено им ходить под узорчатым седлом, в красивой позолоченной сбруе. Будут их пасти на сочных лугах, беречь и холить. А потом вдруг наступит день, когда вскочит в седло всадник — гонец со срочным донесением или воин. И будут мчаться эти кони быстрее ветра, пока не падут, загнанные насмерть, или не свалятся, обливаясь кровью, на поле боя под ударом вражеского копья.

Но пока эти красавцы кони по-лебяжьи выгибают гордые шеи и нетерпеливо роют копытами землю.

К рыжему коню, которого с трудом удерживает на поводу седой конюх, подошёл статный молодец без воинских доспехов, но с мечом у пояса. Перехватив повод, легко вскочил в седло. Конь взвился на дыбы. Стоявшие вокруг подались назад, расступились. Конь танцевал, пытаясь сбросить всадника. Но тот словно влип в седло, крепко держа поводья.

— Это княжеский дружинник Ставр, — сказал Борис. — Я его знаю. Видели, как он с конём? Да он на каком хочешь усидит, хоть на самом чёрте.

Толпа любопытных снова сомкнулась, заслонив от ребят и коня и всадника. Мальчишки стали проталкиваться вперёд, поближе. Кто-то обругал их, кто-то пригрозил надрать уши. Седой конюх хотел было схватить протиснувшегося вперёд Бориса за шиворот, но, глянув на его круглую шапку из алого бархата и отороченный мехом кафтанчик, опустил руку и поклонился сыну боярина. За Борисом протиснулись и Вишена с Васильком.

Сначала казалось, конь несёт седока как хочет. Ещё немного, и он врежется в дальний ряд, где мычат коровы и мелькают яркие платки женщин. Но Борис был прав. Всадник справился с конём. Доскакав до конца поля, он круто поворотил коня назад, и тот, послушный властной руке, понёс его обратно.

— Видали? — снова сказал Борис, кивнув на дружинника.— А конь хорош, угорской породы.

Ни Вишена, ни даже всё всегда знающий Василёк не спорили с Борисом. Уж в чём, в чём, а в конях Борис разбирается. Ещё бы. У отца Бориса, боярина Ратибора, на конюшне десятка три коней.

— Отец обещал подарить мне Уголька,— похвалился Борис.— Как минет мне десять лет, так и подарит.

Вишена завистливо вздохнул. Он хорошо знал трёхлетка Уголька с лоснящейся, отливающей чёрным серебром спиной. Теперь уже Вишена не помнил, что совсем недавно он собирался наняться в помощники к купцу и отправиться в дальнее плавание на большой ладье под белым парусом. Не помнил, что хотел переписывать книги, как писцы в библиотеке. Он будет дружинником, таким же смелым и ловким, как Ставр. И купит такого же коня, как этот огненный красавец. Конь будет вот так же косить горячими глазами и выгибать шею, будет вставать на дыбы и рвать поводья. Но Вишена справится с ним и помчится во весь опор. Больше, казалось Вишене, в жизни никогда ничего ему не будет нужно.

А Борис продолжал расхваливать Уголька, а заодно и себя, как ловко будет он скакать на коне.

— Меня Ставр обещал научить. Он всегда приходит первым. На всём скаку может поднять с земли иголку! Любит он коней. Своих, правда, у него нету. Думаете, он для себя коня испытывал? Нет. Разве купить ему такого коня! Это он по велению князя, для княжеской конюшни. Он и наших коней смотрел. А про Уголька знаете что сказал? «За такого коня жизни не жаль!»

Наверное, толклись бы мальчишки на Козьей Бородке до позднего вечера, да смотреть больше не на что было. Одного за другим уводили с поля коней — угольно-чёр-

ных, и снежно-белых, и огненно-рыжих, похожих на солнце. И тех, что купили, и тех, для которых не нашлось покупателя. Что же, сегодня не нашлось, найдётся завтра. Не томить же весь день дорогих коней. А то спадут с тела или, не дай бог, захворают. Это не смердьи лошадёнки, терпеливые и привычные ко всему.

Вишена и Борис расстались с Васильком, жившим на Торговой стороне, и пошли к мосту. Но тут им пришлось задержаться. К причалу, где стояли ладьи, вереницей шли измождённые, в оборванной одежде люди, связанные друг с другом длинной толстой верёвкой. Были здесь и молодые мужчины, и женщины, и подростки, и дети. Они проходили совсем близко, и Вишена хорошо видел их. Различал темноволосых половцев с раскосыми глазами, и широколицых чудинов, и своих — русских с белыми, будто лён, волосами.

— У нас тоже чудины есть,— сказал Борис.— Когда зимой ходили на них в поход, отец много пленных привёл. Теперь живут у нас холопами.

Вишена ничего не ответил. Всё смотрел на невольников.

Половцев Вишена не жалел. Сколько раз слышал он про половецкие набеги. Вот недавно дядя Данила, отец Глеба, рассказывал: налетели поганые степняки на их село. Данила и Купава с ребятами успели убежать в лес. Потому и спаслись. Не то попали бы все в полон. Но всё равно и дом их сожгли, и коня увели. И голодно, и страшно было там оставаться. Вот и перебрались они в Новгород. Теперь же половцы сами в полон попали. Так им и надо! А вот русские, свои... Связанный с половчанином белоголовый парень... На кого же он похож?.. «На Ждана — вот на кого!» — вдруг догадался Вишена. Как же случилось, что стал он рабом, невольником, которого сегодня продали на торгу? Может, попал в полон? А может... Опять-таки дядя Данила пришёл к ним хмурый, говорил невесело, что вот с тех пор, как поселился он на подворье боярина Ратибора, сколько ни трудится, как ни старается, а расплатиться всё не может. Теперь уже и жена, и Зорька, и Глеб работают на боярина. Отец слушал, сочувственно кивал головой. А Ждан сказал:

«Все мы скоро будем холопами у Ратибора!» Вот и этот белоголовый, похожий на Ждана парень... Может, совсем ещё недавно был он свободным человеком, жил у себя дома, пахал землю или занимался ремеслом. А сегодня продали его на торгу, как продавали коней. Купил его чужеземец, должно быть грек. Вот его ладья. Днём, когда они шли на Козью Бородку, её разгружали гребцы, выкатывали на берег бочки с маслом и вином, носили в корзинах пахучие заморские фрукты. А хозяин ладьи стоял на палубе и отдавал приказания. Сейчас он тоже вышел на палубу, что-то крикнул на своём языке гребцам, и те, подбежав к невольникам, стали загонять их на корабль. Поднялся плач и крик. Рванулся в сторону белоголовый парень, но верёвка удержала его, только натянулась туго и потащила в сторону связанного с белоголовым парнем половчанина. Половчанин полетел на землю. Гребцы набросились и на того и на другого с палками и плетьми. И, связанные верёвкой люди, подталкиваемые со всех сторон, стали подниматься по сходням.

До утра ещё простоит греческая ладья на причале. А с рассветом поднимет паруса. И увезёт чужая ладья купленных на Новгородском торгу невольников — и половцев, и чудинов, и русских.

Вишена с Борисом уже шли по мосту. В ушах свистел ветер, волховские волны плескались внизу у толстенных опор.

— ...Отец говорит, скоро на суздальцев в поход пойдёт. Я научусь ездить на Угольке и тоже пойду в поход! — хвастал Борис.— Как поскачу с мечом в руках — всех разобью!

Слушал Вишена Бориса, и становилось ему до того обидно! Разве он хуже Бориса? Ещё неизвестно, кто из них окажется смелей в бою.

— Я тоже поскачу и тоже всех разобью,— сказал он, насупясь.

— Ты? А где ты возьмёшь коня? Где меч достанешь или копьё? А я отцовский меч возьму! Булатный! — продолжал хвастать Борис.— Как увидят этот меч враги,

сразу сдадутся. Вот и возьму их в полон! Будут у меня холопами!

Вишена понимал, что негде взять ему ни коня, ни меча, ни копья — разве только сапожный нож, который сковал отцу Фома, но продолжал упрямо бормотать сквозь набегающие на глаза слёзы:

— И я разобью и возьму в полон... И у меня будут холопами...

— У тебя? Холопами? — захохотал Борис. — Охо-хо-а-ха-ха. Да ты сам-то хо...

Вишена как налетел на него — стукнул раз, другой, и Борис уже лежал, растянувшись на бревенчатом настиле моста, а круглая Борисова шапка из алого бархата отлетела, покатилась и плюхнулась вниз в волховские волны.

Когда Борис поднялся, отряхивая свой отороченный мехом кафтанчик, Вишена уже был на другом конце моста.

24. БАБУШКИН ПИРОГ

Глава, из которой ты кое-что узнаешь о бабушке и о дружбе

Лето было в разгаре. У девятиклассников наконец кончились занятия. Серёжа перешёл в десятый. По этому торжественному случаю и подарили ему фотоаппарат. С утра до вечера Серёжа только и делал, что кричал всем, кто попадался под руку: «Стой — не двигайся! Я поймал отличный кадр!» Прицеливался, зажмурив глаз, и щёлкал. Чаще всех попадалась ему под руку Лена. Но даже если она не попадалась, Серёжа всё равно снимал её, потому что больше снимать было некого. Пока не приехала бабушка. Лена очень любит, когда бабушка приезжает к ним погостить. В доме сразу становится так уютно. Появляются разные вкусные вещи — баклажаны, которые бабушка называет «синенькими», вишнёвое и абрикосовое варенье в больших глиняных посудинах, которые бабушка называет «макотрами». Лену бабушка называет «ясочкой». Про Серёжу говорит: «Де же наш

хлопчик подивався?» А когда ищет свои очки, спрашивает: «Чи вы их не бачилы?» Так говорят у них на Украине.

Однажды, когда бабушка гостила у них, почтальонша, увидев Лену во дворе, отдала письмо ей. Размахивая конвертом, Лена вбежала в комнату и закричала:

«Ура! Бабушка, тебе письмо!»

«Это, ясочка, от моей подружки Анны Егоровны из Ленинграда».

«От подружки? — засмеялась Лена.— Разве у бабушек бывают подружки?»

«А что же ты думаешь, подружки могут быть только у внучек? Ещё не известно, чья подружка лучше!»

Лене показалось, что бабушка даже немного обиделась.

Лена никогда не видела бабушкину подружку Анну Егоровну, но почему-то отлично представляла её себе: большая, толстая и говорит басом: «Нет, я вовсе не чувствую себя старухой. Киплю и шумлю по-прежнему. И собираюсь ещё дожить до Диминой свадьбы. Хотя, судя по всему, это будет ещё не скоро».

Конечно, Лена никогда не слышала, как говорит Анна Егоровна. Это Анна Егоровна в письме так написала. А бабушка читала её письмо вслух маме.

Лена спросила:

«Бабушка, а где вы с ней познакомились — с Анной Егоровной? Мы вот с Наткой — в школе. Познакомились в школе, а подружились на улице, когда домой шли. А вы?»

«А мы — на фронте,— сказала бабушка.— Там и познакомились, там и подружились».

«На фронте? — удивилась Лена.— Разве бабушки воевали? Это дедушки были военными. И Наткин дедушка на карточке в пилотке со звёздочкой, и Андрюшин — в шинели. А бабушки...»

«Бабушки тоже воевали, — сказала бабушка. — Не все, но многие. Вот и мы с Аней. Аня, Анна Егоровна, знаешь какая смелая да весёлая была!»

Теперь-то Лена, конечно, знает, что в ту большую и трудную войну воевали и дедушки, и бабушки, и папы, и мамы, а иногда даже и сами ребята. Но когда у них

с бабушкой происходил этот разговор, Лена только начала учиться в первом классе и ещё многого не понимала.

В этот раз бабушка не знала, кого ей раньше обнимать — Лену с Серёжей или Дмитрия Николаевича. Всё разглядывала его, и была такая радостная. А потом сказала: «До чего же Дима на Аню похож!» И вытерла набежавшие на глаза слёзы.

Дмитрий Николаевич был вовсе не толстый, даже худой. Вовсе не похожий на ту Анну Егоровну, которую Лена себе представляла.

Как-то вечером бабушка положила в вазочки варенья из макотры и попросила:

— Сходи, ясочка, позови Серёжу и Диму пить чай.

Лена быстро влезла по лесенке на чердак. Серёжа и Дмитрий Николаевич сидели каждый на своей кровати и разговаривали. Были у Серёжи и стулья — два. Но на них так же, как и на столе, были навалены книги.

— ...А почему вы думаете, что там была лавка купца?

— Ну, во-первых, те кусочки металла, которые там нашли,— это, по всей вероятности, гири для весов. Они-то и навели нас на мысль исследовать пробы земли, взятые в этом месте. В них обнаружили зёрна пшеницы, ячменя, проса. Наверное, просыпали, когда отвешивали. А ещё дощечка с выцарапанными на ней именами.

— Дощечка очень интересная! Похожая на ту, что нашли в тереме? Да?

— Очень похожая. Грозный... Иван Георгиевич,— поправился Дмитрий Николаевич,— высказал предположение, что это списки должников. Даже некоторые имена повторяются и там и там. Да оно и понятно, это, скорей всего, жители улицы Добрыни, которые что-нибудь брали в долг в лавке купца или у боярина, жившего в тереме. Вот послушай, я выписал эти имена.— Дмитрий Николаевич вытащил блокнот и стал читать: — «Ульяна, Купава, Горазд, Фома, Еремей, Власий... И опять Ульяна, Купава, Кукша и ещё одно любопытное имя — Вишена...»

— Вишена, — повторил Серёжа. — Красивое имя.

Лене тоже понравилось имя Вишена. Оно и правда красивое и какое-то весёлое.

Снизу послышался голос бабушки:

— Де же вы уси подивалыся?

— Ой,— спохватилась Лена,— бабушка велела идти пить чай. С пирогом и с вареньем.

Сели за стол. Бабушка налила всем чаю, а потом поглядела в окошко и спросила:

— Чей это хлопчик там у калитки топчется?

— Это Пеночкин,— сказала Лена.

— Пеночкин? Та разве же это имя — Пеночкин?

— Его зовут Коля,— сказала Лена.

Бабушка вышла на крыльцо и позвала:

— Иди, Микола, до нашей хаты чай пить с пирогом.

Тут уж и Лена выбежала на крыльцо и потащила Колю Пеночкина пить чай.

Бабушкин пирог был очень вкусный. Это сказали и Дмитрий Николаевич, и Серёжа, и Коля Пеночкин, и сама Лена. Но дальше речь совсем о другом пироге.

25. ЧЬЯ ЭТА УЛИЦА, ЧЕЙ ЭТО ДОМ?

Глава очень важная! Читать внимательно! Тогда всё станет понятно

Оказалось, Коля Пеночкин тоже может задавать хорошие вопросы. Он спросил:

— А почему наша Добрынинская находится наверху, а улица Добрыни — внизу?

Этот вопрос и Лена задала Дмитрию Николаевичу, когда впервые спустилась в котлован. Только Дмитрий

Николаевич не успел тогда ответить — прибежала Наталья Ивановна и велела ему поскорей идти в боярский терем.

Дмитрий Николаевич потрепал Колю по вихрам и спросил:

— Помнишь пирог, которым нас угощала бабушка Лены?

— Помню,— сказал Пеночкин.— Вкусный.

— Очень даже вкусный,— подтвердил Дмитрий Николаевич.— Только сейчас я не о том. Как он сделан? Ну, как выглядит?

Пеночкин молчал. А Лена сразу ответила:

— Слоёный. Слой теста, а потом слой варенья. А потом опять — тесто, а потом опять — варенье...

— А при чём тут пирог? — сказал Пеночкин.

Конечно, пирог, даже самый вкусный — бабушкин, никакого отношения к раскопкам не имеет. Дмитрий Николаевич просто пошутил. И всё-таки... Но сначала про дом, про очень старый дом. Приходилось тебе, дорогой читатель, когда-нибудь видеть такой? Как он выглядит? Знаю примерно, что ты скажешь: «Облезлые стены, покосившиеся ступеньки...»

Ну, а если всё приведено в порядок — и стены покрашены и ступеньки починены? Есть у старого, долго прожившего дома одна особенность. Припоминаешь, какая?

«Окна?»

Ну конечно, окна! В старом доме всегда низкие окна, они расположены ближе к земле, чем окна в соседних домах.

«Неудивительно. Долго стоял и врос в землю»,— скажешь ты.

А вот и нет! Не дом врос — наросла вокруг земля. Так случается везде, где живёт человек. В старину это было ещё заметнее. Оно и понятно. Пришёл человек на какое-нибудь место, где до него никто не жил, и стал строить дом. Валит лес, обтёсывает брёвна, и вот уже вокруг — щепа, стружки. Мастерит себе оружие, лепит посуду, шьёт обувь... О-го-го сколько всего валяется! Кусочки

дерева и металла, остатки глины, обрезки кожи... Пообедал, и, по всей вероятности, неплохо — костей-то, костей! И шелуха от плодов, и черепки от разбитой посуды... Всё это сначала лежит на поверхности, а потом, глядишь, затопчется, затянется землёй, и пожалуйста — новый слой.

— Этот слой земли, который нарастает в тех местах, где живёт человек, называют культурным слоем,— сказал Дмитрий Николаевич.

— Культурным? — удивлённо протянула Лена.— Если все кругом всё бросают — это некультурный слой.

— Против такого довода трудно что-либо возразить,— согласился Дмитрий Николаевич,— но слово «культурный» здесь имеет другое значение. По находкам в этом слое земли археологи определяют, какими пользовался человек орудиями и вещами, какой вёл образ жизни или, говоря по-другому, к какой принадлежал культуре. Теперь, когда недоразумение разъяснилось, я надеюсь, что никто из вас не станет создавать «культурный слой», разбрасывая мусор вокруг дома,— улыбнулся Дмитрий Николаевич и стал рассказывать. — Древний Новгород был большим многолюдным городом.

...Шли годы и столетия. Приходили в ветхость жилища или сгорали во время частых пожаров. Люди сносили их, строили новые. А в земле оставались уже успевшие уйти вглубь основания старых домов, деревянные настилы. Вот и образовался гигантский слоёный пирог толщиной в несколько метров, в котором слоями одна над другой лежат целые улицы с мостовыми, остатками теремов, церквей, изб, амбаров, мастерских...

Ты в каком доме живёшь? — спросил вдруг Дмитрий Николаевич Пеночкина.— Лена — в маленьком, одноэтажном,— добавил он, поясняя свой вопрос.— А ты?

— А я — в большом! Четырёхэтажном!

— Так. Ну, допустим, ты решил пригласить нас в гости. Что ты нам скажешь — как тебя...

— Приходите, пожалуйста! — сказал Пеночкин, не дав Дмитрию Николаевичу договорить.— Улица Добрынинская, девять, квартира двадцать четвёртая. Третий этаж.

— Спасибо за приглашение! — поблагодарил Дмитрий Николаевич.— Я думаю, нам нетрудно будет найти тебя. Ведь мы знаем не только номер дома и квартиры, но и этаж. В нашем слоёном пироге тоже есть этажи. Но отсчитывают их не снизу, как этажи дома, а, наоборот, сверху. Потому что раскопки начинаются от поверхности земли. Первый ярус — самый поздний. Тот, что лежит под ним, — постарше. А тот, что под вторым, — ещё старше.

— Дмитрий Николаевич, а сколько всего ярусов удалось раскопать? — спросил Серёжа. Он с ребятами из КИСа работал в другом месте — в лавке купца, но сейчас заглянул в гости в домик сапожника и тоже стоял и слушал, что рассказывает Дмитрий Николаевич.

— В некоторых местах — двадцать восемь ярусов...

— Вот это пирог! — засмеялась Лена.

— Да-а, наш «новгородский пирог» особенный,— вступила в разговор Людмила Петровна Синькова.— У нас такая земля, что в ней всё очень хорошо сохраняется. Мостовая улицы Добрыни была проложена в двенадцатом веке — восемьсот лет назад. Тогда же, по-видимому, были построены и дома на ней.

— Ой, когда! — протянула Лена, оглядываясь на столбики фундамента, оставшиеся от маленького домика, в котором жил кожевенных дел мастер с женой и своими озорными ребятами. Об этих ребятах Лена уже кое-что знала. По утрам, прицепив к поясу чехольчик с писалом, сын сапожника выходил из домика и торопливо шагал в школу. Он нарисовал в своей тетрадке для письма чудище-страшилище. Он свистел в глиняную свистульку. Он играл вместе с сестрёнкой тугим кожаным мячиком на бревенчатой мостовой улицы Добрыни... только как же давно всё это было! И, будто угадывая мысли Лены, Дмитрий Николаевич сказал:

— Ты не огорчайся. Каких-нибудь восемьсот лет — не так уж много, если вдуматься.

Лена не стала спорить, хотя и считала, что восемьсот лет всё-таки многовато.

Лена с Колей Пеночкиным выбрались из котлована,

вышли за дощатый забор и очутились на своей Добрынинской улице. Они стояли и смотрели на неё, будто давно не видели. А может, и правда давно? Не полчаса, не час, которые они провели в котловане, а все восемьсот лет, которые, как говорит Дмитрий Николаевич, отделили их Добрынинскую от древней улицы Добрыни. И вдруг Лене пришла в голову одна мысль. Она вертелась, уплывала, возникала снова и не давалась, как решение трудной задачки, и вместе с тем вела за собой. Мысль эта была примерно такая: «Улица Добрыни — это не какая-нибудь неизвестная, чужая улица. Это наша улица — та самая, на которой я живу, где стоит и наш дом, и Наткин, и Коли Пеночкина, и булочная, и автомат с газировкой. Это наша улица — такой она была восемьсот лет назад. И белобрысый озорной мальчишка, сын кожевенных дел мастера, вроде как наш сосед. Ведь его дом — совсем рядом, только перейти дорогу».

Лене стало и радостно и грустно. Радостно, потому что она была уверена: Дмитрий Николаевич опять похвалил бы её. Ведь она сама до всего додумалась. А это, примерно, то же, что и решить самостоятельно какую-нибудь трудную задачку. А грустно и даже немного обидно было оттого, что с сыном сапожника её разделило время. Хоть Дмитрий Николаевич и говорит, что восемьсот лет — это не так уж много, но из-за этих лет им не пришлось встретиться — Лене и этому мальчишке.

И всё же Лена представила себе, как это было бы, если бы они встретились. Лена зашла бы в домик сапожника:

«Здравствуй, сосед!»

Или — ещё лучше — он бы пришёл к ним за чем-нибудь, и они бы познакомились:

«Тебя как зовут?»

«Лена. А тебя?»

«Интересно, как же его звали — этого мальчика? — думала Лена. — Может быть, Твердислав, Слава, или как Александра Невского — Александр, Саша, или... Вот как: Вишена! Ну конечно, Вишена! И ребята на улице

Добрыни называли его Вишня, как Андрюшу Вишнякова, или Вишенка».

Вишена пришёл бы к ним в гости, и Лена стала бы его угощать чаем. Только тогда, когда на улице Добрыни жил Вишена, про чай, кажется, не знали, и про сахар — тоже. Это Серёжа говорил. Лена представила себе: взял Вишена в руки стакан с чаем, пригубил.

«Невкусный,— говорит.— Медовый сбитень лучше».

«Так ты же сахар позабыл положить!»

«Сахар? Какой ещё сахар?»

Взял Вишена кусочек сахара, подержал на ладошке, лизнул и улыбнулся:

«Не мёд, а сладкий! Заморская, наверное, диковина».

Посмотрел, как Лена кладёт сахар в чай, и тоже бросил кусочек в чашку. Заглядывает в неё, удивляется: только что был твёрдый белый кубик и вдруг куда-то пропал. Чудеса, да и только! Не иначе как колдовство.

Они бы пили чай и разговаривали:

«Ты в школе учишься?» — спросила бы Лена.

«Учусь».

«А в каком классе?»

«В классе? У нас нет классов. Всех учит один учитель, отец Илларион. Он знаешь какой строгий! А у вас тоже строгий учитель?»

«У нас учительница, Нинель Викторовна. Тоже очень строгая!»

«Часто бьёт вас?»

«Да нет, что ты! Нинель Викторовна никогда не дерётся! В крайнем случае, запишет замечание в дневник или вызовет родителей. Но это тоже неприятно».

«Да, чего уж хорошего. А вот отец Илларион родителей не вызывает. Если рассердится, даст подзатыльник, и всё».

«И девочек бьёт?»

«Девочек? У нас в школе только мальчики учатся. А девочки ходят в школу, которая в женском монастыре».

Да, Лена теперь вспомнила, Дмитрий Николаевич говорил, что в те времена мальчики учились отдельно от девочек. Точно не известно, но, скорей всего, это было

так. Жаль! Конечно, мальчишки и балуются больше, и даже обижают девочек иногда, но всё-таки это, наверное, очень скучно, когда мальчики учатся в одной школе, а девочки — в другой. Как же тогда дружить? Правда, играть вместе всё равно можно. Вот и Вишена, и его сестрёнка выходили, наверное, поиграть с другими ребятами. А может, то была вовсе и не сестра его, а просто девочка, с которой он дружил. Ведь могла же какая-нибудь девочка жить где-нибудь по соседству на улице Добрыни. Ну, например, на том самом месте, где теперь стоит дом Лены? Представить себе эту девочку было проще простого: была она очень похожа на Лену. И имя её было Елена. Ведь это очень старое имя. Только называли эту девочку и дома, и в школе, и на улице не Леной, как Лену, а Алёной, Алёнушкой...

26. МЫШЕГОН

Рассказ двенадцатый

Возле ворот детинца кричали продавцы кваса. У ног на земле — высокие глиняные кувшины. В руках — деревянные ковшики.

— Ты какой больше квас любишь — сладкий или кислый? — спросила Алёна Олю.

— И сладкий и кислый,— сказала Оля.

— И я — тоже. Сладкий вкуснее, зато от кислого в носу щекотно. Возьмём ковшик сладкого и ковшик кислого, а пить будем вместе и тот и другой. Только тут не будем покупать. Лучше у Власия.

Во дворе возле лавки Власия толпились женщины. Лавка Власия — такая же изба, как и у других жителей на улице Добрыни. На тёплой половине Власий живёт со своей старухой женой, замужней дочкой и внучатами. А в сенях стоят кули с мукой, крупой, горохом. Бочка с конопляным маслом и кадь с солью. Постучишься, Власий выйдет в сени и отпустит, что надобно. Он хоть и стар, но проворен. Иная хозяйка ещё не успеет сказать толком, что ей нужно, а Власий уже и отмерил и отвесил.

Нечем заплатить? Не беда. Власий поверит в долг. Нацарапает на деревянной дощечке, что куплено и почём, и всё! Рассчитаешься потом. Ну конечно, за каждый день заплатишь лихву. Некоторые говорят, что лихва, которую накидывает Власий, больно велика. Так ведь это дело добровольное. Не хочешь — не бери.

Только ребятам ничего не продаёт Власий в долг. Мало того, хитрый старик сразу видит — есть чем заплатить мальцу или девчонке или просто так пришли поглазеть. И тогда гонит прочь. Не то они бы тут толклись с утра до ночи. Не мука их манит сюда, не конопляное масло. В коробах и ящиках лежат орехи — и обыкновенные, в скорлупе, и очищенные, варенные в меду, крепкие, как камень, тоже медовые — маковки, которые можно грызть или сосать весь день, сладкие ягоды смоквы, привезённые из дальних стран.

Такие лакомства не на что купить ни Оле, ни Алёне. Но ничего, они хоть посмотрят на них, пока будут пить квас.

Сегодня, как обычно в погожие тёплые дни, Власий вытащил весь свой товар во двор.

— Вон мамка моя стоит,— сказала Оля, увидев во дворе Купаву.

Девочки вошли во двор. Власий глянул на них, но ничего не сказал.

— Ты, Власий, вешай как следует, а то кинул гири на чашу, она вниз и пошла,— попрекнула Власия Купава.— За такой вес на торгу бы...

Власий не дал Купаве договорить. Снял с весов гири, ссыпал муку обратно в куль, закричал тонким голосом:

— На торгу, говоришь, так и ступай на торг. Там и покупай чего душа захочет! Только мне сначала уплати всё сполна. Вот сколько всего за тобой записано!

Купава испуганно замолчала. Она уже не рада была, что разгневала Власия. Ведь и вправду, сколько они с мужем задолжали ему. И когда ещё сумеют расплатиться.

Оля тоже испуганно поглядела на Власия. Жалела мать, но подойти к ней сейчас не решалась.

— А тебе чего? — сердито спросил Власий Алёну. —

Квасу? Квас в сенях на холодке стоит, сейчас принесу.

Он вошёл в сени и вдруг оттуда послышался крик.

— Ах ты шкода! Адское отродье! Проклятая животина! — Из сеней выскочил Мышегон бабки Сыроеды, махнул через забор и был таков. А Власий продолжал кричать: — Рыбу! Рыбу украл! Середь бела дня! Прямо из дому!

Ещё прошлой осенью притащила бабка Сыроеда однажды невиданного зверя. Величиной с зайца, шерсть короткая. Голова круглая. Усы большие. Кричит: «Мяу». Посмотреть на него сбегались и ребята, и взрослые. Диковинный зверёк тихо-тихо ходил по избе на мягких лапах. То на лавку вскочит и замурлыкает, будто песню запоёт. А увидит пса, спина — горбом, весь напыжится и урчит сердито и грозно: «Не подступайся! Когти как выпущу — все глаза выцарапаю!»

Люди дивились, допытывались:

«Где поймала, Сыроеда, такого чудно́го зверя? Неужто в Зверином монастыре?»

Отвечала Сыроеда, что зверь этот, по прозванью «кот», привезён одним купцом из дальних мест — из греков. Но и там, на родине, рассказывал купец, живёт он не в лесу, а при людях, как, например, пёс.

Вот ей и подарила купцова жена.

Ещё пуще удивлялись соседки:

«Зачем он нужен в дому? Корова или коза — понятно зачем. От коровы — молоко, от овцы — мясо, шерсть. Конь и вовсе первый друг. Ну и пёс, куда ни шло, вора в дом не пустит, хорька или лису лаем от кур отгонит. А этот усатый? Шкуру содрать с него? Так не больно хороша эта шкура. У зайца и то лучше».

«С него шкуру не дерут, — рассказывала бабка Сыроеда, как сама от купца услышала, — кот мышей шибко ловит. Потому и держат его при доме. Где живёт кот, там мышам смерть. Бережёт этот зверь от мышей зерно, крупу и прочий запас».

«А тебе-то что беречь, Сыроеда?» — смеялись соседки. Но Сыроеда знала, зачем принесла зверя. Думала: «Погляжу, как этот зверь — кот — мышей ловит. И ежели

правда, что о нём говорят, то продам на торгу». И назвала зверя Мышегоном.

Долго кричал Власий. Но Мышегон ничего не слышал — его и след уже давно простыл. Власию стало обидно. И в самом деле, что толку кричать и ругаться, если тебя всё равно не слышат. И Власий стал ругать уже не Мышегона, а бабку Сыроеду — бродит такая-сякая день-деньской по лесу, с лешим аукается, а за животиной своей окаянной не смотрит.

Но если Мышегон затаился где-то, то хозяйка его таиться не стала. Выползла из избушки, вышла за ворота...

Вот тут-то и началось.

Власий бабку каргой, то есть вороной величает.

А она его — сычом.

— Ах ты кикимора болотная...— начнёт Власий.

А бабка своё поперёк:

— Молчи, жадень! Ты лягушечью икру и ту втридорога продашь...

— Будут тебя черти на том свете в смоляном котле варить! — грозит Власий.

Но Сыроеда только рукой своей сухонькой махнула:

— Смотри, как бы тебя самого не припекло, да не на том свете, а на этом! — сказала, а потом дунула, плюнула и ногой притопнула.

Тут уж всякий испугался бы. Трудно ли ведунье порчу наслать? Замолчал Власий и поскорей убрался домой.

Так Алёна с Олей и не выпили квасу.

27. В ТЕРЕМЕ У БОЯРИНА РАТИБОРА

Рассказ тринадцатый

Боярин Ратибор проснулся поздно. С трудом разлепил глаза. Голова была тяжёлая. Видно, много выпил вчера вина и хмельного мёду. Пировали до ночи у князя в его дворце на Рюриковском городище. «Нет, что ни говори, а вина заморские у князя хороши», — вспомнил Ратибор.

На вчерашнем пиру в княжеском дворце собрались лучшие люди города. Это не значит, что там были самые

хорошие — умные или смелые новгородские жители. Лучшими людьми именовали себя знатные бояре, богатые купцы в противоположность простому народу — кузнецам, горшечникам, сапожникам, плотникам и прочим ремесленникам, которых «лучшие люди» называли чёрными людьми, чернью. Были вчера в гостях у князя и епископ и тысяцкий — начальник новгородского войска. Не только ели, пили и веселились — за пиршественным столом решали важные дела. Судили и рядили, как жить и что делать Господину Великому Новгороду. Захмелев от крепких вин и медов, кричали именитые мужи князю: «Веди нас в поход!» И опять пили за удачу и победу. Одни клялись биться с суздальцами в княжеской дружине, другие — дать средства на покупку коней и оружия для ополченцев. А он, Ратибор, обещал не только сам идти в поход, но и повести с собой целый полк.

Теперь же с утра, протрезвев, думал боярин о том, что предстоит ему нелёгкое дело. Поднялся с постели, кликнул холопа. Тот внёс серебряный рукомойник. Мальчишка из боярской челяди подал обливной таз, расшитое полотенце. Другой холоп, вошедший следом, держал наготове боярское платье.

Когда боярин спустился по лестнице в трапезную, боярыня с детьми была уже там. Здороваясь, дети подошли к отцовской руке: сначала старший, Борис, за ним — двое младших. Спустилась из своей светёлки и дочь боярина Кукша.

Боярыня жаловалась мужу: нерадивая челядинка разбила блюдо, привезённое из Италийской земли. Все косы повыдрала она дрянной холопке, да что толку — блюдо по осколкам не соберёшь. А эта негодница и сама, если её продать на торгу, не стоит столько, сколько разбитое блюдо.

— Совсем разленились холопы! Не поглядишь, так и ковры не выбьют и шубы не просушат как следует. За всем приходится самой смотреть. Голова кру́гом идёт.

А ещё жаловалась боярыня на сына. Вот недавно холоп, которому велено приглядывать за боярским сынком, пошёл за ним в школу, а Бориса — нету. Воротил-

ся только вечером. Люди видели его на Козьей Бородке.

— Мыслимое ли это дело — ходить на торг! — отчитывала боярыня Гордята сына, сидевшего потупясь за столом.— Шапку там потерял,— сказала она, повернув голову к мужу, а потом опять принялась выговаривать сыну: — Там, в толчее, и голову потерять недолго. Говорит, хотел посмотреть коней. Надобно ли для этого в такую-то даль тащиться? Своих, что ли, нету? Иди на конюшню и гляди, сколько душе угодно. И другие забавы есть. Хочешь, в мяч с братьями играй, хочешь, крути юлу. Так нет, всё норовит убежать со двора.

— Это он к дружкам своим бегает! — вставила Кукша.— А в друзьях у него кто? Сапожников сын да нашего гончара Данилки и другие такие же холопьи дети.

— А ты знай сиди в своей светёлке — жениха высматривай! — отвечал Борис Кукше.— И не суй свой длинный нос, куда тебя не просят! А то он ещё длинней станет. И вовсе без жениха останешься.

Кукша налилась краской, как индюк, закричала:

— Молчи, холопий дружок! Сам скоро холопом станешь!

В другое время попало бы Борису от отца. Но сегодня боярину Ратибору было не до ссор между детьми. Слова дочери про сапожникова сына напомнили ему о предстоящих делах. «Надо будет всем им строго наказать — и сапожнику Горазду, и гончару Даниле, и иным прочим, чтобы по звону колокола шли на вечевую площадь и кричали бы: «Хотим идти в поход!» А тех, кто будет кричать против похода, били! — думал боярин.— И коней надо готовить в поход».

Сегодняшнее вече должно решить, быть или не быть походу. Об этом вече и шёл вчера на пиру у князя разговор. И князь, и многие другие бояре, и богатые купцы, так же, как и сам Ратибор, стоят за поход. У них с суздальцами давний спор из-за северных лесных угодий. Богатые леса! И зверя пушного полно, и диких пчёл. Плохо ли получить там земли? Это у бояр на уме. У купцов другие думы — скупать задешево у местных охотников и древолазов мех, мёд и воск. Но есть у них

и противники. Первым будет кричать на вече против похода знатный и влиятельный в Новгороде боярин Твердислав. Почему — понятно. У него имения совсем в других краях. Вот он и опасается: уйдёт дружина на суздальцев, а в это время, глядишь, пожалуют к Новгороду незваные гости. Самому Новгороду, правда, никакое войско не страшно. Господин Великий Новгород опоясан крепкими стенами. Вот уж сколько лет ни одному врагу не удалось взять их приступом. Но земли вокруг потревожить и разорить могут. А там как раз и находятся владения Твердислава. Торговые люди тоже не все за поход стоят. Некоторые скупают меха в иных краях. Зачем им нужно, чтобы другие купцы покупали в этих северных суздальских землях тот же товар, да ещё намного дешевле. «Да, нелегко придётся сегодня на вече», — думал Ратибор. Приказав сыну слушаться мать, встал из-за стола. Велел холопу сказать конюхам, чтобы выводили коней, да ещё сбегать за кузнецом Фомой, а сам вышел на крыльцо.

Правду говорила боярыня Гордята, что сыну её незачем бегать на торг, чтобы посмотреть коней. Таких коней, как у боярина Ратибора, даже на Козьей Бородке редко можно увидеть. Ратибор строго наказывал своим челядинцам беречь и холить коней. Но, не доверяя ни конюхам, ни даже управителю, сам всегда следил, вдоволь ли задают коням корма, хорошо ли чистят их. Боясь боярского гнева, конюхи старались как могли. И теперь, глядя на коней, которых одного за другим холопы проводили мимо крыльца, боярин был доволен.

Оставалось только проверить, ладно ли подкованы кони. Вот и кузнец. Но, глядя на неспешно шагавшего через двор кузнеца Фому, боярин нахмурился. Это про него доносил управитель: смутьян Фома такие речи ведёт, что повторить их язык не поворачивается. «Пусть, мол, сам боярин идёт в поход, ежели ему охота. А нам суздальцы ничего худого не сделали. Ничего нашего не отняли. Так что и драться нам с ними не из-за чего». Вот и сейчас глянул исподлобья, едва голову склонил. И не такие люди, завидев боярина, поспешно срывают шапки

и кланяются в пояс. Прав управитель. Работник этот Фома каких поискать. Блоху подкуёт. Но строптив. И других своими мятежными речами смущает. Ничего, всех их обломает боярин Ратибор. Только бы вече сегодня приговорило идти в поход. А если нет, тогда придётся ударить в колокол.

Покончив с делами, боярин отправился в город.

Борис видел в окошко, как отец спустился с крыльца. Был он в белом плаще, застёгнутом у плеча золотой пряжкой и подпоясанном золотым поясом. «На вече идёт,— догадался Борис.— Значит, вернётся не скоро».

Сторож, распахнув ворота, низко поклонился боярину. А Борис только того и ждал, чтобы незаметно выскользнуть со двора.

28. ЕЩЁ ОДНА ТАЙНА

Глава очень неприятная

На Добрынинской улице произошло немаловажное событие. Вернулся из пионерлагеря Андрюша Вишняков. И конечно же, Лена с Колей Пеночкиным повели его на улицу Добрыни.

Вот домик сапожника. К нему от бревенчатой мостовой ведёт деревянная дорожка. Почему она проложена — понятно. Ведь если не будет такой дорожки от улицы к дому, то всю грязь, сколько ни есть её во дворе, натаскают в избу, так что ни одной хозяйке не удастся поддержать чистоту. Дворы не убирают, не метут. Напротив, ещё стараются смести и мусор с дороги во двор, засыпают всем этим ямки и низины, чтобы во дворе не скапливалась вода. Пусть лучше двор будет немного повыше, чем улица.

В доме у сапожника весело. Сам он сидит у окошка и шьёт сапоги и поршни. Жена его вышивает цветными нитками узоры. Во дворе возится с голубями сын...

Но не в каждый дом на улице Добрыни войдёшь так запросто, как в домик сапожника. Хотя бы, например, в соседний.

Дома этого нету, как и мастерской сапожника. Только разрытая земля да табличка на шесте: «Боярский терем». Но и Лена, и Коля Пеночкин видят его, будто он и в самом деле стоит на улице Добрыни. Сложен из таких же толстенных брёвен, как и мостовая. Высокий, в два этажа, он кажется огромным рядом с крохотной избушкой сапожника. Окошки украшены затейливым деревянным кружевом. Островерхая крыша выложена медными плитами и сверкает, будто золотая. Входные ворота всегда заперты. Во дворе злые собаки. Тянется этот двор, огороженный высоким частоколом, далеко — от домика сапожника вдоль улицы Добрыни почти через весь котлован. Этот огромный двор — усадьба боярина Ратибора. Здесь и амбары для зерна, и погреб, и конюшня, и людские избы, в которых живут слуги. Что стоял когда-то на этом месте терем, археологи определили по остаткам фундамента, как и домик сапожника. А вот что принадлежал он боярину Ратибору, известно из Новгородской летописи. Там написано, что во время большого голода в Новгороде поднялся мятеж. Восставшие разгромили дома бояр и богатых купцов, которые прятали в своих закромах зерно. В числе прочих пострадала и усадьба боярина Ратибора на улице Добрыни.

Лене очень хотелось, чтобы Андрюше понравилась улица Добрыни, и она старалась ничего не пропустить. А если она забывала о чём-нибудь рассказать, то об этом вспоминал Коля. Так они и рассказывали. Лена — про боярский терем, а Коля — про огород:

— Угадай, что росло на огороде?

— Морковка! — сказал Андрюша.

— Правильно! А ещё что?

— Свёкла! Капуста!

— Тоже правильно! А ещё?

— Картошка!

— А вот и нет! — закричал Коля Пеночкин.— Не росла тогда картошка!

— Как это не росла?

— А так. Может, в Америке у индейцев она и росла, но в Новгороде о ней и не слыхали никогда. Ведь тогда Америку ещё не открыли.

— Что же, эти люди на улице Добрыни так и ни разу не ели картошки? Ни варёной, ни жареной, ни печёной? — недоверчиво спросил Андрюша.

Он был недоволен, что Коля Пеночкин знал про картошку и индейцев, а он нет. Зато Коля был очень доволен. Потому что в школе всегда выходило так, что знал Андрюша, а он не знал. Они поспорили немного, а потом пошли дальше и опять рассказывали. Лена — про водопровод. Вон они лежат, раскопанные археологами деревянные трубы. Очень даже хорошо можно представить себе: со всех сторон идут к нему женщины и девушки с расписными коромыслами на плечах. Рады. Ещё бы! Тут и вода чище, и носить её ближе, чем с Волхова. Постоят, обсудят все новости, наберут воды в деревянные вёдра и пойдут не торопясь, чтобы не расплескать её.

Рассказывает Лена про водопровод, а Коле Пеночкину не терпится, хочется ему поскорей показать Андрюше лавочку купца. Вот она тут же, недалеко от водопровода, в том месте, где виднеются красные флажки.

Из-за этого купца и получилась большая неприятность, о которой мне хоть и не хочется, но придётся рассказать. Но сначала немного о купце. Купец, по-

видимому, был скупой. Монеты и кусочки серебра — резаны, которые он получал за товар, он прятал в старый вязаный чулок, а чулок прятал в дыру под полом. Но облюбовал эту дыру не только скупой купец. Очень удобным складом показалась эта уютная дыра и жившей под полом крысе. Крыса была запасливая. Она пошарила в лавке купца и решила, что кое-чем можно поживиться. Больше всего нравилось ей зерно, которое купец хранил в больших деревянных ларях. Беда была только в том, что лари купец держал закрытыми, и крысе удавалось подбирать только просыпавшиеся зёрна. Зато к орехам, которые она обнаружила в мешке, добраться было нетрудно.

Но ни скупому купцу, ни запасливой крысе не удалось попользоваться богатствами, хранившимися в тайнике. Потому что на улице Добрыни случился пожар. Выбежал из дому купец. Едва спасся от огня, где уж тут было помнить о спрятанном кладе. Выскочила в страхе и крыса и побежала куда глаза глядят. Ей тоже было не до запасов. Так и лежало всё под сгоревшим домом. Время шло. На этом месте построили новый дом, потом — другой. Давно уже обветшал и прорвался чулок, просыпались монеты и резаны. Лежали до тех пор, пока...

Андрюша Вишняков тоже стал приходить на раскоп. Но не в домик сапожника. И не потому, что ему здесь не нравилось. Просто, рассудил он, здесь и Синькова копается, и Лена, и Коля Пеночкин. А кроме того, про Лену говорят: «Она сквозь землю видит». Если что и можно откопать тут, в домике сапожника, так первой, конечно, увидит это Лена. А ему тогда что останется? Может быть, в боярском тереме попробовать? Там и народу вроде бы поменьше: вчера работали двое, а сегодня — и вовсе один. А нашли там в последние дни и браслет, украшенный эмалью, и золотую пряжку от пояса и осколки стекла от какой-то посудины. Андрюша видел, потому что, когда попадаются интересные находки, посмотреть их сбегается народ со всего котлована. Правда — вот чудно́,— археологов больше всего интересовали эти стекляшки от посудины. «Китайский фарфор! —

говорили они. — Изящная форма. Прекрасная работа!»

А молодой человек, по имени Лёша, сначала сфотографировал стекляшки, а потом вытащил блокнот и нарисовал овальное блюдо — вот, оказывается, как выглядела эта посудина.

Археологи тут же заспорили, откуда привезли это блюдо в Новгород: из Средней Азии или из самого Китая? Но Андрюша не очень внимательно слушал. Его больше занимали другие находки — и браслет, и, главное, золотая пряжка.

— А пояс, от которого эта пряжка,— спросил он Дмитрия Николаевича,— пояс этот тоже был золотой?

— Очень может быть,— ответил вместо Дмитрия Николаевича Серёжа.— До нас дошли сведения, что новгородских бояр, имевших право голосовать на вече, называли «золотыми поясами».

Теперь, вспомнив всё это, Андрюша отправился к боярскому терему. Археолог, работавший здесь, куда-то отлучился. Андрюша взял его лопату и только стал копать, как услышал голос:

— Это что за незваный помощник?

Перед ним стоял невысокий старичок с седыми бровями.

— Если ты из КИСа, то должен знать порядок,— продолжал старичок.— Тебе в каком квадрате разрешено работать?

Андрюша ничего не ответил, поднялся и всё так же молча стал пятиться. Споткнулся обо что-то, растянулся на земле. А потом вскочил и побежал прочь. Через некоторое время он оглянулся: не идёт ли следом этот строгий старик. Но тот уже, видимо, позабыл об Андрюше. Он и не глядел в его сторону, стоял и разговаривал с подошедшим археологом.

Андрюша ещё немного побродил по котловану, стараясь держаться как можно дальше от боярского терема. И вдруг увидел брата Лены Серёжу. «Наверное, вот тут и разрешено работать ребятам из КИСа»,— мелькнуло у него. На табличке, врытой в землю возле того места, где сейчас на коленях стоял Серёжа, осторожно взрыхляя землю ножом, было написано: «Лавка купца». Андрюша

пристроился неподалёку от Серёжи и стал просеивать уже взрыхлённую землю.

Серёжа, по правде говоря, не очень обрадовался Андрюше, покосился недовольно, но ничего не сказал.

А потом и случилась эта история.

Андрюша нашёл под обгорелой доской тайник, а в нём — монеты и кусочки серебра. Были здесь ещё орехи. Чёрные — не то обгорелые, не то сгнившие.

Сначала Андрюша хотел закричать: «Нашёл!» Потому что каждому, кто что-нибудь ищет, непременно хочется закричать, когда он находит то, что ищет. Но всё-таки Андрюша не закричал. Он подумал: «Я собирал коллекцию марок. А теперь лучше буду собирать старинные монеты. Вот сколько сразу окажется у меня в коллекции монет!» И Андрюша положил обгорелую доску на место и стал просеивать землю, как это делал Серёжа. Просеивал, а сам поглядывал на Серёжу и всё думал, как взять монеты, чтобы Серёжа не увидел.

А когда Серёжа зачем-то отошёл, Андрюша быстро собрал монеты и сунул их в карман, вернее, не в карман, а в оба кармана.

Монеты лежали в карманах. Андрюша всё время чувствовал, как они там лежат, потому что карманы были тяжёлые. Теперь надо было уходить, пока поблизости никого не было. Но Андрюша не уходил. Пересыпал с места на место землю и думал: «Нет, наверное, пока никого нету, уходить неудобно. Лучше потом уйти, когда придёт Серёжа». Но не ушёл он и тогда, когда пришёл Серёжа.

А потом пришёл Коля Пеночкин. Пришёл и спросил:

— Ну, ты нашёл что-нибудь?

Надо было сказать: «Нет». Но Андрюша не говорил. Почему-то вдруг стало очень трудно сказать «нет». Хорошо, что Коля Пеночкин не обратил на это внимания. Он думал, что Андрюша ничего не нашёл и поэтому не отвечает. И Коля Пеночкин вздохнул и сказал:

— Я тоже ничего не нашёл. А Ленка нашла. Бусинку. Маленькая такая. И как она её только разглядела. Про Ленку опять в журнал записали, что́ она нашла.

Видно, ему не захотелось идти обратно в домик сапожника, где Лена то и дело что-то находила, а он так и не мог ничего найти, а захотелось поискать здесь, на новом месте. Он опустился на корточки рядом с Андрюшей и тоже принялся просеивать землю. Серёжа недовольно посмотрел на Колю, но опять ничего не сказал.

Они сидели, пересыпали землю и ничего не находили. Коля Пеночкин совсем помрачнел и сказал:

— И тут ничего. Лучше уж пойду туда.

— И я пойду туда,— сказал Андрюша.

Они пошли по котловану.

— Пойдём домой! — сказал Андрюша.

— Нет, иди, если хочешь, а я ещё немного поищу,— ответил Коля Пеночкин.

Но Андрюше не хотелось идти одному. Ему почему-то казалось: лучше уйти вместе с Колей Пеночкиным. И он сказал:

— Я тебя подожду.

Он стоял и смотрел, как они роются в земле — и Коля Пеночкин, и Лена, и Синькова. Стоял смотрел и всё время чувствовал свои тяжёлые карманы.

Вдруг он увидел, что к ним идут Серёжа и Дмитрий Николаевич. Серёжа что-то говорил, а Дмитрий Николаевич, наклонив голову, слушал. Сначала Андрюша не слышал, что говорил Серёжа, но когда они подошли поближе, услышал:

— Да я нарочно не стал трогать до вашего прихода! Очень любопытный тайник! И я хотел, чтобы вы его увидели. Просто не понимаю, как это могло случиться! Я всё время был там. Один всё время рядом со мной был, а другой пришёл, повертелся немного и опять ушёл. Скорей всего, это он!

— Разберёмся,— сказал Дмитрий Николаевич.

— В чём это вы, Дима, собираетесь разобраться? — спросила Синькова. Она услышала последние слова Дмитрия Николаевича и, поднявшись с земли, осторожно, чтобы не испачкать лицо, откинула выбившуюся из-под платка прядку волос чёрными от земли руками.

— Да так, вышло небольшое недоразумение, которое,

я думаю, сейчас благополучно разрешится,— отвечал Дмитрий Николаевич. И спросил: — Ребята, кто из вас взял монеты из тайника? Вот там, в лавке купца,— показал он в конец улицы Добрыни.

— Монеты? В тайнике? Никто не брал,— сказала Лена.

— Никто не брал,— сказал и Андрюша.

А Коля Пеночкин тоже что-то хотел сказать, но увидел, что на него смотрит Серёжа, смешался и не сказал ничего. Зато сказал Серёжа:

— Весь КИС тут работал, и ни разу ничего такого не случалось. Это же пятно! — А потом сказал ещё строже: — Ну-ка, признавайся! — Он не сказал, кто должен признаваться, но посмотрел на Колю Пеночкина:

И Лена тоже посмотрела на Колю Пеночкина. А Андрюша покраснел и отвернулся. «Наверное, ему стыдно за этого Пеночкина»,— подумала Лена. А Коля Пеночкин по-прежнему ничего не говорил. Только шмыгнул носом. Постоял, пошмыгал. А потом вдруг повернулся и, опустив голову, пошёл через котлован к лестнице. Серёжа было рванулся за ним, но Дмитрий Николаевич его удержал:

— Подожди, Серёжа.

— Не понимаю вас, Дмитрий Николаевич! Мало того что из-за какого-то дурного мальчишки чёрное пятно может пасть на других людей, даже на КИС... Я уж об этом не говорю, но позволить ему безнаказанно...

— Постой, постой! — опять перебил Дмитрий Николаевич.— Не сердись. Я думаю, тот человек не замыслил ничего дурного. Я уверен, что он вовсе не собирался уносить свою находку домой. Просто он не знал, как надо себя вести на раскопках. Мы сами виноваты, что не рассказали ему об этом. Важны ведь не монеты сами по себе. Как бы это объяснить попонятней? Знаете, что такое мозаика?

— Знаю,— сказала Лена.— У меня была такая игра. Разные квадратики, кружочки, треугольнички. Если сложишь их правильно, получается какой-нибудь узор.

— Вот-вот. И в нашем деле так. Археологи по отдельным находкам стараются восстановить картины прошло-

го. Началось с того, что мы нашли небольшую дощечку, на которой были вырезаны имена.

— Должников? Да? Я помню, Дима, вы говорили. У вас в блокноте записано: «Ульяна, Купава, Вишена...»

— Но сначала мы не знали, что это должники. Потом в этом же месте нашли два железных брусочка разного веса — гирьки для весов. Вот тогда и возникло предположение, что в этом месте была лавка купца. На весах отвешивали муку, крупу. А на дощечке, по всей вероятности, купец вёл запись покупателей, взявших у него товар в долг. А теперь — тайник. Ты прав, Серёжа, очень интересный тайник! Это крысиная нора.

— Где крысиная нора? — спросила Лена, оглядываясь.— А крысы в ней есть?

— Можешь не беспокоиться, крыса убежала во время пожара,— сказал Серёжа,— а орехи оставила.

— Орехи? — спросил молчавший всё время Андрюша.— Какие орехи?

— В тайнике ведь не только монеты лежали, но и орехи,— пояснил Серёжа.— Монеты спрятал купец, а крыса спрятала орехи.

— Которые она утащила у купца,— добавил Дмитрий Николаевич.— Теперь можно с уверенностью сказать, что на углу улицы Добрыни находилась лавка купца.

— Из-за монет? — догадалась Лена.

— Скорей из-за орехов. И вот почему: грецкие орехи в наших местах, как известно, не растут. Не росли и тогда. Их привозили из Византии. Потому и называются они грецкими. Это было дорогое лакомство. Дом же, о котором идёт речь, судя по всему, не из богатых. Зачем его обитатели покупали бы столько орехов? А их там было много, если крысы могли их растаскать. Напрашивается вывод: ими здесь торговали. Значит, что мы теперь знаем об этом доме на углу улицы Добрыни?

— Доска с именами — раз,— Лена загнула палец,— гири для весов — два. Орехи в крысиной норе — три.

— Ну и монеты, конечно,— добавил Серёжа.

— Да, этих монет нам очень не хватает,— подтвердил Дмитрий Николаевич.— Если тот, кто нашёл, спрячет их

в коробку, как делают некоторые, думая, что собирают таким образом коллекцию, толку от этого не будет. Что здесь они лежали, что в коробке будут лежать — невелика разница. Другое дело, если они попадут к специалистам. Помните, Людмила Петровна сказала вам, что эту улицу Добрыни — и бревенчатую мостовую, и дома на ней — построили восемьсот лет назад?

Лена кивнула.

— Есть много примет, известных археологам, по которым и определяют не только век, но и десятилетие и даже год жизни древнего города, ну и тех людей, конечно, что его населяли. И о многом тут могут рассказать монеты, которые удаётся найти. Нумизматы — так называют людей, изучающих монеты,— знают, когда именно какие деньги были в ходу. Вот и мы, если бы не пропали те монеты из тайника, могли многое ещё узнать об улице Добрыни, о древнем Новгороде. Я думаю, что тот человек, который взял монеты, ничего этого не знал,— сказал Дмитрий Николаевич, немного помолчав.

— Конечно, не знал,— сказал Андрюша и медленно одну за другой стал вынимать из кармана монеты.

29. ПО ЗВОНУ КОЛОКОЛА

Рассказ четырнадцатый

По всей Торговой стороне разносится гул голосов. Но шумит не торг. Сегодня никто ничего не продаёт и не покупает. Сегодня у Ярославова дворища собирается вече.

Испокон веку решает Господин Великий Новгород все важные дела на вече. Когда-то, услышав удары била по щиту, собирались на вече все мужчины-новгородцы. Теперь висит на вечевой площади колокол. Но он молчит. Зачем тревожить звоном город? Право голосовать на вече имеют только знатные бояре да самые богатые купцы.

Когда пришёл боярин Ратибор, повсюду на каменных скамьях, рядами стоявших на площади, пестрели разноцветные кафтаны и плащи из дорогих заморских тканей. Оглядевшись, Ратибор остался доволен. Почти все его

сторонники были в сборе. Правда, и вокруг его противника, боярина Твердислава, хватало народу.

Все поглядывали на Ярославово дворище. До сих пор так называют новгородцы двор, где стоял дворец князя Ярослава Мудрого. Сейчас здесь находится канцелярия посадника — правителя города, выбранного самыми знатными и богатыми новгородцами. Здесь сидят писцы и знающие иноземные языки толмачи, дожидаются распоряжений гонцы и меченоши — вооружённые мечами и копьями воины городской стражи.

Когда солнце отмерило полдень, из канцелярии в окружении меченошей и писцов вышел посадник Дирмидон в расшитом золотом кафтане и высокой боярской шапке и поднялся на возвышение.

— Новгородцы! — разнёсся над площадью его зычный голос.— Мы собрались на вече, чтобы...— Он сказал о спорных землях, о предстоящем походе. Едва он успел произнести последние слова, как со скамеек, где сидел со своими сторонниками боярин Ратибор, послышались крики:

— В поход!

— Хотим идти в поход!

— Постоим за наши земли!

Посадник прислушался. Поднял руку:

— Вече приговорило: князю с дружиной и полку вольных новгородцев...

Но боярин Твердислав не дал посаднику договорить.

— Не пойдём биться с братьями! — закричал он, вскочив на скамью.

— Не пойдём!

— Не пойдём! — мощным эхом откликнулись скамьи.

Посадник снова прислушался. Слов было не разобрать, но это не имело значения. Он старался только уловить, в какой стороне кричат громче: в той, где находится Ратибор, или там, где Твердислав. Подавать голос — это и значит голосовать. Кто громче голосует, за тем и сила. Так издавна считается на вече. На стороне Твердислава кричали громче.

— Вече приговорило,— снова начал Дирмидон, пере-

крывая своим зычным голосом крики,— вече приговорило: в поход на суздальцев не...— И опять не успел он закончить приговор, который писец должен был записать как решение вече.

Заглушая шум и крики, тревожно забил вечевой колокол. Его удары, возникнув на вече, неслись над большой торговой площадью, над Волховом, над всем городом, который носил славное имя Господин Великий Новгород!

На улице Добрыни, как только донеслись сюда первые колокольные удары, торопливо закрыл свою лавку Власий, замахал руками на женщин, стоявших в очереди: «До вас ли сейчас!» На подворье Ратибора толпой собрались все, кто работал на боярина, не рабы, конечно, а те, кто хоть и жил в холопах, но считал себя вольным. Был в этой толпе и хмурый гончар Данила.

И по соседству, в домике сапожника, тоже собирались на вечевую площадь Горазд и Ждан. Горазд даже не закончил свою работу. Так и бросил на столе. И Ульяну, пытавшуюся удержать его, оттолкнул сердито.

Так же, как и Данила, и многие другие жители улицы Добрыни, не мог он ослушаться приказания боярина Ратибора. А приказал боярин всем, как только услышат колокольный звон, идти к вечевой площади и бить его противников, тех, кто будет голосовать против похода.

Уходя, Горазд строго наказал Вишене сидеть дома. Но как только ушёл отец, Вишена выскользнул на улицу. Там его уже ждал Глеб. А вскоре и Борис вышел. Хвалился — ловко обманул сторожа. Велел младшему братишке сказать старику, что его зовёт боярыня. Самому Борису сторож не поверил бы. Потому что боярыня велела ему не пускать Бориса со двора без её разрешения. Ну, а когда маленький брат Бориса Демид подбежал к нему и сказал, как научил его Борис, сторож ни о чём не догадался. Поспешил в терем. И ворота не запер.

— Но даже если бы запер, я всё равно убежал бы,— хвастался Борис,— я знаю, как они открываются! А ещё я знаю, за огородами в заборе доска расшаталась.

Я видел, в неё пролезала одна наша холопка.— Сказал и вдруг, спохватившись, покосился на Глеба. Вспомнил, как попало ему от Вишены, когда Борис хотел назвать его холопом.

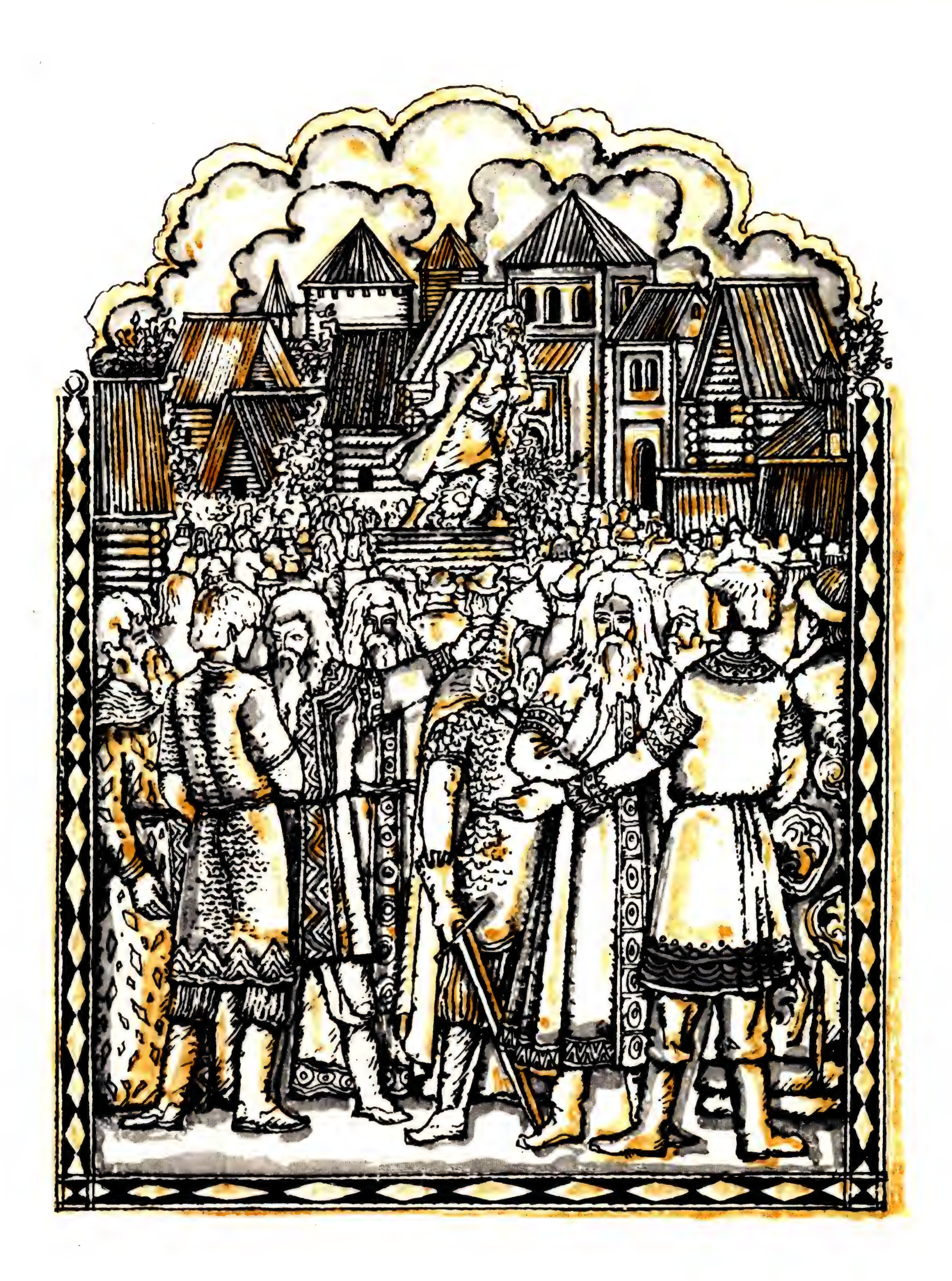
Но Глеб, видно, не расслышал, что сказал Борис. А может, и расслышал, да просто было сейчас не до ссор. Стараясь никому не попасться на глаза, они быстро пробежали по улице, а потом и вовсе припустили вдоль берега к мосту, чтобы перебраться на ту сторону, где всё ещё, созывая народ, звонил и звонил колокол.

Как ни старались мальчишки держаться вместе, на мосту их оттёрло друг от дружки толпой. Сначала куда-то подевался Глеб. Вроде был только что рядом и вот исчез, словно провалился. И ни поискать нельзя, ни даже просто остановиться. Толпа несёт, словно волна. Так и вынесла на другой берег. Но на площадь ребятам попасть не пришлось. Потому что навстречу с Торговой стороны двигался такой же сильный и плотный встречный поток.

Сторонники Твердислава тоже не теряли времени даром. Это по их наущению бежал сейчас народ к берегу Волхова, чтобы не дать перейти по мосту к вечевой площади людям Ратибора.

Тут и Бориса потерял Вишена. Самого его чуть не затоптали. Хорошо, Вишена догадался влезть на большой дуб, росший на берегу. Вскоре ветви его облепили и мальчишки и взрослые парни. А на мосту уже вовсю шла драка. Столкнулись стена к стене и те, что двигались с Торговой стороны, и те, что с Софийской. Сначала бились на кулачках, притискивая друг дружку к перилам, так что трещали дубовые крепкие тесины. Потом откуда-то появились колья и заходили над головами. Как тут было не вспомнить про Перунову палицу.

Рассказывают, в стародавние времена, когда Великий князь Владимир крестил Русь, побросали новгородцы в Волхов своих старых языческих богов. Бросили и Перуна — самого главного бога. Рассердился Перун и, когда проплывал под мостом, забросил на мост свою боевую палицу. Молвил: «Потешьтесь теперь вы ею, новгородцы!» С тех пор и дерутся новгородцы на мосту.

Спросил как-то Вишена про Перунову палицу учителя. Ответил учитель, что всё это людские выдумки. То есть не всё выдумки. Когда приняли новгородцы христианскую веру, действительно идолы Перуна и других языческих богов, по велению князя Владимира, повсюду покидали в воду — и в Киеве, и в Новгороде, и в прочих городах и землях. «Только дерутся новгородцы вовсе не из-за Перуновой палицы,— сказал учитель. А почему дерутся, не объяснил.— Мал,— промолвил,— вырастешь, тогда, может, сам поймёшь».

Задумался Вишена, чуть с дерева не слетел, когда толкнул его парень, который карабкался всё выше и выше. Ухватился крепче за сук, удержался. Глянул на мост: батюшки светы! Да там настоящее побоище идёт! Ух ты! Перила обломились! Не выдержали! Несколько человек полетело в воду. Ушли в глубину. Кто-то вон уже выплыл, гребёт к берегу, за ним — другие. Все ли, что вниз слетели, нет ли — никто не знает. Никому до них и дела нету.

Только к самому вечеру поредела на мосту толпа. Небольшой поток, хрипло крича что-то, двинулся от моста к вечевой площади. Но Вишена не слушал, что они кричат. Как только посвободнело на мосту, слез с дерева и побежал домой. Бежал со всех ног и по сторонам не глядел. Торопился, опасаясь, что попадёт от матери, а ещё хуже — от отца.

К радости Вишены, дома никого не было: ни отца, ни Ждана, ни даже матери. «Вот как хорошо,— подумал Вишена.— Теперь можно будет сказать, что он давным-давно воротился. А ещё лучше, скажет, что и вовсе никуда не ходил, а играл где-нибудь неподалёку. А может, раздеться, лечь на лавку, прикрыться овчиной? Пусть подумают, что он спит. Тогда и вовсе ругать не станут». Стал Вишена снимать рубашку, глянул, а она драная. Видно, сучком зацепил. И опять на душе стало тревожно. Ну как откроется, что он, нарушив отцовский запрет, убежал на мост. «Ну ладно, что заранее горевать,— успокаивал себя Вишена.— Утро вечера мудреней».

Вишена и не заметил, как задремал. Разбудили его громкие крики и плач. Спросонья он ничего не понял. Только, вдруг угадав голос матери, в страхе соскочил с лавки, кинулся к дверям. На крыльцо, тяжело ступая, поднимались люди. Широко распахнулись двери. На пороге стояли Ждан и Алёнин отец Фома. Они несли кого-то с запрокинутой назад головой, придерживая его за руки. А сзади ноги его держал Данила. Данилу Вишена тоже сразу узнал в белёсом свете летней ночи. Только того, кого несли, не узнал он. Подумал: «Почему это к нам несут?» Но вот они вошли в дом и опустили человека с запрокинутой головой на пол. По полу тотчас растеклась тёмная лужа. «Кровь!» — догадался Вишена и вдруг закричал отчаянным голосом. На полу лежал отец.

30. ПЯТНИЦА, КОТОРАЯ БЫВАЕТ ТОЛЬКО В НОВГОРОДЕ

Очень приятная глава

Да, такие пятницы бывают только в Новгороде. Раз в неделю — вечером в пятницу, к тому месту, где ведутся археологические раскопки, приходят жители Новгорода, которые интересуются прошлым своего города. Археологи рассказывают им о своей работе и показывают находки, которые удалось обнаружить за неделю. И в этот раз к вечеру возле котлована стали собираться люди. Они проходили за дощатый забор и спускались в котлован к домику-лаборатории. Там, за домиком, стоят ряды деревянных скамеек, как в летнем кинотеатре. Но перед скамейками — не полотно экрана, а самый обыкновенный стол.

Люди здесь собрались очень разные: и молодёжь, и взрослые, и даже пожилые люди. Некоторые, заметила Лена, были знакомы между собой. Они здоровались или садились рядом на скамью и разговаривали.

Были тут, конечно, и ребята из КИСа, и Коля с Андрюшей.

А на первой скамейке сидела бабушка Лены. Вообще-то бабушка раньше никогда сюда не приходила, а сегодня

пришла. Рядом с бабушкой с одной стороны сидела дама в соломенной шляпке, а с другой — немолодой толстяк в белом костюме. К столу вышла Наталья Ивановна. Она приветливо поздоровалась с сидевшими на скамейках, и Лена опять подумала, что Наталья Ивановна совсем не такая строгая, как кажется.

Пока Наталья Ивановна здоровалась, какие-то ребята, и среди них Серёжа, принесли несколько коробок, похожих на те, что Лена видела в лаборатории, и стали вынимать из них разные вещи и класть на стол. Достали знакомые Лене поршни и кошелёк. Прялки — одну большую, а другую маленькую, несколько разбитых горшков, деревянное ведёрко и ещё много разных мелочей.

Наталья Ивановна стала показывать горшки и черепки. И сказала, что нашли всё это на усадьбе боярина Ратибора. По-видимому, на боярском подворье жил и работал горшечник. Потом она показала прялки. Вернее, сказала, что это прялки. А показала какие-то серые некрасивые дощечки. Лена смотрела на них и представляла себе, какими они были когда-то: яркие, расписанные разными узорами. И больше всего ей понравилось, что одна прялка большая — для взрослых, а другая — маленькая, детская. Когда Наталья Ивановна показывала находки, то говорила и кто их нашёл. И не просто говорила, а просила каждого выйти к столу. Вышла одна девушка, за ней немолодая женщина, похожая на Синькову, потом Синькова, потом незнакомый Лене молодой человек, а потом вышла Лена. Потому что Наталья Ивановна показала писало с рыбьей головой и птичку-свистульку и позвала:

— Лена, иди сюда.

Лена вышла и постояла возле стола. Пока она стояла, все люди, сидевшие на скамейках, хлопали. И громче всех хлопала бабушка. А потом она гордо сказала своей соседке в соломенной шляпе и своему соседу в белом костюме:

— Это моя внучка!

— Очень приятно! — сказала дама в соломенной шляпе.

— Поздравляю вас! — сказал толстяк в белом костюме.

— Большое вам спасибо! — ответила бабушка.

Потом Наталья Ивановна стала показывать монеты, орехи и обгорелую доску и подозвала к столу Серёжу. Все опять похлопали. А бабушка опять сказала своим соседям:

— Это мой внук!

— Хм,— сказала дама в соломенной шляпе.

— Ин-те-ресно,— сказал толстяк в белом костюме.

А потом Наталья Ивановна показала просивший каши сапожок на каблучке и поршень с ремешками и попросила выйти к столу Дмитрия Николаевича. Когда Дмитрий Николаевич вышел, толстяк в белом костюме спросил:

— Это тоже ваш внук?

— Нет,— сказала бабушка.— Это внук моей подруги Анны Егоровны, которая живёт в Ленинграде.

Тут толстяк в белом костюме сказал:

— Гм!

А дама в соломенной шляпе сказала:

— Очень ин-те-ресно.

Но бабушка на них не обиделась. Она ни на кого не могла обижаться в такую замечательную пятницу.

31. КОЛОДА ДЛЯ ЛЮБАВЫ

Рассказ пятнадцатый

Через дорогу, осторожно ступая лапками по мокрым доскам, пробирался кот бабки Сыроеды Мышегон. Который день над городом стыло густое, точно овсяный кисель, небо. Стучал дождь, прибивая к мостовым пожухлые листья. В такое время и на дворе делать нечего, и в доме сидеть скучно. То ли дело — в школе! Соберутся все вместе. Затопят печь. Весело трещат дрова, а ребята сидят и слушают учителя. Но теперь и в школе не радостно. Раньше вон сколько ребят ходило. С одной только улицы Добрыни и то, как соберутся,— целая гурьба: и Алёна, и Вишена, и Борис, и Глеб с Олей... А теперь с каждым днём всё меньше и меньше ребят в школе. Перестал ходить в школу и Вишена. Учитель

сожалел об этом. Не раз вспоминал о нём и даже ставил его в пример ленивому на ученье Борису. После гибели Горазда семья лишилась кормильца. Первое время с работой кое-как справлялся Ждан. Но потом Ждан ушёл в поход на суздальцев с полком боярина Ратибора. В этом полку были чуть ли не все мужчины с улицы Добрыни: и Ждан, и молодой зять Власия Гай, и горшечник Данила, и даже кузнец Фома. Ушёл Фома в этот поход не потому, что решил обогатиться. И раньше он уговаривал всех не слушать Ратибора, доказывал, что ничего, кроме беды, не сулит им поход, и теперь он так думал. Но после того, как вече приговорило идти на суздальцев, ему ничего не оставалось делать. Все вольные новгородцы должны были подчиниться решению вече. Того, кто ослушается, могли с позором изгнать из города. Таков закон.

Как-то зашла Алёна проведать Ульяну с Вишеной, и показалось ей: в избе у них то ли холодно, то ли темно, то ли пусто. Да оно, наверное, так и было на самом деле. Вот тут на столе, поставив повыше светец, кроил Горазд свои кожи. Сверкая белыми зубами, шутил и улыбался Ждан. Ульяна возилась возле печи или, разложив на ларе цветные клубки шерсти, вышивала поршни, и бусинки бисера переливались у неё в руках, будто снежинки. А теперь и печь не топлена, и остатки кож свалены в кучу в углу. Ульяна вместе с Вишеной работают на Ратиборовом дворе так же, как и Глеб с матерью и Зорькой.

Одна только радость в доме: в привешенной к потолку люльке качается малыш. Родился он уже тогда, когда отца не было в живых. В память об отце и назвали маленького брата Вишены Гораздом.

В последние дни не ходит в школу и Оля. День не пришла... другой... И на улице её не видно. Вот и решила Алёна зайти к ним, узнать, что с Олей. Ратиборова усадьба совсем близко — только улицу перейти. Это если идти в ворота. Но там сторож стоит, начнёт выспрашивать, к кому да зачем пришла Алёна на боярский двор. Лучше Алёна пойдёт не в ворота, а с другой стороны, с огородов, которые тянутся позади Ратиборова двора

чуть ли не до самого Волхова. Но Алёна ещё не успела свернуть с улицы, как увидела кота Мышегона. Остановилась, посмотрела на него. Всё-таки чудной зверёк. Идёт и лапки отряхивает. Видно, не нравится ему, что доски мокрые. И вдруг послышалось на безлюдной улице:

— Кыс-кыс-кыс...

Посмотрела Алёна: а это Власий. Без шапки, шубейка кое-как накинута на плечах. Даже из ворот своих вышел на улицу. Голос ласковый, медовый. Но Мышегон не поверил приманному зову. Повёл зелёным глазом, рванулся вперёд, повис когтями на заборе и был таков.

— Ах ты господи, убежал! — сказал Власий жалобно — то ли Алёне, то ли сам себе, и снова стал звать: кыс-кыс-кыс да кыс-кыс-кыс...

Удивилась Алёна, с чего бы это Власию привечать Мышегона. Всегда гонял его со двора, грозился убить. А теперь вот топчется под чужим забором, приманивая кота. Только хотела Алёна спросить Власия, зачем ему понадобился Мышегон, но тот и сам заговорил, и опять жалобно, со слезой в голосе.

— Крысы,— сказал,— крысы повадились. Обнаглели, исчадия ада! Куль прогрызли, потаскали орехи. И в ларь с зерном забрались! Пожрали сколько! А зерно-то нынче почём?

Почём нынче зерно, Алёна не знала. Ведь это Власий продавал его с каждым днём всё дороже и дороже. Она только ахнула, как взрослая:

— Зерно поели?!

И потом, когда пошла она дальше, всю дорогу думала про это зерно. Представлялся ей большой ларь, что стоит в сенях у Власия, полный зерна, а в нём — крысы. Усатые. Зубатые. Сидят и едят... А ещё представлялся хлеб, который можно было испечь из этого зерна,— большие круглые караваи — пусть не пшеничные, ржаные с золотистой корочкой. Или лепёшки. И опять видела Алёна перед собой противень, который мама вынимает из печи. «Бери,— говорит,— Алёнушка, ешь сколько хочешь!»

И Алёна берёт, перебрасывает с руки на руку, дует на обжигающую пальцы мягкую, пахучую лепёшку.

Давно не ела Алёна ни лепёшек, ни даже простого чёрного хлеба. Началось всё ещё в конце лета, когда новгородцы вместе с княжеской дружиной отправились в поход на Суздаль. Многие вспоминали теперь, как говорил Фома: «Хлеб-то откуда в Новгород привозят? Больше всего из Суздаля. Новгородские земли мало хлеба дают. Не могут они прокормить новгородцев. Что же будет, если суздальцы и своего зерна не продадут, да ещё и дороги перережут, чтобы из других мест не привезли?» Так оно и получилось. А тот хлеб, что оставался в городе, бояре и купцы придерживали в закромах или продавали очень дорого. Но сначала люди сами себя утешали: «Ничего, скоро всё изменится. И дружина, говорят, у князя сильная, и наших сколько пошло новгородских молодцев, буйных голов. Непременно разобьют они суздальцев. И тогда потечёт широкой рекой в город дешёвый хлеб, и скот пригонят, и пленных. И заживёт Господин Великий Новгород богато, как никогда! А пока надо терпеть».

Алёна вышла к огородам. Отыскала дырку в заборе. Кто не знает про неё, ни за что не заметит. Кругом лопухи выше Алёниного роста, колючий репей. Пролезла Алёна, огляделась — никого, и пошла по тропинке вдоль огорода. Здесь, тесно прижавшись друг к дружке, стоят домишки челяди и работных людей. Каждый раз, когда случалось тут бывать Алёне, удивлялась она. Жильё это и на дом не похоже. Сложено не из брёвен, как иные дома, а из досок. Сверху кое-как прикрыто соломой. Войдёшь — ступить негде: на полу ребятишки возятся и куры тут же, телок или коза. Оля с Глебом тоже в таком домишке живут. Вот и Глеб. Алёна даже не узнала его сначала — такой худой, длинный. Несмотря на холодную погоду, стоит во дворе в одной рубахе, без шапки и обтёсывает топором коротенькое бревно. Увидел Алёну, но не сказал ни слова. Поглядел и отвернулся и опять стукает по бревну. Во все стороны летят щепки.

Хотела было Алёна спросить про Олю, но у Глеба такой вид, будто он сердит и на это бревно, и на Алёну, и даже на самого себя. Остановилась Алёна и тоже

молчит. Смотрит, что это Глеб мастерит. С обеих сторон обтесал бревно ровно и гладко, теперь внутри долбит. Корыто, что ли, замыслил выдолбить? Только уж очень маленькое получается это корыто. Алёне даже интересно стало. Спросила:

— Что тешешь?

— Колоду,— тихо ответил Глеб.

— Зачем тебе колода? — удивилась Алёна.

В колодах, или, как по-другому их называли, в гробах, хоронят мёртвых. Алёне случалось видеть гробы с мертвецами в церкви, куда приносили покойников перед тем, как захоронить их в земле. Об этом и вспомнить боязно. Может, Глеб нарочно её пугает? Пусть не думает, что она такая трусиха.

— Врёшь ты всё! — засмеялась Алёна. — Это и не колода вовсе. Колоды большие, а эта вон какая маленькая.— И чтобы уж совсем показать Глебу, что не удастся ему ни запугать её, ни обмануть, закричала Алёна, как всегда кричат ребята: — Верю всякому зверю — лисе и ежу, а тебе— погожу!

Тут бы Глебу и самому засмеяться, признать, что не удалось ему обмануть Алёну. Но Глеб молчал. Даже топором больше не стукал. Будто отяжелел в его руке топор. И рука повисла. А другой рукой, отвернувшись, вытирал Глеб набегающие на глаза слёзы.

— Ты что? — испуганно закричала Алёна. — Зачем тебе колода?

— Это не мне. Это Любаве,— через силу вымолвил Глеб.

На следующий день видела Алёна, как шли по улице: Глеб с маленьким гробиком на плече, а за ним мать в чёрном платке, Зорька, Оля, Мстиша...

С тех пор больше ни разу не пришла Оля в школу. Сказала Алёне:

— Мать говорит, мы всё равно не переживём эту зиму, все с голоду помрём. Какое уж тут ученье!

А в Алёниных ушах ещё долго звучал жалобный голос Власия, заманивающего кота Мышегона. Виделись толстые крысы, пожирающие зерно, то самое зерно, из которого можно было бы испечь хлеб или лепёшку.

И опять представлялась Алёне эта лепёшка — вкусная до невозможности. Алёна вздохнула и подумала: ни за что не стала бы она есть эту лепёшку одна. Отломила бы кусок маме, а другой кусок отнесла бы маленькой Любаве. И тогда, может быть, не лежала бы Любава в долблёной колоде, прикрытая белым холстом, совсем не похожая на себя, с жёлтым застывшим личиком.

32. ПИСЬМО

Глава, из которой можно кое-что узнать о КИСе

Письмо пришло по почте. Но было оно не бабушке из Ленинграда от её подруги Анны Егоровны, не маме, и не папе, и даже не Серёже. А было оно Лене. Почтальонша тётя Катя не обратила внимания, что на конверте написано «Лене Малявиной», и, увидев Лену на улице, сказала:

— Вот возьми газеты и письмо маме отдай. Только не потеряй! — Сказала и побежала дальше со своей сумкой через плечо.

И Лена сначала не обратила внимания. Прибежала домой и только тогда поняла. И как закричит:

— Это мне письмо! Бабушка, смотри: «Лене Малявиной»! Это мне!

Бабушка надела очки, и они вместе с Леной стали осторожно открывать конверт. Раскрывала его бабушка, а Лена смотрела и говорила:

— Только осторожно, не разорви!

Когда человек получает первое в жизни письмо, да ещё неизвестно от кого, ему хочется, чтобы конверт остался целым. Наконец бабушке удалось отклеить конверт. Из него показался белый в тёмных прожилках уголок. Бабушка потянула за этот уголок и растерянно посмотрела на Лену. В конверте лежал кусочек тоненькой берёзовой коры.

— Не понимаю,— сказала бабушка.— Это что — чья-то шутка?

Но Лена сразу догадалась, что это не шутка.

— Это берёста! Берестяная грамота!

— Грамота? Но здесь ведь ничего не написано! — удивилась бабушка.

— Написано! Всё написано! — закричала Лена и стала читать выцарапанные на берёсте слова: — «Уважаемая новгородка Лена! Ждём тебя на вече. Приходи в детинец к памятнику «Тысячелетию России».— Дальше был написан день и час, когда приходить, и стояла коротенькая подпись: «КИС».

Лене случалось видеть в школе висевшие на стене объявления: «Друзья новгородцы! Приходите на вече!» Лена тогда думала, это кого-то приглашают на вечер. Только когда писали слово «вечер», позабыли написать букву «р». Мало ли какие бывают ошибки. Но теперь она знала: никакой ошибки нет. Вече — так называлось в древнем Новгороде собрание жителей. Так называет и свои собрания КИС.

Лена стала отплясывать танец дикарей. А бабушка смотрела на неё, а потом осторожно спросила:

— Ты очень рада, что получила от него письмо? Да?

— Да! — сказала Лена.— Конечно, рада!

— А кто он такой... Этот, как его...— бабушка снова взглянула на берёсту,— этот КИС?

Лена ответила:

— Бабушка, КИС — это КИС!

— Понятно,— сказала бабушка,— КИС!

Ну как ещё было объяснить про КИС? Сказать — клуб историков? Это, конечно, верно. Он так действительно называется. Но дело ведь не в названии. А в том, что КИС... Но рассказывать о нём можно целый день.

— Бабушка,— сказала Лена,— мне надо срочно уйти!

— Иди, иди, ясочка, — сказала бабушка.

Лена схватила берёсту и побежала. Куда она бежала, она ещё точно не знала. И пока бежала, думала: «К Натке побегу!» Но потом раздумала бежать к Натке. Потому что Натка, чего доброго, может сказать: «Ну и что, что КИС. Лучше я телевизор посмотрю». Можно было побежать к Андрюше. Но Лене почему-то не хотелось к нему.

Почему, она и сама не знала. И побежала она к Коле Пеночкину. Бежала и вдруг увидела, что Коля Пеночкин тоже бежит ей навстречу. А ещё увидела, что в руках у него точно такой же листок берёсты, как и у Лены.

Лена с Колей Пеночкиным стояли посреди улицы, когда к ним, запыхавшись, подбежал Андрюша. У него тоже была берёста.

В назначенный день и час Лена, Коля и Андрюша пришли в детинец — так новгородцы называют свой Кремль. Здесь всегда полно туристов. То и дело щёлкают фотоаппараты, слышится иностранная речь. Это гиды на разных языках рассказывают приезжим гостям о памятниках древнего Новгорода.

Вот и памятник «Тысячелетию России». Он похож издали на огромный колокол с шаром наверху. Под шаром большие скульптуры, а внизу скульптуры поменьше. Возле памятника уже собрались старшеклассники из КИСа. И Ирина Александровна, учительница истории, которая руководит КИСом, тоже здесь.

Ребята замедлили шаги, не решаясь подойти. Вдруг Ирина Александровна не знает, что они получили письма из КИСа, и будет недовольна. Но Ирина Александровна увидела их, улыбнулась, а Лену, когда ребята подошли поближе, даже погладила по голове.

Все встали в круг, и Серёжа сказал:

— Вече считаю открытым! Первое слово Ирине Александровне.

Ирина Александровна вышла на середину круга:

— До сих пор мы никого не принимали в наш КИС до пятого класса. Думаю, что мы не совсем правы. Важно ведь не в каком классе учится человек, а как он относится к нашему делу. Этих ребят вы все знаете, знаете, как они работали на раскопках. Кто за то, чтобы принять их в кандидаты КИСа? Голосуем.

— Принять!

— Принять! — громко закричало вече.

Потом Ирина Александровна сказала про малые раскопки. Но сначала она немного рассказала про Новгород. Новгород — это значит новый город. Но на самом деле

Новгород — город очень старый. Ему уже больше тысячи лет.

— Памятник, возле которого мы сейчас стоим, был построен в память о тех временах, когда в Новгород пришёл князь Рюрик. Познакомьте, пожалуйста, кто-нибудь новичков со скульптурами,— попросила Ирина Александровна.

— Вот он, Рюрик, варяжский князь, по преданию правивший в Новгороде,— показала старшеклассница с толстой косой на одну из больших скульптур под шаром.— С той стороны князь Владимир. А там Дмитрий Донской. Знаете, кто это такой?

— Знаем,— ответил за всех Андрюша.— Дмитрий Донской со своей дружиной разбил на Куликовом поле монголо-татар.

Высокий мальчик в очках подошёл к подножию памятника и показал на маленькие скульптуры.

— Это горельеф. Он опоясывает весь памятник. Здесь изображены и государственные деятели, и герои, и писатели... Вот Александр Невский, вот Пушкин...

— А это кто такой? — спросил Андрюша, показывая на фигурку старичка с худым суровым лицом.

— Не знаю,— признался мальчик в очках.— Ирина Александровна рассказывала, но я забыл. Разве всех запомнишь? На памятнике знаешь сколько скульптур? Сто двадцать девять! А про этого старичка помню только, что у него очень смешное имя — Кукша...

— Как? Кукша? — перебила Лена.

Конечно, невежливо перебивать человека, когда он что-нибудь рассказывает, но уж очень удивил её этот Кукша. Имя «Кукша» Лена когда-то услышала от Дмитрия Николаевича. Тогда почему-то ей представилась носатая девица, капризная и зловредная. А оказывается, Кукша — имя мужское... И старичок с таким смешным именем был новгородским монахом, ходил по глухим, затерявшимся в лесах селениям и проповедовал христианство. Многие тогда ещё верили в старых славянских богов и не хотели принимать новую веру. Очень часто их заставляли креститься насильно. Тогда жители уходили

ещё дальше в леса, рубили себе там избы, ставили языческих идолов. Конечно, не очень рады были они добиравшимся до них незваным гостям. Вот и этого Кукшу, который пришёл к ним да ещё ругал их богов, они убили. Это рассказала Ирина Александровна. А Лена думала: «Ну и что же, что Кукшей звали какого-то старичка. Бывают же такие имена, которыми можно назвать и мальчика, и девочку, например, Саша или Женя...»

Ирина Александровна ещё немного рассказала о памятнике, а потом заговорила о другом:

— ...Когда в Новгороде собираются строить какое-нибудь новое здание и начинают рыть котлован, на место работ обязательно приходят археологи, как это и было на Добрынинской улице. Это большие раскопки. Работают на них учёные. Но часто бывает так, что надо вырыть канаву для прокладки телефонного кабеля или водопроводных труб. Такие раскопки мы называем малыми. Археологи не ведут за ними наблюдения. А ведь там тоже может быть что-нибудь интересное. Вот нашему КИСу и поручено заняться малыми раскопками. Сейчас Серёжа расскажет, что нам предстоит делать.

— Мы взяли план города и разбили его на квадраты. На каждом участке будет вести наблюдение группа ребят,— стал объяснять Серёжа.— Кстати, кто знает, что означает в переводе на русский язык слово «план»?

— Как это в переводе? — спросил Андрюша.— Разве «план» не русское слово?

— Теперь, конечно, оно стало русским,— ответил Серёжа.— Но пришло оно к нам из латинского языка. Слово «план» в древней латыни означало «след ноги». В современном же языке «план» в точном переводе означает «плоскость», но под этим мы понимаем «изображение на плоскости».

Про изображение на плоскости Лена не очень поняла, а вот про след ноги... Это было интересно.

— Чьей ноги? — спросила она.

— Ну, очевидно, того, кто прошёл и оставил след,— сказал Серёжа.

Лена представила себе: один топает в больших сапо-

гах, и на пыльной дороге отпечатываются огромные следы. А рядом с тем большим шагает маленький и босой. И опять на дороге видны отпечатки — пятки и пальцы.

— Как будто кто-то взял и нарисовал на дороге ноги.

— Верно,— сказала Ирина Александровна.— План, или, говоря по-русски, изображение на плоскости,— это и есть рисунок, чертёж.

— А мы составляем план, когда пишем изложение,— вспомнила Лена.

— Правильно. Только это совсем другое значение слова «план». В этом смысле «план» означает порядок предстоящих действий.

— У нашего веча сегодня план идти гулять, — сказал Серёжа.— Голосуем.

И опять вече дружно закричало:

— Гулять!

— Идём гулять!

Гулял КИС совсем не так, как, например, гуляли Лена с Наткой или даже с мамой и папой. Побродили ещё немного по детинцу, потом перешли через Волхов по мосту и оказались на Торговой стороне. Но где бы они ни шли, Ирина Александровна каждый раз спрашивала:

— Ребята, кто хочет рассказать нашим новичкам о памятных местах нашего города?

И ребята рассказывали наперебой:

— Вот здесь когда-то стоял красивый резной деревянный дворец князя Ярослава Мудрого. Здесь под его окнами собиралось вече. Неподалёку шумел огромный Новгородский торг.

— Вот церковь Параскевы-Пятницы.

— Вот знаменитый храм Ивана на Опоках, в котором хранился точный «Ивановский локоть» и «медовый пуд», по которому сверяли свои гири купцы, торгующие мёдом. А вот ещё одна церковь с очень смешным названием — «Успение, что на Козьей Бородке»...

От Ярославова дворища они спустились к пристани, и весёлый прогулочный теплоходик привёз их на Рюриково городище.

— Однажды приплыл к Новгороду варяжский князь Рюрик со своей дружиной,— стал рассказывать мальчик в очках, который показывал скульптуры на памятнике.— Длинные варяжские ладьи под полосатыми парусами тогда часто приплывали на Русь. Иногда варяги привозили разные товары и продавали их славянам, а иногда нападали на славян и грабили их, захватывали в плен жителей, увозили, чтобы продать в рабство.

— А что же им славяне сдачи не давали? — недовольно сказал Пеночкин.

— Давали и сдачи,— сказал Серёжа.— Вот и с Рюриком тоже так получилось. В летописи написано, что новгородцы пригласили его к себе княжить. Может, так оно и было. Но нам известно, что вскоре новгородцы восстали и прогнали Рюрика. Пришлось ему бежать за море. А потом он опять пришёл.

— А почему он жил тут, а не в Новгороде? — спросил Андрюша.

— Хороший вопрос! — сказал Серёжа, точно так же, как говорил Дмитрий Николаевич, и продолжал рассказывать: — В то время многие племена или города договаривались с предводителями варяжских дружин о том, что они будут их защищать от врагов. Вот и новгородцы, наверное, договорились с Рюриком. Согласились считать его князем, но в Новгород все же не пустили. А скорей всего, никто Рюрика и не звал княжить. Он сам пришёл со своей дружиной. Наверно, боялся новгородцев. Потому и поселился здесь. Очень удобное место для крепости. С одной стороны холм омывает Волхов, с другой — Малый Волховец. А вот эта поросшая травой гряда, что тянется у подножия холма, по всей вероятности, остаток крепостного вала.

— Вперёд, новгородцы! На приступ! — закричал Пеночкин, схватил сухую сучковатую палку и, размахивая ею, будто разил врагов, стал карабкаться на поросшую травой гряду старого вала.

33. БЕДА

Рассказ шестнадцатый

Однажды утром Алёна собралась по воду, вышла на крыльцо и не узнала улицы. На островерхих кровлях снежные шапки, и мостовую всю выбелило. Правда, бабка Сыроеда, тоже приковылявшая к колодцу, сказала, что это ещё не зима, а только так — зазимок. Снег этот лежать не будет, потому что выпал он на день глядя, да ещё после сухоты. А настоящий снег, по старым приметам, ложится на мокрую землю и спящих людей.

— Ночью после дождей,— пояснила Сыроеда Алёне.

«Хоть и не настоящая, а всё же — зима»,— думала Алёна. И вспомнилась ей прошлая весёлая зима, спуск на волховском берегу. Как навалит снегу, приходят сюда с санями и ледянками мальчишки и девчонки чуть ли не со всей Софийской стороны. Накатают гору так, что летишь вниз точно на крыльях, вздымая серебряную снежную пыль. Маленькие катаются, лёжа на пузе. А те, что постарше,— сидя. У Алёны тоже есть сани. А у Глеба и Оли была ледянка. Её Глеб сам сделал. Взял дно от старой корзины, обмазал густо навозом, облил водой, выставил на мороз. Ну и ледянка получилась! Уж на что хороши сани у Бориса — полозья обиты железом, носы круто загнуты вверх, сиденье мягкое, крыто тиснёной кожей... На такие сани даже глядеть радостно, не то что кататься на них. Но как-то так получилось, что на Борисовы санки хоть и глядят все, а прокатиться на них никто не просил. А вот ледянку Глебову.... «И мне дай! И я хочу! И я — тоже!» — кричали все наперебой. Глеб всем разрешал. Становись в черёд и жди. Конечно, ледянка не то, что сани. Сани с горы катят прямо. Случается, правда, что сойдут с колеи и вывалят тебя в снег. Но с санями можно управиться. Свесь ногу и притормози валенком. А вот ледянка как закружит, как завертит — полетишь вверх тормашками. Снегу набьётся и в валенки, и в рукава шубейки, и под платок. Придёшь домой — всё сушить надо. Зато весело.

...— Как мать-то? — спросила Сыроеда, прервав мысли Алёны.

— Всё спит, даже есть не хочет,— сказала Алёна и вздохнула. Может, и лучше, что маме не хочется есть. Всё равно ничего, кроме репы да червивого гороху, в доме нет.

— Спит, говоришь, и есть не хочет? — переспросила Сыроеда.— Значит, скоро помрёт.

Алёна испуганно посмотрела на неё, подняла коромысло и пошла, оставляя на снежной мостовой тёмные следы. Она уже была у калитки, когда с Ратиборова двора вышла Купава, а с ней — Оля и Мстиша. Алёна хотела их окликнуть, но увидела, что обе девочки утирают рукавами слёзы, а Купава, не глядя на них, всё идёт и идёт вперёд быстрыми шагами. И лицо у неё такое сердитое. Так и не покричала Алёна Оле, не попрощалась с ней. Ох, если бы знала она, куда вела своих девочек Купава! Но Алёна не знала. Она только поглядела им вслед и свернула в калитку. Вишене тоже повстречались они. Вишена поклонился Купаве, но она не ответила. Будто не заметила Вишену. Шла и глядела куда-то вдаль невидящими глазами. «Куда это они идут?» — так же, как и Алёна, подумал Вишена. Оглянулся и посмотрел: Купава с Олей и Мстишей, дойдя до конца улицы Добрыни, свернули к причалам. Вишена побежал дальше. Он торопился. Боярыня Гордята, на подворье у которой они теперь вместе с матерью работали, послала его с поручением — позвать конского лекаря. Потому что захромал Борисов конь Уголёк.

Голод всё больше донимал новгородцев. Голодали, конечно, не все. У боярыни Гордяты по-прежнему всего было вдоволь. И каждый день с утра слуги ставили на стол несколько перемен блюд. Для холопов и прочих работных людей в доме варили щи, а иной раз и кашу. Вишена порой едва дождётся полдня — так подводит от голода живот. Сядут вокруг миски, ложки так и мелькают. С жадностью хлебают щи и Вишена, и Глеб, и Зорька, и даже Ульяна. Только Купава глотает так, будто что-то стоит у неё поперёк горла. Ульяна поглядит на неё

и сама есть перестаёт. Ей всё понятно. Дома у Купавы голодные дети. Недавно умерла маленькая Любава. А теперь Мстиша и Оля — обе с бледными до синевы личиками — тают будто свечки. Ни глотка щей не проглотила бы Купава сама, ни ложки каши — всё бы детям отнесла. Но ведь щи в подоле не унесёшь. Да и ключница стоит над душой, не велит ничего брать с собой. Это что же такое будет, ежели каждый начнёт боярское добро растаскивать. На то и кормят холопов, чтобы могли работать. А до ихних детей боярыне Гордяте дела нету.

Купава пошла к боярыне, бросилась в ноги, умоляла дать хлеба, чтобы дети не умерли голодной смертью. Сжалилась боярыня Гордята, велела отсыпать меру пшена. Только за это пшено пришлось Купаве собственной рукой нацарапать крест на берёсте, где было написано, что отдаёт она в холопы своего старшего сына Глеба. Несла Купава домой пшено и не знала, радоваться или плакать. Как поглядит на оживших дочек своих — радуется, как вспомнит про сына своего — слёзы льёт. Сначала старшую Зорьку пришлось отдать в холопство. А теперь и Глеба. Одна надежда — вдруг и правда вернётся Данила из похода богатым и выкупит детей.

Надолго ли хватило того пшена? Как ни тянула его Купава, кончилось. И опять упала Купава в ноги боярыне:

— Возьми меня в холопки! Век буду служить тебе верой и правдой!

Отвечала боярыня Гордята:

— Больно нужна ты! Поработаешь ещё немного, а потом будешь сидеть дармоедкой.

— Ну, тогда дочку Олю возьми,— опять просила Купава.

И опять отвечала боярыня Гордята:

— А она-то мне на что? Её сколько кормить надобно, прежде чем она работать станет.

С тех пор больше не ходила Купава к боярыне, ни о чём больше не просила. И даже не плакала, а сухими, горящими глазами глядела вечером на дочек, что таяли

как свечки. Оля ещё ходила, собирала по огороду пожухлую траву, варила горькую похлёбку. А Мстиша весь день лежала на лавке.

Сегодня утром, когда Зорька и Глеб ушли из дому, Купава велела Мстише подняться. Закутала потеплей её и Олю, сказала:

— Пойдём!

Мстиша молчала, пока мать надевала на неё зимнюю шубейку и тёплый платок, а Оля спросила:

— Куда мы идём?

Ничего не ответила Купава, но такое было у неё лицо, что Оля глянула на мать и заплакала. Глядя на неё, заплакала и Мстиша. Но Купава, не обращая внимания на их слёзы, взяла обеих за руки и повела со двора. Когда подошли к воротам, сторож спросил строго:

— Ты куда это собралась?

Купава даже не глянула на него. Держа дочек за руки, вышла на улицу. Так и шагала, ни разу не оглянувшись.

Они подошли к причалам.

Правду сказала бабка Сыроеда. Снег, выпавший утром, быстро растаял. Начал моросить дождь. На причалах было пусто. «Плохой был торг в Новгороде в этом году»,— жаловались иноземные купцы, приехавшие с шелками, сукном и драгоценностями. Зато те, что привезли с собой что-либо съестное, были довольны. За горсть сушёных фруктов, за плошку оливкового масла можно было выменять драгоценный мех бобра или соболя. Но теперь уже больше не осталось у приезжих никаких припасов. У причалов грузились последние суда. И так задержались до холодов.

Купава спустилась на причал, подошла к ближней ладье.

— Нету, нету хлеба! — закричал хозяин ладьи, наблюдавший за тем, как гребцы ставили паруса. Он был сердит. Погода плохая, волна бьёт. Неизвестно, как ещё доберёшься до дому. А тут ещё целый день подходят нищие попрошайки.

— Я не за хлебом,— сказала Купава. Помолчала немного, потому что у неё перехватило горло, но потом всё

же выговорила: — Возьми девочек, дочек моих возьми. С собой, туда,— показала она на уходившую вдаль от моста реку.

Купец немного понимал по-русски, но не сразу разобрал, что эта женщина просит взять её дочек.

— Продаёшь? — спросил он удивлённо.— И сколько хочешь?

— Ничего,— сказала Купава.— Возьми даром! Всё равно умрут с голоду!

— Голод, голод! — закивав, повторил купец уже известное ему русское слово, подошёл к стоявшей с опущенной головой Оле, взял за подбородок и приподнял её лицо. А потом так же поглядел и на Мстишу. Подумав, сказал: — Большую возьму, а маленькую нет. Не довезём. Умрёт. Пусть лучше дома.

Потом достал кошелёк, вынул несколько резан и сунул их в руку Купаве.

Купава взяла Мстишу за руку и, не оглядываясь, пошла с причала. Она слышала, как рвалась и кричала Оля, которую держали хозяин и один из гребцов, но всё равно так и не оглянулась.

34. ВЕСЕННИЕ ВЕТРЫ

Рассказ семнадцатый

Боярин Ратибор по случаю счастливого возвращения из похода устраивал пир. С раннего утра сбивались с ног холопы и холопки, чтобы подготовить всё, как надобно, к встрече гостей. На кухне жарили, варили и пекли мясо, рыбу, овощи. Боярыня Гордята то и дело призывала ключницу, чтобы отдать ей новые распоряжения. Кукша в своей светлице примеривала наряды.

— Ты что, оглохла, негодная холопка? — ругала она прислуживавшую ей Зорьку.— Я тебе велела принести платье со шлепом, а ты какое подаёшь?

Зорька поклонилась в пояс и стала доставать из ларя Кукшино платье из серебристой заморской паволоки с длинным стелющимся по полу хвостом.

Внизу, в большой парадной трапезной, где стояли обеденные столы, Вишена и Глеб с другими холопами мазали воском полы и натирали их суконками. «Вот так же суконкой Ждан когда-то натирал сшитые отцом сапоги перед тем, как нести их на торг»,— вспомнил Вишена. А ещё вспомнил, как однажды Борис позвал его к себе и он пришёл сюда, в Ратиборов терем. Они тогда вошли в эту же залу. Вишене было боязно ступать отцовскими большими сапогами по натёртым вощёным полам. С удивлением разглядывал он богатое убранство в боярских хоромах. Крытые пушистыми коврами лавки и кованые железом лари, обтянутые рытым бархатом стулья с высокими спинками. Но всего больше запомнилась ему другая горница, где на полу и на лавках лежали звериные шкуры, а на стенах красовались оленьи рога, и оружие, и украшенные бляхами щиты. Борис потихоньку, чтобы не увидел холоп, снял со стены булатный меч, едва подняв его обеими руками, и сказал: «Отцовский». Долго ещё вспоминал Вишена тот меч и завидовал Борису. Больше ничему он никогда не завидовал, разве

только ещё тому, что у Бориса есть Уголёк. Когда Вишена стал работать на подворье Ратибора, его приставили помогать конюхам. Нелёгкая была эта работа — чистить коней, убирать в конюшнях. И управитель, зная Ратиборову любовь к коням, за всё спрашивал очень строго. Но Вишена и сам старался. Ему нравилось ухаживать за лошадьми. Зайдёшь в конюшню — кони тихо похрупывают сеном. А любимец Вишены Уголёк поднимет уши и косит огромными чёрными глазами — ждёт, когда Вишена подойдёт к нему. «Лучше сто раз убирать конюшню, чем боярские хоромы»,— думает Вишена.

До глубокой ночи в боярском тереме весело пировали гости. Поход и в самом деле был удачен для Ратибора. Суздальцев, правда, они не победили. В том бою, когда сошлись суздальские и новгородские войска, много было убитых и с той и с другой стороны, многие раненые замёрзли в снегу. Но потом решили покончить дело миром. В условленный день съехались князья и знатные мужи, новгородские и суздальские, и поделили спорные земли так, чтобы всем было без обиды. Боярин Ратибор не только сохранил свои имения, но и приобрёл новые.

Боярин Ратибор мог радоваться и праздновать победу. Но в других домах на улице Добрыни не радовались. Даже в доме Власия, который за это голодное время порядком разбогател, и то было горе. Не вернулся из похода его зять и помощник Гай, горько плакала дочь Власия, оставшаяся вдовой с малыми детьми. Да и сам Власий тужил порядком. Некому было ему теперь передать лавку и другие хозяйские дела. Сам он уже был стар, и справляться ему со всем хозяйством становилось трудней и трудней.

В домике кузнеца Фомы повзрослевшая Алёна рассказывала отцу о последних днях матери, которая умерла, так и не дождавшись его возвращения из похода.

А в доме через дорогу Ульяна качала маленького сына Горазда и тревожно прислушивалась к разговору Ждана с Вишеной. Всем сердцем сочувствовала она Ждану. Он любил Зорьку, надеялся, что сумеет помочь её отцу Даниле расплатиться с боярином Ратибором, и тогда они

смогут пожениться. Теперь у Ждана уже не осталось никакой надежды. Зорька теперь была уже не вольной новгородкой, а холопкой, рабыней Ратибора. И Ждан не мог на ней жениться без согласия хозяина. Ратибор, может быть, и согласится, но тогда Ждан тоже станет его рабом. Таков закон.

— А чего дальше ждать? — говорил Ждан.— Уж лучше попытать счастья на Дышучем море.

Знакомый кормчий, отправлявшийся в неизведанные края на дальний север, искал гребцов на свою ладью. Говорил, что там, на ничейной пока ещё земле, можно, если повезёт, добыть много шкур пушных зверей и дорогую рыбью кость. Может, тогда удастся выкупить Зорьку.

— Ой, Ждан, север подует холодом и поморозит вас. Или Дышучее море льдинами задавит,— вмешалась Ульяна.— А ещё, говорят, живут там безголовые люди. Сами все покрыты шкурами, а рот у них на животе. Чай, страшно-то как?

— Может, и безголовые и в шкурах,— сказал Ждан.— Только не страшней они иных, что с головами.

Как ни тяжело было и Фоме, и Ждану, и старому Власию, но всего хуже было горшечнику Даниле. Уходя в поход, оставил он большую дружную семью, детей, глядя на которых можно было только радоваться. Пригожая собой, добрая, трудолюбивая Зорька, Глеб, который подрастал верным помощником, и младшие — весёлые, смышлёные, ласковые девочки — что Оля, что Мстиша, что маленькая Любава. Из-за них переселился Данила сюда на север из южного, разорённого половцами села, надеялся, что здесь, вдали от половецких набегов, сумеет он вырастить своих детей. Готов был безотказно работать день и ночь. И в поход этот пошёл, чтобы не навлечь на себя гнева боярина Ратибора. И работал исправно, и бился, не жалея своей жизни. А пришёл, будто к пепелищу. Разметало, сгубило всю семью. Нет в живых маленькой Любавы, умерла от голода Мстиша, увезли в неведомые, чужие края Олю. Никогда больше не увидят её ни отец, ни мать, ни брат с сестрой. Да

и те, что остались — старшая дочь Зорька и единственный его сын Глеб,— родились вольными, а стали холопами, рабами боярина Ратибора. Будь проклят тот час, когда послушал он боярина и пошёл в поход! Будь проклят и сам боярин, что погубил его детей, пожалев для них куска хлеба! Так говорил горшечник Данила плотнику Викуле и кузнецу Фоме, зашедшим его проведать. Спрашивал не то их, не то самого себя:

— Доколе же мы будем терпеть? Доколе будем молча глядеть, как примучивают и работят наших детей?

— Я давно толковал всем вам, что не с суздальцами нам надо биться! — говорил Фома.— Ну побили мы их, они нас порубали. А кому от этого радость? Горе одно и нам и им.

— Да, радоваться нечему,— соглашался Викула. Вздыхал.— Всю жизнь домá рубил, а теперь с больною рукою хоть на паперть церковную иди милостыню просить. Когда уходили в поход, думал, вернусь, сестре подсоблю детей поднять, раз уж так приключилось с Гораздом. А теперь, выходит, не только помочь ей не могу, себя и то не ведаю, как прокормить. Не знаю, как тут у вас на улице Добрыни, а наши, уличанские, до того злы на бояр и купцов... Пока мы на суздальцев ходили, они хлеб в закромах держали, голодной смертью дали нашим близким умереть. Хоть сегодня готовы мы за топоры взяться! Только не дома ставить — головы боярам и купцам рубить!

— Давно бы пора! — сказал вдруг Глеб.

Данила сердито шикнул на сына:

— Тебя не спросили!

Но Фома сказал:

— Хоть и молод сын твой, а прав! Не постоим за себя — все станем рабами!

Как только очистился ото льда Волхов, кормчий, собиравшийся доплыть до Дышучего моря, был готов отправиться в путь. Вишена пошёл проводить Ждана. Пошли и Алёна с отцом. Ни Глеб, ни тем более Зорька проводить Ждана не могли. Они простились ещё вчера. Зорька едва сумела выбраться поздно вечером. Она не

плакала, а только неотрывно смотрела на Ждана, словно хотела запомнить его лицо. Зато Ульяна то и дело вытирала набегающие слёзы. Хоть и не родной был ей Ждан, а племянник её покойного мужа, но она привязалась к нему и теперь горевала, словно о сыне.

Перед тем, как отправиться на причал, все сели на лавки и посидели молча, как и положено по обычаю, перед дальней дорогой. А когда уже стали выходить на улицу, Вишена вдруг вернулся, влез по лесенке на голубятню и достал пару голубей. Только эта пара и осталась у него после голодной зимы. Он посадил голубей в клетку и, держа её в руках, вышел на улицу.

— Возьми их с собой, — сказал он Ждану. — Когда доплывёшь до Дышучего моря, отпустишь их, они и прилетят к нам с весточкой.

— Так далеко не прилетят,— сказал Ждан, но голубей с собой всё же взял.— Как соскучусь, так и отпущу с берёстой к вам.

На причалах было оживлённо. Одни ладьи уже стояли на воде, готовые в путь, другие лежали кверху днищами на берегу. Гребцы и работные люди смолили и конопатили их, набивали борта, прилаживали снасти. По берегу шли молча. Все добрые слова уже были сказаны. Говорить их заново — только душу бередить. И всё же Ждан, не вытерпев, шепнул Вишене:

— Ты скажи Зорьке: если жив буду, вернусь и выкуплю её. Пусть ждёт!

— Вишена! Эй, Вишена! — вдруг закричал кто-то с большой ладьи, мимо которой они проходили.

Вишена оглянулся. На борту стоял Василёк. Вишена подошёл поближе.

— Ну как, хороша ладья?—спросил Василёк и похвастал: — Это отец недавно купил. Мы вместе с ним скоро поплывём в Царьград! Меха грекам повезём! Помнишь, я говорил, что стану купцом и буду плавать в дальние земли?

— Счастливого пути! — сказал Вишена и побежал догонять своих.

На следующий день рано утром Вишена тихо постучал

в домик кузнеца. Спросил выглянувшую в дверь Алёну:

— Отец дома?

— Нет, ушёл уже в кузню.

Вишена помолчал раздумывая. Потом сказал решительно:

— Медлить нельзя. Ты вот что, ступай сейчас к нему. Предупреди, пусть бережётся. Вчера у Ратибора гости поздние пировали. Я на стол блюда таскал, разговор их слышал. Замыслили они худое: «Смутьяна с моста — и в Волхов!» Имени не называли, но я догадался: это они про Фому.

Вишена думал, Алёна испугается, заплачет. А она только глазами сверкнула. Накинула платок, надела шубейку.

— Сейчас побегу. А ты тоже, как сумеешь, приходи туда, к Звериному монастырю. Отец велел тебе передать.

— Приду,— кивнул Вишена.— А зачем, не знаешь?

Алёна так же помедлила, как перед тем Вишена.

— Знаю. Отец сам хотел тебе сказать. Да ладно, скажу я. Только смотри — ни одной живой душе! — И зашептала: — Отец навершия для рогатин куёт. Их надобно в город принести, чтобы стража у ворот не заметила.

— Навершия для рогатин? А на что они ему? — спросил Вишена и вдруг догадался: — Понял! Приду! — Добавил: — Никому ни слова не вымолвлю. Только вот Глебу надо бы...

— Глеб знает,— ответила Алёна.— И Данила тоже. И твой дядя Викула. Соберёшься, лукошко с собой прихвати. Как обратно пойдёшь, грибов сверху накидай, прикрой травою. Ничего, теперь уже скоро. Отец говорит: «Сами ударим в колокол! И вече соберём не боярское, своё, как в былые времена собирались новгородцы!»

35. МЫ НЕМНОГО ЗНАКОМЫ

Глава, в которой ты снова встретишься с Еленой Александровной

Я надеюсь, дорогой читатель, ты не забыл, что Елена Александровна — это я. Новгород встретил меня ясным солнечным утром. А Наталья Ивановна — радостными возгласами:

— Леночка, милая! Умница, что приехала! Располагайся, позавтракай, отдыхай! А мне уже пора на работу. Вечером увидимся.

Но я, конечно, не стала ждать вечера. Привела себя в порядок и отправилась на Добрынинскую улицу.

Ещё издали я увидела красивое здание кинотеатра «Добрынинский». А то место, где стоял наш старый домик, было огорожено высоким дощатым забором. Там рыли котлован.

Наталья Ивановна сидела возле стоявшего на возвышении столика и что-то писала в большом журнале, похожем на тот, в котором учителя ставят отметки.

Я шагала по бревенчатой мостовой, от которой то в одну, то в другую сторону отходили деревянные дорожки. Возвышались небольшие груды кирпича, виднелись воткнутые в землю красные флажки, в земле копались женщины в косынках, ребята — старшеклассники или студенты... Навстречу мне широкими шагами быстро шёл высокий человек в очках. Он, видимо, задумался о чём-то и прошёл бы мимо меня, если бы я его не окликнула:

— Дмитрий Николаевич! — Не могла же я называть Димой подающего большие надежды серьёзного учёного.

Он меня всё-таки узнал! Радостно заулыбался, крепко обнял. Как всегда, когда люди неожиданно встречаются после долгой разлуки, будто сами по себе летали бессвязные слова:

— ...Ну как?

— ...А вы?

— ...А ты?

А потом он сказал:

— Идём!

И мы пошли. Сначала по бревенчатой мостовой, потом по деревянной дорожке — как раз в ту сторону, где ещё так недавно стоял наш дом. А ещё раньше — не так уж на много (если, конечно, рассматривать движение времён с точки зрения истории), всего восемь веков назад,— стояла небольшая церквушка. Теперь археологи нашли и раскопали её фундамент. А пока мы шли к ней — и по бревенчатой мостовой, и по деревянной дорожке,— Дмитрий Николаевич говорил:

— Если ты помнишь, в ту пору, после неудачного похода на суздальцев, в Новгороде был сильный голод. Память об этих трагических годах сохранилась в письменных источниках. Летописец повествует о том, что люди умирали голодной смертью, и родители даром отдавали в рабство своих детей иноземным купцам, надеясь таким образом уберечь от неминуемой смерти. Дошло до нас также и упоминание о большом восстании новгородцев против бояр и купцов, хранивших в своих амбарах запасы зерна и наживавшихся на беде родного города. Восставшие сожгли усадьбу боярина Ратибора. Пожар, по-видимому, перекинулся на соседние дома и...

Я представила себе объятую огнём улицу Добрыни. Рыжим петушиным хвостом взлетает пламя над островерхой кровлей боярского терема, бежит по крышам людских изб, растекаясь всё шире и шире... Долго ещё будут чернеть на улице Добрыни пепелища. Однажды над улицей появится усталый голубь, сначала стремительно пойдёт вниз, потом, собрав силы, снова взмоет вверх и будет долго кружить над тем местом, где стоял дом сапожника Горазда.

— ...И вот уже сколько лет мы ищем,— говорил Дмитрий Николаевич...

— Вещественные доказательства? — спросила я.

Дмитрий Николаевич улыбнулся и кивнул головой. И опять стал говорить:

— Помнишь крысиную нору? Она и навела меня на мысль искать следы припрятанных запасов, которые и послужили причиной восстания.

— Неужели нашли?

— Вот как раз в этой церквушке и удалось обнаружить...

Я не дослушала, что говорил Дмитрий Николаевич. Потому что увидела того милого старичка, с которым мы вместе ехали в поезде. Я ещё его пригласила прийти сюда на раскоп вечером в пятницу. Сегодня была не пятница, а всего лишь среда, но у него, по-видимому, оказалось свободное время. Может, он гулял по городу и забрёл сюда. Вообще-то археологи не любят, когда кто-то чужой бродит по котловану, где идут работы, потому и написано на заборе: «Посторонним вход воспрещён!» «Как бы этому милому старичку, кажется, его зовут Иван Георгиевич, так вот, как бы ему не сделали замечания,— подумала я.— Надо объяснить Дмитрию Николаевичу, что это я пригласила его».

— Извините, Дмитрий Николаевич,— сказала я.— Видите этого старичка, что идёт нам навстречу? Это знаете кто? Я с ним в поезде познакомилась. Очень милый человек! Я его пригласила на пятницу, но раз уж он пришёл, разрешите ему кое-что показать... Здравствуйте, Иван Георгиевич! — поздоровалась я, потому что мой дорожный знакомый уже подходил к нам.— Вы решили не дожидаться пятницы? Что же, очень хорошо! Сейчас я вас познакомлю с Дмитрием...

— Спасибо, милейшая Елена Александровна! — поблагодарил он меня и даже наклонил немного седую голову.— Очень вам признателен за заботу! Но мы с Дмитрием Николаевичем немного знакомы.

Я посмотрела на Диму.

Дима посмотрел на меня.

Милый старичок Иван Георгиевич смотрел на нас и улыбался.

Ну вот, дорогой читатель, повесть о девочке Лене и её соседе Вишене подходит к концу. Ты теперь хорошо знаешь Лену, и её брата Серёжу, и других ребят с Добрынинской улицы. И улицу эту представляешь себе, особенно тот её конец, где жила Лена. Небольшой домик — три окошка внизу и одно на Серёжином чердаке,

новый четырёхэтажный дом напротив, булочная, автомат с газированной водой, высокий забор, за которым роют котлован под здание будущего кинотеатра... Представляешь ты себе и улицу Добрыни — её бревенчатую мостовую, избу сапожника Горазда, домик кузнеца Фомы, лавку купца Власия, терем боярина Ратибора, хижину горшечника Данилы, колодец, к которому с коромыслами через плечо идут женщины и девицы. Знаешь ты теперь и кто такие Вишена, и Алёна, и их друзья. Понятно тебе и кто такой Дмитрий Николаевич. А тот милый старичок, который вместе со мной ехал в поезде, это и есть... Впрочем, ты, наверное, и сам уже обо всём догадался. А мне остаётся только поблагодарить тебя за то, что ты так хорошо всё понял в этой запутанной истории.

Вообще-то на этом мне хотелось бы кончить повесть о девочке Лене и её соседе. Но чтобы ты не подумал, что я что-нибудь скрываю от тебя, всё же придётся рассказать о моей практике в школе.

36. СНОВА ПЕНОЧКИН

Глава, которая тоже имеет некоторое отношение к истории о Вишене и Алёне

В то утро я вышла из дому гораздо раньше, чем обычно в институт. Иду, а портфель в руках вроде как и не мой. Всегда набит битком — не портфель, а бочонок: в нём и учебники, и тетради с конспектами лекций, и книги — в библиотеку сдать. А сегодня в портфеле — одна тетрадка в клеточку. Шагаю я по улице со своим непривычно лёгким портфелем и сама себе говорю: «Ничего страшного. Обыкновенная школа... Обыкновенные ребята... Войду в класс и скажу весёлым голосом. Обязательно весёлым, потому что ребята любят, когда учитель весёлый. Ну вот, войду я и скажу им весёлым голосом: «Здравствуйте, ребята! Садитесь!» А потом скажу: «Сегодня я у вас буду вести урок истории. Сейчас

я вам расскажу о...» О чём я буду говорить и что буду делать дальше — всё в этой самой тетрадке в клеточку, которая болтается в пустом портфеле. На первой странице написано крупными буквами: «План урока» — и подчёркнуто синим карандашом. Подумала я про план и сразу вспомнила то первое наше вече и разговор о планах: «Этот план — не тот, который «след ноги», и не тот, который «плоскость». То — план-чертёж, а это — план-порядок». План-порядок, написанный в моей тетрадке, был очень хороший. Его похвалила даже наша строгая Анна Тимофеевна — руководитель студенческой практики: «Чувствуется, что вы подошли к задаче серьёзно. И материал вы знаете», — сказала она, возвращая мне тетрадку.

Я шла по улице, а в моём сознании будто кто-то прокручивал один и тот же кадр киноплёнки. Снова и снова повторялась картина: я вхожу в класс и говорю (весёлым голосом): «Здравствуйте, ребята!» Так я, шагая по улице, говорила сама себе. А по спине ползли противные мурашки.

Ты, наверное, думаешь, что только ребята волнуются, когда в класс приходит новый учитель. Я и сама раньше так считала. Конечно, нового учителя все побаиваются. Неизвестно ведь, какой он будет. Добрый или злой, весёлый или сердитый. Интересно будет объяснять или на его уроках будет тоска зелёная. И вообще, что он за человек. Всё это так. Но уверяю тебя, что учителя не меньше волнуются, когда им предстоит давать урок в незнакомом классе. Даже ещё больше. Это я теперь знаю. В самом деле, учитель — один, а ребят в классе — сорок человек. Каких только историй не рассказывали у нас в институте студенты, которым уже приходилось сдавать практику. И всё же, признаюсь, хотя я и волновалась, но...

Следом за началом (я вхожу в класс: «Здравствуйте, ребята!») должен был идти урок, который по всем пунктам был расписан в клетчатой тетрадке. Только в той картине, которая возникала в моей голове, всё это почему-то пропускалось. И сразу за началом шла заключи-

тельная часть. Звенит звонок, но в классе мёртвая тишина. Нет, не мёртвая. Мёртвая — это плохо. Это значит (так мне кажется) молчат, потому что не слушают. Смотрят в окно и думают о чём-то своём или просто сидят лениво и безразлично. Тишина должна быть живая. Ждут: «Ну, а дальше что? Рассказывайте, рассказывайте, что дальше!» Но уже всё! Я уложилась минута в минуту. (Анна Тимофеевна говорила, что это очень важно.)

«Всё, ребята,— скажу я,— урок окончен!»

И тогда они зашумят, повскакивают со своих мест, окружат меня.

«Елена Александровна, а на следующий урок вы придёте?»

«Нет? Ой как жаль!»

«А вы приходите! Мы очень хотим, чтобы вы пришли!»

«После окончания института? А когда вы кончите институт? Ещё целый год? Ой как долго! Но всё равно приходите! Мы вас будем ждать! Очень интересный был урок!»

Такой должен быть конец в картине, которую я себе мысленно рисовала.

Школа стояла тёмная и молчаливая. Ни в одном классе не светились окна. Но входные двери уже были открыты, и в нижнем коридоре горел свет.

Возле учительской я немного постояла, набираясь смелости. Не знаю, как тебе, а мне всегда было как-то страшновато входить в учительскую даже в своей школе, а тем более в чужой. За дверью раздавались громкие голоса.

— ...Живой... Вы называете его живой, а я говорю — просто разболтанный класс! И нечего их оправдывать! Один Саламахин чего стоит! — говорил сердитый женский голос.

А другой — тоже женский и, как мне показалось, молодой — отвечал:

— Да я и не собираюсь оправдывать. Но вы сами виноваты. Вы же сказали им: «Кому скучно на уроке, пусть уйдёт!» Вот они и ушли. Наверное, им и в самом деле было скучно.

— Ну, знаете ли, это ведь урок, а не цирковое представление! Или вы считаете, что учитель должен показывать фокусы?

— Я, знаете, считаю...

Мне хотелось узнать, что считает эта невидимая мне, судя по голосу, молодая женщина, но неудобно было стоять под дверью, будто я нарочно тут стою и подслушиваю. К тому же первый голос снова перебил:

— И вообще этот четвёртый «Б»... С ним никакого сладу нету! Это не только я одна говорю. А Саламахин — это просто какой-то разбойник!

Именно в этом четвёртом «Б», в разболтанном четвёртом «Б», где учится разбойник Саламахин, и предстояло мне давать сегодня урок. Я открыла дверь.

Как только я вошла и поздоровалась, спор в учительской прекратился. Все повернулись и посмотрели на меня. А невысокая, кругленькая женщина средних лет приветливо мне кивнула. Это была директор школы Зинаида Ивановна. Я её уже видела, когда приходила договариваться о практике. Зинаида Ивановна поднялась со своего места и сказала:

— Товарищи, разрешите вам представить нашего будущего коллегу.

Не знаю, известно ли тебе, что слово «коллега» так же, как и слово «план», пришло к нам из латинского языка. В точном переводе оно означает «сотоварищ» — не просто друг-приятель, а товарищ по профессии или по совместной учёбе. Например, если мы с тобой каждый день встречаемся во дворе или на улице и играем в футбол, в классики, в прятки — мы всё равно не коллеги. А вот если ты и я лечим больных, тогда... «Что вы думаете по этому поводу, коллега?» Ну конечно же, нам есть о чём поговорить, посоветоваться друг с другом, потому что мы с тобой знаем то, что не знают другие, у нас имеются свои профессиональные знания, полученные долгой учёбой или опытом. И вот директор школы Зинаида Ивановна при всех назвала меня будущим коллегой!

Между тем школа наполнялась привычным шумом.

Раздавались ребячьи голоса. Кто-то, бухая ботинками, пробежал по коридору. Что-то глухо шмякнуло об пол — должно быть, уронили портфель.

Прозвенел первый звонок, и шум стал затихать, словно откатилась грохочущая волна. Когда мы с Зинаидой Ивановной вышли из учительской, везде было пусто. Только на втором этаже в конце коридора маячила фигура мальчишки. Он стоял в опустевшем коридоре и не просто стоял, а пританцовывал возле приоткрытой двери класса, из которой доносился гул, который обычно стоит в классе, когда учитель почему-либо опаздывает к началу урока. Я сразу догадалась, что это и есть четвёртый «Б». Увидев нас, мальчишка юркнул в класс, и оттуда тотчас донёсся его звонкий голос:

— Идут! Идут! Зинаида Ивановна и новая училка!

«Наверное, Саламахин! — мелькнуло у меня.— И правда, самый настоящий разбойник! Сказать про меня — «училка»! Зинаида Ивановна только что назвала меня коллегой, а он — «училка»! Ничего умнее не мог придумать».

Мы с Зинаидой Ивановной вошли в класс, и ребята шумно поднялись. Зинаида Ивановна сказала весёлым голосом:

— Здравствуйте, ребята!

А я... я проговорила еле слышно безо всякого веселья:

— Здрасте.

Дальше Зинаида Ивановна сказала, отчётливо выговаривая слова:

— Сегодня у вас урок истории будет вести Елена Александровна. Прошу вас сидеть тихо.

Все сразу заёрзали, зашуршали. А одна девочка, какая-то очень аккуратная, должно быть отличница, подняла руку:

— Ну что ты, Серднёва, хочешь сказать? — спросила Зинаида Ивановна.

— Я хочу спросить, когда придёт Анна Николаевна?

— Анна Николаевна будет вести у вас очередной свой урок в среду,— ответила Зинаида Ивановна.

И девочка, облегчённо вздохнув, опустилась на место.

Зато темноволосый, черноглазый мальчишка, сидевший на второй парте возле окна, улучив минуту, когда Зинаида Ивановна смотрела в другую сторону, скорчил мне рожу.

«Саламахин! — с ужасом подумала я.— Вот он, этот разбойник Саламахин!»

А ещё этот Саламахин показался мне почему-то очень знакомым. «Ну конечно,— вспомнила я,— у нас в классе тоже учился Саламахин, только его фамилия была другая — Пеночкин. А так очень похож. И вертелся так же, и рожи строил».

Зинаида Ивановна тем временем, оставив меня посреди класса, сама прошла между рядов и села за последнюю парту. Когда я готовилась к практике, я как-то упустила из виду, что на моём уроке может сидеть кто-нибудь посторонний. И теперь, увидев, что Зинаида Ивановна осталась в классе, я почему-то очень растерялась. С одной стороны, так вроде было бы даже спокойней. Ребята будут сидеть тихо. Даже этот самый Саламахин, похожий на Пеночкина, не посмеет при директоре озорничать. Но в ушах у меня ещё звучало: «Познакомьтесь, это наш будущий коллега!» И сознание, что мой урок будет слушать эта серьёзная деловитая женщина, сковало меня.

Ох, если бы тетрадка в клеточку, лежавшая в моём портфеле, могла бы говорить сама! Тогда всё было бы прекрасно! Но тетрадка молча лежала на своём месте. Я тоже безмолвно стояла посреди класса. А в классе стояла тишина. Ребята сидели и смотрели на меня. Надо же такое — сидят и молчат! Лучше бы они шумели, шуршали, двигались. Тогда могло бы показаться, что я просто дожидаюсь, пока они успокоятся. А так будто часы громко и тревожно отстукивали у меня в мозгу каждую секунду: стук-стук — раз! Стук-стук — два! Стук-стук — три!.. И вдруг что-то и в самом деле зашуршало. Это мальчишка в третьем ряду, ближе к двери, такой тихонький с виду, остролицый, достал тетрадь, вырвал из неё лист и, ловко загибая то один край, то другой, быстро сделал голубя. «Вот он, наверное, Саламахин-Пеночкин! Этот тихоня с виду, а вовсе не тот темноглазый возле ок-

на, который состроил рожу,— подумала я.— Господи, что же мне делать?»

Стук-стук — четыре! Стук-стук — пять!..— стучали часы. А голубь сидел в руках у мальчишки, готовый каждую секунду взлететь.

В четвёртом классе ребята изучают историю СССР. И тема была моя любимая — культура Древней Руси... «Сегодня я вам расскажу о культуре, которая...» Нет, не так! Немного по-другому: «Мы с вами поговорим...» Я отчаянно старалась вспомнить свой план.

«Пункт *а* — строительство, архитектурные памятники. Нет, строительство — это, кажется, пункт *б*. А пункт *а* — это... это...» Я бы, наверное, всё-таки вспомнила, с чего начинать, но тут вдруг ещё один мальчишка — рыжий, с веснушками (вот он настоящий Саламахин-Пеночкин!), сидевший в среднем ряду, как раз напротив учительского стола, вытянул руку и прищурился, прицеливаясь. Между его большим и указательным пальцами болталась тоненькая резинка. При этом он, быстро работая челюстями, жевал бумажный комок — готовил снаряд для своего метательного орудия. «Рогатка ведь и в самом деле устроена по принципу метательных орудий, применявшихся в Древней Руси...— мелькнуло у меня и опять звертелось: — Орудия, оружие, доспехи — это кажется входит в пункт *а*. А может, не в *а*, а в *б*!» И вдруг я почувствовала: надо начинать! Всё равно с чего! С начала, с конца — только начинать! Нарушить эту ужасную тишину!

И я начала:

— Вы все знаете, что земля плоская. Она плавает в море-океане на трёх китах...

Как только я это сказала — про то, что земля плоская и плавает в море-океане,— Саламахин-Пеночкин, который тогда потихоньку от Зинаиды Ивановны ухитрился скорчить мне рожу, сразу посмотрел на меня. Глаза у него стали круглые и рот немного раскрылся. Но это он не нарочно, а от удивления. И другой Саламахин-Пеночкин — тихоня в третьем ряду — тоже посмотрел на меня и отложил своего голубя.

— Если плыть на ладье на полночь много дней, то приплывёшь в земли, где живёт народ югра, у которого много меховых шкур — и белки, и лисы, и горностай. За железный нож, наконечник для копья или за калёные стрелы нанесёт югра полную ладью меховых шкур. Отвезёшь их на новгородский или на киевский торг и станешь богат, как купец Садко, — рассказывала я дальше.

Теперь уже я перестала волноваться. И никаких Саламахиных-Пеночкиных больше не боялась. Потому что даже Саламахин-Пеночкин третий, тот, что сидел в среднем ряду против моего стола, перестал жевать свой бумажный катыш и снял с пальцев резинку.

— А если плыть всё дальше и дальше на полночь, то приплывёшь на край света к Дышучему морю,— продолжала я рассказывать, уже совсем осмелев.— Это море даже летом покрыто огромными — больше самого большого терема, больше самого высокого храма с колокольней — льдинами. Море старается скинуть эти льдины со своей спины и то набегает на берег, то уходит далеко-далеко, обнажая дно. Бегает взад-вперёд и тяжело дышит. Поэтому и назвали его Дышучим. На берегу этого моря живут люди без голов. Вместо голов у них меховые клобуки, а рот у них в животе. Летом, когда тепло, эти люди сидят в воде — от жары спасаются. А когда наступает зима, они засыпают и спят всю зиму. А ещё на этом студёном Дышучем море вдруг, откуда ни возьмись, набегает чудный свет. Всё вокруг начинает гореть и сверкать, будто вспыхивает тьма радуг. И такая красота вокруг, что ни в сказке сказать ни пером описать!

Я бы ещё могла многое рассказать притихшему четвёртому «Б», но тут прозвенел звонок. Последнее, что я увидела, это были глаза Зинаиды Ивановны, такие же круглые от удивления, как и у Саламахина-Пеночкина первого. Мне показалось, что Зинаида Ивановна не очень довольна моим уроком. А между тем я ведь ничего не выдумала. Я рассказывала о том, как представляли себе люди в те времена окружающий мир. И такой «урок географии» вполне мог состояться в школе, где учился

Вишена. В то время новгородские купцы, плававшие на своих ладьях в северные земли за мехами, случалось, попадали иногда на Белое или Карское море и, возвращаясь после трудного и опасного путешествия, рассказывали разные истории, в которых быль перемешалась с выдумкой, реальная действительность с фантастическими измышлениями. Тогда каждый уважающий себя путешественник непременно рассказывал о своих путешествиях разные небылицы. И чем чудней они были, тем больше верили люди рассказчику. Впрочем, учёные не раз убеждались, что в основе выдумки, легенды, фантазии имеется доля правды. Конечно, безголовых людей на Дышучем море не было. Но до сих пор сохранились малицы и паницы, сшитые из оленьих шкур комбинезоны с капюшоном, плотно закрывающим голову и часть лица. Это ненецкая национальная одежда. Может быть, увидев издали людей в таких странных одеждах, склонные к выдумке корабельщики решили, что меховые колпаки заменяют северным людям головы. И другие их россказни тоже можно понять и объяснить. Теперь всем известно, что на дальнем севере зимой почти полгода продолжается ночь. Но впервые столкнувшись с этим, путешественники вполне могли прийти к выводу, что местные жители беспробудно спят всю зиму. И почему Белое море в старину называли Дышучим, не трудно догадаться. Из-за приливов и отливов, с которыми новгородские корабельщики тоже впервые столкнулись на севере. Ну, а райский свет, о котором они рассказывали,— это уж совсем понятно что. Северное сияние, которое, конечно же, должно было поразить людей, впервые его увидевших.

Новгородские путешественники, или, как их называли тогда, плаватели, были единственными, кому удалось добраться до далёких земель на берегах Северного Ледовитого Океана, на самом деле представлявших собой край света. И только из их рассказов, густо сдобренных фантазией, мы, выявив крупицы правды, всё же можем узнать кое-что о жизни народов Севера. Например, свидетельства новгородцев — единственные сведения о ненцах, дошедшие до нас из средневековья.

Но обо всём этом я не успела рассказать ребятам четвёртого «Б» — не хватило времени. Мне остаётся только надеяться, что ученики четвёртого «Б» всё же не остались на всю жизнь в убеждении, что Земля плоская и на берегах Дышучего моря живут безголовые люди. Я думаю, что их учительница Анна Николаевна, урок которой должен быть у них в следующую среду, им объяснила всё то, что не успела объяснить я.

Хочу ещё добавить, что конец у этой истории был такой, как и представлялся мне, когда я шла в эту школу. После звонка ребята окружили меня плотным кольцом. Кто-то спросил:

— Елена Александровна! (Запомнили всё-таки, что я Елена Александровна.) Елена Александровна, а вы ещё к нам придёте?

— Нет? Ой, как жаль!

— А вы приходите! Мы очень хотим, чтобы вы пришли!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Напиши нам, понравилась ли тебе эта книга. Что ты думаешь о Лене и её друзьях с Добрынинской улицы? О ребятах с улицы Добрыни? Наверно, и та улица, на которой ты живёшь, имеет свою историю. Напиши нам, что тебе известно о твоей улице или какой-нибудь другой улице твоего города, об интересных людях, живших на ней когда-то, или, может быть, живущих сейчас.

Отзывы о книге присылай по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

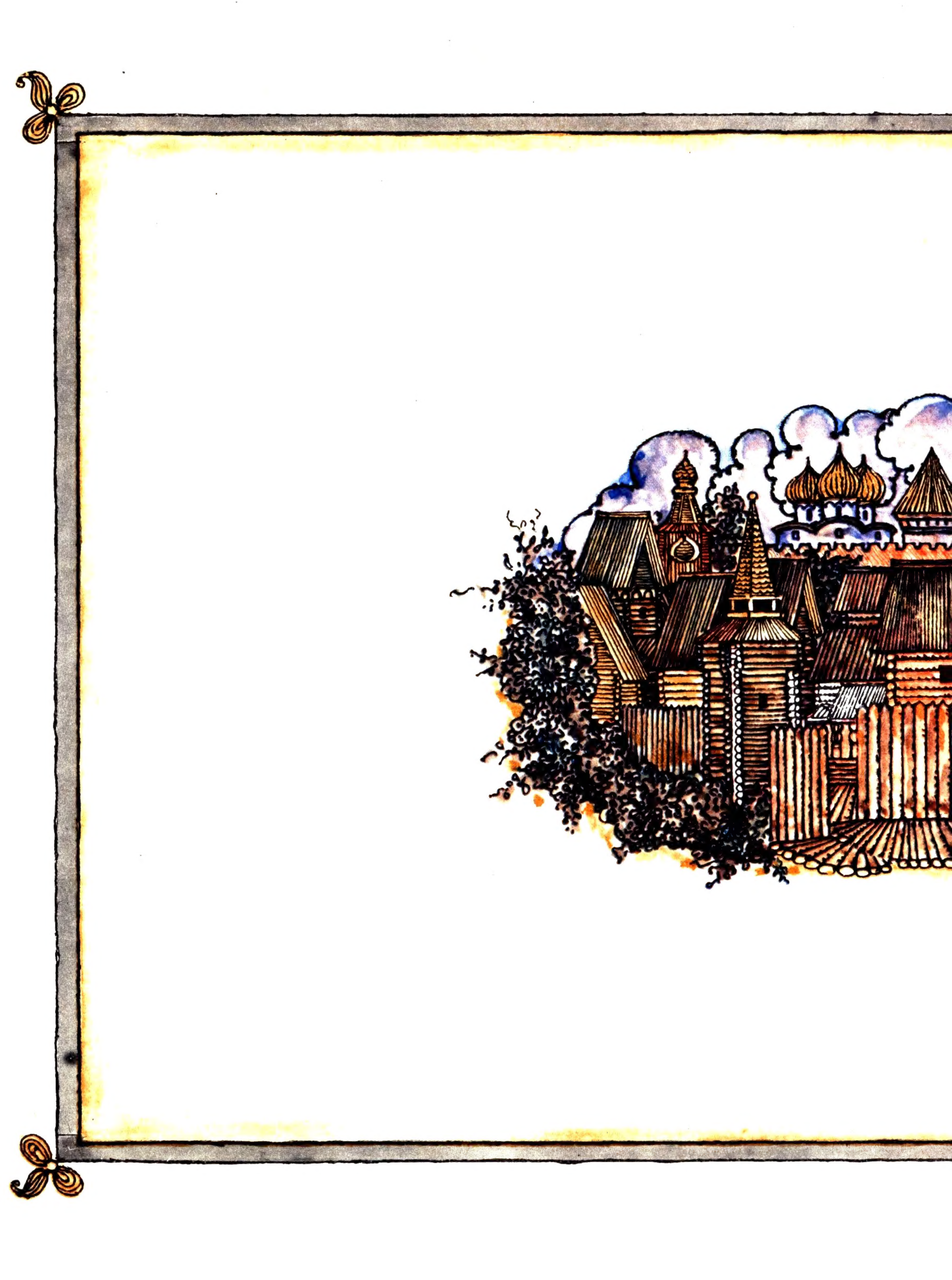
Для младшего школьного возраста

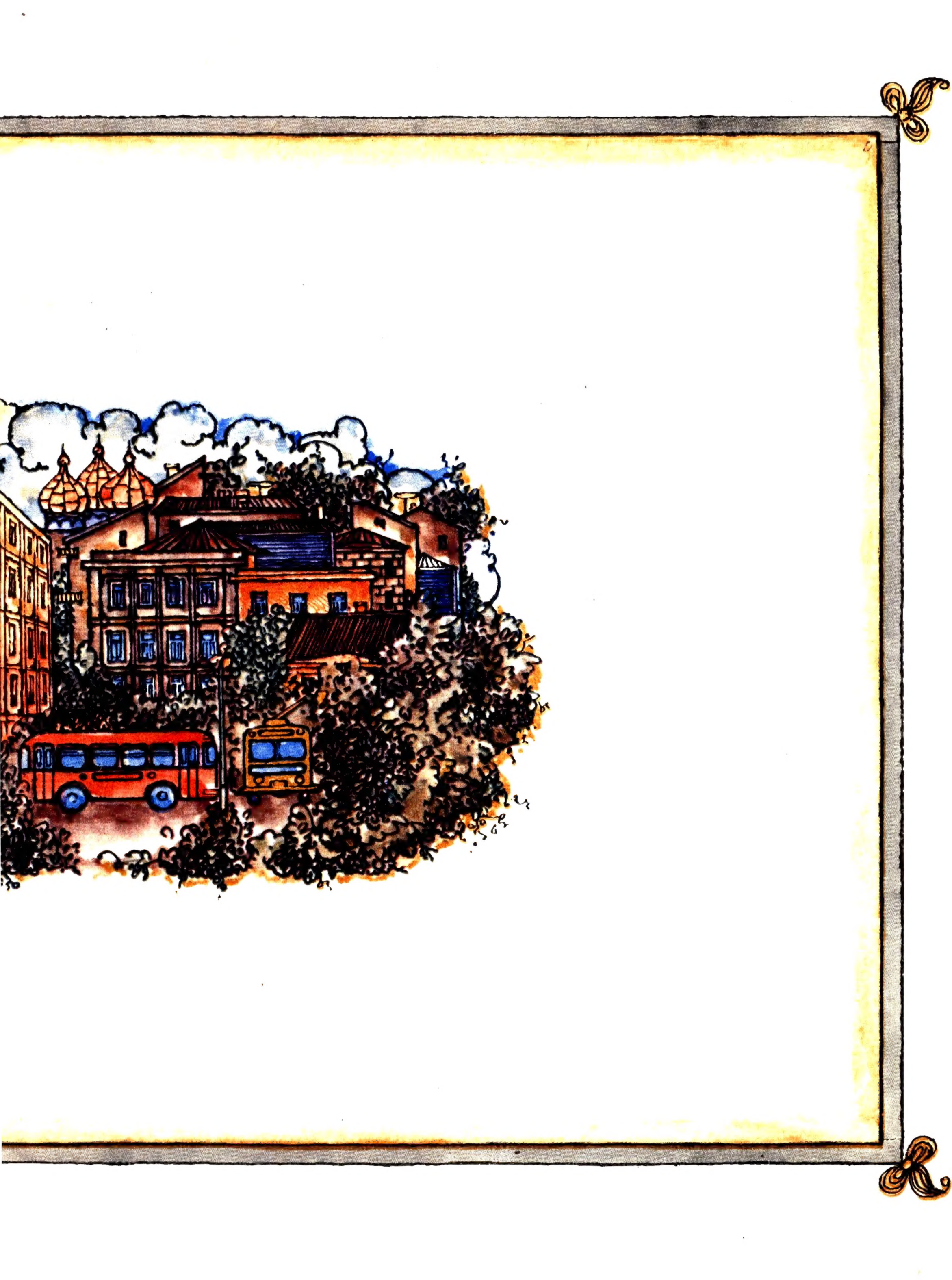
Тамара Васильевна Лихоталь

ЗДРАВСТВУЙ, СОСЕД!

Ответственный редактор
Л. И. Доукша
Художественный редактор
В. А. Горячева
Технические редакторы
Н. Д. Лаукус и Н. Г. Мохова
Корректоры
Э. Н. Сизова и Е. И. Щербакова
ИБ №1837

Сдано в набор 30/XI 1976 г. Подписано к печати 31/VIII 1977 г. Формат 70×90/16. Бум. офс. № 1. Печ. л. 12. Усл. печ. л. 14,04. Уч.-изд. л. 10,16. Тираж 100 000 экз. Заказ № 523. Цена 55 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Набор изготовлен автоматизированной системой «Союз» на ЭВМ «Минск-32».

Цена 55 коп.